

BHAGWAN
SHREE
RAJNEESH

BOOKS

HAVE I OWNED
LITRU.RU

Annotation

Дискурсы, данные в 1984 году в Орегоне, США.

Книга Ошо, где он говорит о значимых для себя и для любого человека книгах, и конечно, о самом Главном...

ОШО

Книги, которые я любил

Books I Have Loved

ОШО

дискурсы, данные в 1984 году в Орегоне, США

Глава 1

Гость, хозяин, белая хризантема... Это те моменты, как белые розы, когда никто не мог говорить.

*Ни гость,
ни хозяин...
только тишина.*

Но тишина говорит своим собственным манером, поёт свою песню удовлетворённости, мира, красоты и благословения; иаче у нас не было бы Дао Дэ Цзин, у нас не было бы Нагорной проповеди. Я считаю эти книги настоящими поэтическими произведениями, хотя они не созданы в какой-либо поэтической традиции. Они вне этого. Они держаться особняком. Это правда, потому что они не принадлежат никаким нормам, никаким традициям, они не принадлежат этим измирениям; они вне всего этого, и теперь они будут очищены.

Несколько фрагментов из «Братьев Карамазовых» Фёдора Достоевского подлинно поэтичны, и даже кое-что из книги сумашедшего Фридриха Ницше «Так сказал Заратустра». Даже если бы Ницше не написал ничего, кроме «Так сказал Заратустра», он бы уже чрезвычайно услужил человечеству — нельзя ожидать большего от любого человека — потому что Заратустра был почти забыт. Так вот это Ницше вернул его, он дал ему новое рождение, воскресил его. «Так сказал Заратустра» может стать Библией будущего.

Говорят, что Заратустра смеялся, появившись на свет. Очень сложно представить себе новорождённое дитя смеющимся... Ладно уж улыбающимся — но смеющимся? Это очень удивительно, поскольку смеху нужен контекст. Какой шутке смеялся малыш Заратустра? Вселенской шутке, в этой шутке всё существование..

Да, напишите в своих записях «космическая шутка» — и подчеркните. Очень хорошо. Я слышу, как вы подчеркнули. Это прекрасно. Вы заметили, насколько хороший у меня слух? Если я захочу, я могу слышать, как кто-то рисует или как упал лист. Если я захочу, я могу видеть в темноте, в абсолютной темноте. Но когда я не хочу слышать, я притворяюсь неслышащим, просто чтобы дать вам ощущение, что всё протекает хорошо..

Заратустра, родившись, смеётся! И это было только начало. Он смеялся всю свою жизнь. Вся жизнь его была смехом. Но даже так люди забыли его. Англичане решили изменить ему имя, они назвали его "Зороастр". До чего чудовищно! "Заратустра" было похоже на мягкость розового лепестка, а "Зороастр" звучит, как огромное механическое бедствие. Заратустра смеялся бы над своим новым именем: "Зороастр". Но до Фридриха Ницше долгое время он был забыт. Кто-то должен был появиться, чтобы вернуть Заратустру.

Мусульмане насильно обратили всех последователей Заратустры в свою веру. Всего несколько человек сбежало — в Индию, ещё куда-то. Индия была местом, куда любой мог попасть без паспорта или визы, без всяких проблем. Всего несколько последователей Заратустры смогли убежать от убийц во имя бога. Этих последователей не много и в Индии — всего сто тысяч. Кто теперь будет беспокоиться о религии, последователей которой насчитывается всего сто тысяч, которые к тому же не только почти все живут в Индии, но даже в окрестностях одного только города, Бомбея. Но даже и эти люди забыли Заратустру. Они пошли на компромисс с индусами, с которыми им пришлось совместно жить. Они смогли сбежать от одних, но сразу попали в канаву — в очень глубокую канаву! С одной стороны хорошо, с другой — канава. Путь — то, что Будда называл серединным путём — значит идти точно по середине, между любыми крайностями...

Заслуга Ницше в том, что он вернул Заратустру современному миру. Но он сотворил и вред

— и это был Адольф Гитлер. Он создал обоих. Разумеется, он не ответственен за Адольфа Гитлера. У Гитлера было своё недоразумение по поводу идеи Ницше о "сверхчеловеке". ^[1] Что мог Ницше с этим поделать? Если вы недопонимаете меня, что я могу с этим сделать? Непонимание — это всегда ваша свобода. Адольф Гитлер был юной посредственностью, отсталым в развитии ребёнком, действительно никуда не годным. Просто вспомните его лицо — эти маленькие усы, эти глаза, которые смотрят, будто хотят вас напугать, этот напряжённый лоб... Он был так напряжён потому что не мог быть дружелюбен к кому-либо на протяжении всей своей жизни. Чтобы быть другом, только одно нужно — слегка расслабиться.

Гитлер не мог любить, хотя он пытался по-своему. Он пытался, так же, как, к сожалению, делают многие мужья, — диктовать, отдавать приказы, манипулировать и управлять женщинами. Но он был не в состоянии любить. Для любви нужен разум. Он даже не мог позволить своей девушке остаться с ним наедине в своей квартире ночью. Это страшно! Он опасался, что пока он будет спать... Кто может знать, подружка может оказаться повражкой; она может быть агентом иностранной разведки. Он спал один всю жизнь.

Как мог человек, подобный Адольфу Гитлеру, любить? Он не имел симпатий, ни чувств, у него не было сердца — никакой женской стороны не было в нём. Он убил женщину внутри себя, так как же он мог любить женщину снаружи?! Чтобы любить внешнюю женщину, ты должен подпитывать женщину, которая у тебя внутри, потому что только то, что есть внутри, выражается вовне, в твоих действиях.

Я слышал, что Гитлер застрелил одну свою подругу из-за сущего пустяка; он убил её, так как запрещал ей навещать её мать — а она уходила, пока его не было, хотя к моменту его прихода и возвращалась. Он узнал от охраны, что она выходила. Этого было достаточно, чтобы кончилась любовь, — не только любовь, женщина тоже! Он застрелили её, сказав: «Если ты не повинешься мне, ты мой враг!»

Это была его логика: кто повинется тебе, тот твой друг; кто не повинется — тот враг. Кто за вас, тот с вами, а кто не за вас, тот против вас. Это не обязательно так: кто-то может быть просто нейтральным, ни за вас, ни против вас. Кто-то может быть не вашим другом — он не за вас, но это не обязательно значит, что он ваш враг.

Я люблю книгу «Так сказал Заратустра». Я люблю всего несколько книг, я могу пересчитать их по пальцам...

«**Так сказала Заратустра**» — она будет первой в моём списке.

«**Братья Карамазовы**», вторая.

Третья — «**Книга Мирдада**».

Четвёртая — «**Чайка по имени Джонатан Ливингстон**».

Пятая книга — «**Дао Дэ Цзин**» Лао Цзы.

Шестая — это «**Притчи Чжуана Цзы**». Он был самым любвеобильным человеком, и эта книга самая любвеобильная.

Седьмая — **Нагорная Проповедь**. Только Нагорная Проповедь, не вся Библия. Вся Библия — это просто чепуха, за исключением Нагорной Проповеди.

Восьмая... Верно я нумерую? Прекрасно. А то вы можете почувствовать, что я по-прежнему нахожусь в своём безумии. Восьмая, «**Бхагавадгита**», божественная песнь Кришны. Кстати, "Христос" — это только вариация произношения слова "Кришна", так же, как "Зороастр" происходит от "Заратустра". "Кришна" — имеется ввиду высшая степень сознания, и песнь Кришны, «Бхагавадгита», достигает крайних высот бытия.

Девятая, «**Гитанджали**». Имеется ввиду "избранные песни". Это работа Рабиндраната Тагора, за которую он получил Нобелевскую премию.

И десятая — это песни Миларепы. «**Тысяча песен Миларепы**», как эту книгу называют в

Тибете.

Никто не говорит.

Хозяин,

Гость,

белые хризантемы тоже молчат...

Аххх!.. Как прекрасно. "Белые хризантемы"! Как замечательно. Слова так бедны. Я не в состоянии описать, что это мне доставляет...

Белые Хризантемы.

Никто не говорит.

Хозяин,

гость,

Белые хризантемы.

Хорошо. Из-за этой красоты мои уши не могут слышать даже шума... мои глаза наполняются слезами.

Слёзы — единственные слова, которыми неизвестное может говорить,
это язык тишины.

Я извиняюсь, потому что сегодня утром я не упомянул несколько книг, которые я должен был упомянуть. Я был так поглощён Заратустрой, Мирдадом, Чжуан Цзы, Лао Цзы, Иисусом и Кришной, что я забыл о нескольких книгах, которые более чем существенны. Я не могу поверить, что я забыл Калила Джебрана, его книгу «**Пророк**». Это мучительно для меня. Я хочу искупить это — вот почему я говорю "извините" — но никому в особенности.

Как я мог забыть книгу, которая является пределом: **Книгу суфиев**! Возможно, я забыл, потому что она не содержит ничего, только пустые страницы... Двенадцать сотен лет суфии относились к этой КНИГЕ со страшной заботой, открывая эти страницы и изучая их. Только удивляешься: что они изучают?. Когда вы долгое время смотрите на чистую страницу, вы на грани того, чтобы прыгнуть выше себя... Это настоящее изучение — работа.

Как я мог забыть КНИГУ? Кто теперь простит меня? КНИГА должна была быть упомянута первой, не последней! Это нельзя превзойти. Как вы можете создать книгу лучше, чем та, что не содержит *ничего* и сообщает *ничто*?

Ничто должно остаться в твоих записях, Дэвагит, как **ни-что**; иначе оно будет иметь негативное значение — значение пустоты, и это не то. Верное значение — "наполненность". Пустота на Востоке имеет совершенно другой контекст... ШУНЬЯТА.

Я дал одному из моих санньясинов имя Шунью, но этот дурак продолжает называть себя Доктор Эйчлинг. Что может быть глупее? "Доктор Эйчлинг" — какое дурацкое имя! Он даже сбрил свою бороду, чтобы быть доктором Эйчлингом... так как с бородой он выглядел хоть немного красиво.

На Востоке шуньята, пустота — это не то, что в английском языке понимается под словом "пустота". Это наполненность, ПЕРЕполненность... так полно, что ничего более уже не нужно. Вот что сообщает Книга.

Пожалуйста, включите её в список.

Первое, **Книга суфиев**.

Во-вторых, «**Пророк**» Калила Джебрана. Я мог бы легко понизить «Пророка» и объяснить его как эхо ницшевской «Так сказал Заратустра». В нашем мире никто не говорит правду. Мы такие лжецы, так формальны, настолько полны этикета... «Пророк» красив потому, что это эхо Заратустры.

Третья, **Книга Ле Цзы**. Лао Цзы я упомянул, Чжуана Цзы упомянул, Ле цзы забыл, а он сама кульминация Лао Цзы и Чжуан Цзы. Ли Цзы — это третье поколение. Лао Цзы был мастером, Чжуан Цзы его учеником; Ли Цзы был учеником ученика, возможно потому я про него забыл. Но эта книга чрезвычайно красиво и достойна включения в список.

Четыре — и это в самом деле удивительно, — я не упомянул Платона «**Диалоги Сократа**». Наверно, я забыл из-за Платона. Платон не стоит упоминания, он был всего лишь философом, но его «Диалоги Сократа и его смерть» не может быть переоценена и должна быть в списке.

Пятая... Я также забыл **Записи учеников Бодхидхармы**. Когда я говорил про Гаутаму Будду, я всегда забывал Бодхидхарму, возможно потому, что я чувствовал, что что он настолько слит со своим мастером, Буддой. Но нет, это не правильно; Бодхидхарма возвышается над ним. Бодхидхарма был великим учеником, настолько великим, что сам мастер мог бы ревновать к нему. Он сам не написал ни слова, но несколько из его учеников, неизвестные, поскольку они не упомянули своих имён, сделали некоторые заметки о словах Бодхидхармы. Эти заметки, даже всего несколько, драгоценны, как Кохинор. Слово "Кохинор", если вы не знаете, означает "свет мира". "Нор" значит свет, "кохи" — мир. Если бы мне пришлось описать что-нибудь, как

Кохинор, да, я указал бы на эти несколько записей анонимных учеников Бодхидхармы.

Шестая — и я также забыл — «**Рубайат**». Слёзы подступают к моим глазам. Я могу быть прощён за что угодно другое, но не за «Рубайат». Омар Хайям... Я могу лишь прослезиться. Я могу извиниться только своими слезами, не словами. «Рубайат» — одна из наиболее неправильно понятых, и также одна из наиболее широко читаемых книг в мире. Её перевод может быть понятен, но недоразумение о её духе, он не был понят. Переводчик был не в состоянии передать также и дух. «Рубайат» символична, а переводчик был очень прямолинейный англичанин, что в Америке назвали бы плоским, без бёдер вообще. Чтобы понять «Рубайат», вам нужно быть немного непрямым, неправильным, неоднозначным...

«Рубайат» рассказывает о вине и женщинах, больше ни о чём; он воспекает вино и женщин. Переводчики — а их было много — все ошиблись. Они должны были ошибиться, потому что Омар Хайям был суфий, человек понимания, тот, кто *знал*. Когда он говорил о женщине, он говорил о Боге. Так суфии обращаются к Богу: «Возлюбленная! О, моя Возлюбленная!» И они всегда используют женский род для Бога — это важно, это должно быть записано. Только суфии обращаются к Богу как к возлюбленной. А "вино" — это то, что происходит между любовником и возлюбленной, между учеником и мастером, между искателем и найденным, между преданным и его идолом... алхимия, трансмутация — вот что есть "вино". «Рубайат» настолько неверно понят — наверно, поэтому я забыл о нём.

Седьмая, «**Маснави**» Джелаладдина Руми. Это книга маленьких притч. Великое может быть выражено только в притчах. Иисус говорил в притчах: тем же образом говорит «Маснави». Почему я забыл о ней? Я люблю притчи; я не должен был забыть про них. Я использовал сотни притч из этой книги. Наверно, они стали настолько частью меня, что я забыл упомянуть их отдельно. Но это не оправдывает меня, извинения всё ещё требуются.

Восьмая: восьма это **Иша Упанишада**. Легко понять, почему я забыл о ней. Я пил её запоем, она стала частью моей плоти и костей; это я. Я говорил о ней сотни раз. Это очень маленькая Упанишада. Есть сто восемь упанишад, а Иша меньше всех их. Она может быть напечатана на открытке, всего на одной её стороне, — но она содержит остальные сто семь, так что о них можно не упоминать. Их семя содержится в Иша.

Слово Иша подразумевает «божественное». Вы, может, удивитесь, что мы в Индии не называем Христа "Христом" — мы называем его "Иса" — это ближе к арамейскому "Ешуа" и английскому "Джошуа". Его родители, должно быть называли его Йешу. Но "Йешу" это очень длинно. Имя путешествовало, и в Индии из "Йешу" превратилось в "Ису". Индия немедленно признала, что "Ису" так близко к Исе, которого считают Богом, — так что будем лучше называть его Иса.

Иша Упанишада — одно из величайших творений для медитирующих.

Девять... Я забыл сказать что-то по поводу Гурджиева и его книги «**Всё и вся**» — возможно потому, что это очень странная книга, практически невозможная для чтения. Я не думаю, что кто-то из живущих ныне, кроме меня, прочитал эту книгу от первой страницы до последней. Я встречал многих последователей Гурджиева, но никто из них не был способен полностью прочесть «Всё и вся».

Это большая книга — полная противоположность Иша Упанишады — тысяча страниц! И Гурджиев такой злой праведник — пожалуйста, позвольте мне это выражение «злой праведник» — он писал таким образом, что не было никакой возможности читать. Одно предложение могло растянуться на четыре страницы! Приближаясь к концу предложения, вы, конечно, забывали начало. И он использовал слова, которые придумал сам — точно, как я. Странные слова... для примера: когда он говорил о кундалини, он называл это "кундабуфер"; это было его слово для кундалини. Это книга огромной ценности, но драгоценности спрятаны среди простых камней.

Нужно искать и исследовать.

Я читал эту книгу не один раз, а много раз. И чем больше я шёл в это, тем больше я любил это, потому что всё больше я мог видеть злую хитрость; я мог видеть, как это — прятаться от тех, кому не должно знать. Знание не для всех, оно не для тех, кто ещё не способен впитать его. Знание должно быть скрыто от неосторожных, оно лишь для тех, кто может переварить его. Оно должно быть дано тем, кто уже готов. Это единственная причина писать таким необычным способом. Нет книги более странной гурджиевской «Всё и вся», — и это, конечно, всё и вся.

Десять: я помнил эту книгу, но не упоминал её, потому что она была написана П.Д. Успенским, учеником Гурджиева, который предал его. Я не хотел включать книгу из-за предательства автора, но так как книга была написана до предательства, в конце концов я решил включить её. Название книги «**В поисках чудесного**». Она много прекрасна, тем более потому, что написана человеком, который был всего лишь учеником, который сам не знал. Но он был не просто ученик, а позже Иуда — человек, предавший Гурджиева. Это странно, но мир пестрит странностями.

Книга Успенского представляет Гурджиева намного более ясно, чем сам Гурджиев. Возможно, в какой-то мерности существования, Гурджиев завладел Успенским и использовал его в качестве медиума, так как я использую Дэвагита в качества моего медиума. Прямо сейчас он пишет заметки, и я с полузакрытыми глазами могу видеть всё. Я могу видеть даже с закрытыми глазами. Я просто наблюдатель, наблюдатель на холмах. У меня нет никакой другой работы, кроме как наблюдать.

Одинадцать: эта книга была написана непросветлённым человеком, ни мастером, ни учеником: «**Листья травы**» Уолта Уитмена. Но что-то проникло, прошло через поэтизм в нём. Поэт функционирует, как бамбуковая флейта, — но записи, которые возникают, не принадлежат флейте; они не заслуга бамбука. Уолт Уитмен просто американский бамбук. Но «Листья травы» чрезвычайно красива. Что-то, истекающее от Бога, было поймано этим поэтом. Ни один американец, исключая Уитмена, насколько я знаю, на коснулся этого — и этот тоже частично; никакой другой американец не был так мудр.

Не перебивайте! — хотя бы пока пишуться ваши записи. Потом вы скажете, что не уловили того, не услышали этого. Просто записывайте. Когда придёт время, я сам скажу "стоп".

Равзе закончилось моё время?. Моё время закончилось уже давно; не сегодня, более двадцати пяти лет назад, я живу посмертную жизнь, просто как постскрипту к письму. Но иногда постскрипту важнее, чем само письмо..

Какой чудесный мир. Даже с этих высот можно услышать хихиканье в долине. В некотором отношении это хорошо, это объединяет долину в вершиной.

Увы, это скоро завершиться.

Разве можно сделать что-то продолжающимся вечно?

Как минимум, теперь не предавайте меня.

Человек очень коварен, он — единственный трус.

Могут ли ученики избежать быть Иудами?

Если конец, тогда давайте остановимся.

Так хорошо... Алилуйя!

Моя работа начинается. Вот так шутка! Всем шуткам шутка этот Сосан, китайский мудрец, который стучится в двери моего сознания. Этих мистиков слишком много. Никогда не знаешь, в какой момент они начнут стучать в твою дверь. Они приходят в любое время, когда угодно, для них не существует никаких правил, никакой этики. И что же они сказали мне? Они спросили: "Почему ты не включил мою книгу в список?!"

Боже мой, это правда! Я не включил его книгу в список по той причине, что она содержит всё, что есть. Если я включу его книгу, ничего больше не будет нужно, тогда уже другие книги не будут нужны. Сосан самодостаточен. Его книга называется «**Синь синь Мин**».

"Син" должно быть написано не как английское "sin"^[2], но "h-s-i-n". Теперь вы знаете китайский: вот как совершается грех! HSIN HSIN MING

Ладно, Сосан, я включу твою книгу тоже. Это станет моей первой книгой сегодня. Я извиняюсь, это станет первой с самого начала, но я уже говорил о двадцати других. Это не важно. Говорил я про «Синь синь Мин» или нет, она всё равно первая. Напишите ПЕРВАЯ, — Дэвагит, это заглавные буквы.

"Синь синь Мин" настолько маленькая книга, что если бы Сосан знал, что наступит день однажды и Гурджиев напишет свою «Всё и вся», он смеялся бы, потому что это заглавие его собственной книги! И Гурджиев должен был написать тысячу страниц, а всего несколько слов Сосана так проникновенны, так значительны. Они идут прямо к вашему сердцу.

Я даже могу слышать шум — не от тех слов, идущих к вашему сердцу, но какой-то мыши, какого-то маленького бесёнка, делающего свою работу. Дайте ему делать его работу...

Книга Сосана такая маленькая, как Иша Упанишада, и очень значительна. Когда я говорю, что моё сердце разбито, так как мне нравится считать Иша последней книгой... — но что я могу сделать? Сосан победил её. Слёзы подступают к моим глазам, потому что Иша побеждена и потому что Сосан победитель.

Книга так мала, вы можете написать её на своей ладони; но если вы будете пытаться, прошу помните: левая рука... Не пишите её на своей правой руке, это будет кощунство. Они говорят: «Правая — это правильно, а левая — неправильно». Я говорю, левая — правильно, а правая — неправильно, потому что левая представляет всё, что есть красивого в вас, и Сосан может войти только слева. Я знаю, потому что я вошёл в тысячи сердец через левую руку, через левую сторону, через их женственность, их **инь** — я имею в виду китайское "инь", - я никогда не был способен войти в другого через его "ян". Одного слова довольно, чтобы восприятьствовать другому: ЯН. Это всё равно что сказать: «Держись подальше!» Это говорит: «Стоп! Не входи. Оставайся за дверью! Остерегайся собаки!»

Правое подобно этому. Правое принадлежит неправильной стороне вашего сознания. Оно полезно, но только как слуга. Оно никогда не должно быть повелителем. Так что если вы пишете "Синь синь Мин" Сосана, пишите на левой ладони.

Я говорил об этой книге, и я никогда не любил говорить слишком много. Величайшие моменты моего говорения были, когда я говорил о Сосане. Слова и бессловесное вместе... сами слова ещё ничего не говорят — Сосан может быть объяснён только через *не-слово*. Он не был человеком слов, он был человеком тишины. Он говорил совсем немного. Прости меня, Сосан, я забыл про тебя. Потому что кроме тебя я вспомнил ещё нескольких, которые могут стучать в мою дверь и тревожить мой полуденный сон, так что будет лучше если я упомяну их.

Первая, Сосан "**Синь синь Мин**".

Вторая, «**TERTIUM ORGANUM**» П.Д. Успенского. Это чудо, что он написал её ещё до

того, как даже услышал о Гурджиеве. Он написал её до того, как узнал, что он написал. Он сам понял это только впоследствии, когда встретился с Гурджиевым. Его первыми словами Георгию Гурджиеву были: «Глядя в ваши глаза я понял «TERTIUM ORGANUM». Хотя я сам написал её, теперь я могу сказать, что она была написана **через меня** под каким-то неизвестным влиянием, о котором я ничего не знал». Возможно, это был сам злодей Гурджиев, он написал её через него, а может, кто-то другой, кого суфии называют Предельный Злодей, тот, кто творит чудеса — чудеса, подобные «TERTIUM ORGANUM».

Название означает "Третий канон мысли". Суфии дают этой предельной инстанции имя; это не личность, а просто присутствие. Я чувствую это присутствие прямо сейчас, здесь... в этот самый момент. Они называли это определённым именем, потому что всё должно носить имя, но я не произнесу его — не в присутствии этой красоты, этого блеска... этой наполненности... этой возвышенности, экстаза...

Как я сказал, это чудо, что Успенский мог написать «TERTIUM ORGANUM», одну из величайших книг в любом языке мира. Фактически это говорит — и правильно так — запомните, я повторяю и делаю тут ударение — именно в таком порядке: есть всего три великие книги: «ORGANUM», написанная Аристотелем; вторая — это «Второй ORGANUM» Фрэнсиса Бэкона; и третья «TERTIUM ORGANUM» нашего друга Успенского. " Tertium " означает "третий". И Успенский, очень весело — как может быть весёлым только святой, — он начинает свою книгу так просто, без всякого эго, кротко и просто — такими словами: «первый существует, но НЕ ДО третьего. Третье существовало и до того, как первое пришло в существование».

Успенский, кажется, растратил себя, полностью и совершенно растратил в «TERTIUM ORGANUM», и он не мог достичь больше никогда таких высот. Даже интервьюируя Гурджиева для «В поисках чудесного», он не пришёл к тому же самому. Когда он предал Гурджиева, он ещё раз пытался сделать что-то лучшее, чем «TERTIUM». Как своё последнее усилие, он написал «Четвёртый путь», но она крайне неудачна. Книга хороша — хороша для какой-нибудь университетской программы. Видите, у меня есть свой собственный способ осуждения вещей...

«Четвёртый путь» мог быть частью обычного учебного плана в каком-нибудь образовательном заведении, но ничего более. Хотя Успенский пытался создать свою лучшую книгу, это его худшая книга. И это последняя его книга.

Такая сложность со всем, что велико: когда вы пытаетесь вы упускаете. Это приходит без усилий — либо не приходит вообще. Это посетило его в «TERTIUM ORGANUM», но он даже не знал об этом. Слова в TERTIUM так мощны, что невозможно поверить, что их автор непросветлён, что он ещё только ищет мастера, ещё только ищет собственную правду.

Я был бедным студентом, работал весь день как журналист — это худшая работа из всех, что вы можете представить, но это было возможно для меня в то время — и я так нуждался в работе, что мне пришлось поступить в вечерний колледж. Так что целый день я работал журналистом, а вечером я шёл в колледж. В некотором отношении моё имя относится к ночи. "Раджниш" означает "луна": "раджни" значит ночь, "иш" значит Бог — Бог ночи.

Люди бывало смеялись и говорили: «Ты работаешь весь день и получаешь образование ночью. Ты пытаешься оправдать своё имя?»

Сейчас я могу им ответить, да — напиши это заглавными — ДА, я пытался оправдать его всей моей жизнью! Что ещё может быть более прекрасно, чем быть полной луной? Будучи бедным студентом, я работал весь день, непрерывно. Но я безумец, не важно богатый или бедный — это не имеет значения.

Мне никогда не нравилось читать книги, одолженные у других. Вообще-то, я не любил даже брать книги в библиотеке, потому что библиотечная книга, как проститутка. Я терпеть не мог

видеть пометки, подчёркивания, сделанные другими людьми. Я всегда любил свежее, болоснежную свежесть.

«TERTIUM ORGANUM» была дорогая книжка. В те дни, в Индии я получал жалование лишь семдесят рупий ежемесячно, и по совпадению книга стоила именно 70 рупий — но я купил её. Продавец книжного магазина был поражён. Он сказал: «Даже самый богатый человек из этих мест не может себе позволить её. Пять лет она стояла на полке и никто не купил её. Люди приходили и смотрели на книгу, они даже не думали о том, чтобы покупать. Как можешь ты, бедный студент, который работает весь день и получает образование ночью, работающий 24 часа в сутки, — как ты можешь позволить её себе?!»

Я сказал: «Я куплю эту книгу, даже если мне придётся заплатить за это своей жизнью. Просто читать первую строку достаточно. Я должен иметь её, сколько бы она ни стоила!»

Первое предложение, которое я прочёл в аннотации, было: «Это третий канон мысли, и их всего три. Первый — Аристотеля; второй — Бэкона; третий — мой». Я был так заинтригован вызовом Успенского, когда он говорит: «Третье существовало ещё до первого». Это предложение совершило настоящий пожар в моём сердце.

Я отдал продавцу всё моё месячное жалование. Вы не в состоянии понять — из-за этого я целый месяц был вынужден почти голодать. Но это того стоило. Я помню тот прекрасный месяц: никакой еды, никакой новой одежды, нет даже крова! Потому что я не платил арендную плату и меня изгнали из моей маленькой комнаты. Но я был счастлив с «TERTIUM ORGANUM» под небом. Я читал эту книгу под уличной лампой — это уже признание, — я жил этой книгой. Она так красива, тем более сейчас, когда мне известно, что написавший её человек не имел представления о предмете. Как он мог управлять этим после? Это должна была быть скрытая работа бога, что-то из запредельного. Я не могу противиться и не упомянуть имя, которое имели в ходу суфии; они называют это "кхидр". Кхидр — это сила, руководящая теми, кому нужно руководство.

«TERTIUM ORGANUM» — вторая книга.

Третья: «**Гита Говинда**» — песнь Бога. Эта книга написана поэтом, очень осуждаемым в Индии, но его книга «Гита Говинда», его песня Бога, — в ней он много говорит о любви. Индийцы были всегда настолько против любви, что они так и не оценили этой великой работы.

«Гита Говинда» — это то, что может быть спето. Что можно сказать о ней?. Это песня Баула, песня сумашедшего. Если вы танцуете и поёте её, вы поймёте её, другого пути нет.

Я не упоминаю имя человека, написавшего её. Это важно. "Икс", "уай", "зет"... не то чтобы я не знаю его имени, но я не стану упоминать его по простой причине — он не принадлежит к миру будд. Но всё же он оказал большую услугу.

Четвёртая... Будте терпеливы — потому что я собираюсь доукомплектовать список до десяти. Я не умею считать больше этого. Почему десять? Потому что у меня десять пальцев. Именно так число десять и пришло в существование: десять пальцев. Человек начинал считать по пальцам, вот почему десять базовое число.

Четыре: Кундкунда, «**Самайасар**». Я никогда не говорил о ней. Я принимал решение множество раз, но всегда оставлял эту идею. Это одна из величайших книг, созданных Джайнами, но она очень математична; вот почему я пропускал её. Я люблю поэзию. Если бы это было поэтично, я бы говорил об этом. Я говорил даже о непросветлённых поэтах, но не о просветлённых математиках и логиках. Математика так суха. А логика — это пустыня.

Возможно, он сейчас где-то неподалёку среди моих санньясинов... но он не может быть здесь. Кундкунда был просветлённым мастером, он не может быть рождён снова. Его книга красива, я могу сказать, даже более чем. Я не буду говорить что-то большее, потому что она математична... Математика тоже имеет свою прелесть, свой ритм — за это я ценю её. У неё

есть своя правда, но она очень ограничена и очень... правосторонняя.

"Самаясар" означает сущность. На случай если вы когда-то решите пройти через «Самайасар» Кундкунды, прошу никогда не держите её в своей левой руке. Держите её в правой руке. Это книга для правой руки, правая в любом смысле. Это причина, почему я решил не говорить о ней. Она настолько правая, что я чувствую лёгкое отвращение к ней — конечно, со слезами на глазах, потому что я знаю о красоте человека, написавшего её. Я люблю Кундкунду, но я трепеть не могу его математизированное выражение!

Гудя, ты можешь немного расслабиться, потому что я собираюсь говорить ещё о четырёх книгах. Если тебе нужно, ты можешь выйти снова.

Пятая: Дж. Кришнамурти «**Первая и последняя свобода**». Я люблю этого человека, и я ненавижу этого человека. Я люблю его за то, что он говорит правду, но я ненавижу его за его интеллектуальность. Он один разум, рациональность. Я удивляюсь — он может быть реикарнатией того проклятого грека, Аристотеля.

Его логика — то, что я ненавижу, его любовь — достойна уважения, — а его книга прекрасна.

Это была первая его книга после просветления, и последняя тоже. Хотя многие другие книги выходили в свет, они только слабые повторения того самого. Он не был способен создать что-то лучше, чем «Первая и последняя свобода».

Это странный феномен: Калил Джебран написал свой шедевр «Пророк», когда ему было всего лишь восемнадцать, и он всю жизнь пытался создать что-то лучше, и не смог. Успенский не мог преодолеть «TERTIUM ORGANUM», даже когда он встретил Гурджиева, жил и работал с ним много лет — даже не смотря на это. И тот же случай с Кришнамурти: его книга «Первая и последняя свобода» в самом деле первая и последняя.

Шесть. Шестая — книга ещё одного китайца, **Книга Хуан По**. Это маленькая книга, не трактат, просто фрагменты. Правда не может быть выражена в трактате, вы не можете написать на ней "Доктор философии^[3]". "Доктор философии", эта степень может быть дана дураку. Хуан По пишет небольшими фрагментами. Если судить поверхностно, они не связаны, но это не так. Вам нужно медитировать, и тогда вы поймаете связь. Это одна из самых медитативных книг когда-либо написанных.

В Англии «Книга Хуан По» переведена на английский манер — «Поучения Хуан По». Даже заглавие неверное! Люди, подобные Хуан По не учат. Там нету никаких поучений. Вы должны медитировать, быть тихими, чтобы понять её..

Седьмая — **Книга Гуй Хая**. Опять англичане перевели: «Наставления Гуй Хая»! Бедные англичане, они думают, что в мире нет ничего кроме наставлений и поучений. Все эти англичане учителя. И также не забывайте об англичанках — вы можете быть пойманы учительницей...

Гуй Хай и Хуан По — два мастера. Они передавали, они не учили. Так что отныне я буду говорить: «Книга Гуй Хая» — хотя вы и не найдёте такую в библиотеках. В библиотеках вы найдёте «Наставления Гуй Хая».

Восьмая — и последняя на сегодня, потому что ещё ничего не известно на счёт завтра. Другие бесы могут начать стучаться в мои двери. Я должно быть прочёл больше, чем любой другой человек на Земле — но я не хвастаюсь, я просто констатирую факт. Я прочёл как минимум сто тысяч книг, может больше, но не менее этого, потому что после этого я перестал вести счёт. Так что я не знаю на счёт завтрашнего дня, но на сегодня, восьмая... Я чувствую небольшую вину по поводу "Гита Говинды", потому что я не назвал имени её автора. Я скажу вам, но дайте сначала сказать про восьмую.

Восьмая книга, которая меня впечатлила, очень странная, это очевидно; другие не

впечатлили меня вообще. Вы будете шокированы!. Подумайте, какая может быть восьмая книга... мне кажется, вы не сможете представить — она не на санскрите и не на китайском, не на японском и не на арабском. Вы слышали о ней, вы даже, может, имеете её у себя дома. Это «**Песни Царя Соломона**» из Старого Завета. Я искренне люблю эту книгу. Я ненавижу всё еврейское за исключением «Песней Царя Соломона».

«Песни Царя Соломона» была очень неправильно понята — из-за так называемых психологов, особенно фрейдянцев — всё они обманщики. Они интерпретируют «Песни» в самом ужасном ключе; они сделали это песнью секса. Это не так. Книга чувственна, это правда, очень чувственна, но не сексуальна! Она так жива, вот почему она чувственна... Она настолько сочна — вот почему она чувственна. Но она не сексуальна. Секс, может быть, часть этого, но не сбивайте человечество с толку! Даже евреи стали бояться её. Они считают, что она была включена в Старый Завет по недоразумению. Фактически, она единственная сохраняет стоимость всей вещи; всё остальное стоит бросить в огонь.

Моё время истекло? Как плохо. Вы говорите «Да» — и что я могу сделать? Но это очень красиво. Спасибо вам обоим.

Ом Мани Падме Хум.

Как хорошо останавливаться на этой красоте. *Нет, нет, нет.* Это "нет" — то, что индийцы говорят, когда достигают просветления. После они уже не хотят рождаться снова. Они говорят: «Нет, нет, нет....» После такого потрясающего опыта, куда ещё идти?.

О'кей, будьте готовы к своим записям.

Мир многое потерял бы без таких людей, как Дэвагит. Мы бы не знали ничего о Сократе, если бы Платон не вёл записи, ни о Будде, ни о Бодхидхарме. Иисус тоже известен благодаря записям своих учеников. Махавира, говорят, никогда не выражался обычными словами. Я знаю почему так говорят. Это не значит, что он действительно не сказал ни единого слова; но он никогда не общался с миром непосредственно. Он остался для нас только благодаря записям своих учеников.

Нет ни одного известного случая, чтобы просветлённый человек сам что-то писал. Как вы знаете, для меня просветлённый человек не последняя вещь. Существует также трансцендентное состояние, которое ни просветлено, ни не просветлено. Сейчас, в этом состоянии сознания, только в интимном общении — я не использую слово связь, но "общение" — это что-то вроде слияния, когда ученик становится лишь рукой мастера...

Так что начинайте свои записи — потому что не так давно я собирался, хоть и неохотно, упомянуть поэта-певца, автора «Гита Говинды». Однако как-то мне удалось не упомянуть его. Я притворился, что я вспомнил его, но это тяжело для меня. Весь день я был озабочен из-за Джайдэвы — это имя того самого поэта-певца, который написал «Гита Гивинду».

Почему я не был готов сказать его имя? Это для его же пользы. Он не был даже близок к просветлению. Я упоминал Михаила Наими, создателя «Книги Мирдада»; я упоминал Калила Джебрана и многих других: Ницше, Достоевского, Уолта Уитмена... И они не просветлены, но очень близко, просто на грани; один толчэк — и они окажутся внутри, в храме. Они стоят у двери и не решаются постучать... а дверь не закрыта! Они могут толкнуть и она откроется... Она уже открыта, просто требуется небольшой толчэк, им необходимо толкнуть. Поэтому я упомянул их имена.

Но Джайдэва даже не рядом с храмом. Это чудо, как «Гита Говинда» снизошла на него. Но никто не знает пути Господни — и запомните, Бога нет, это просто словесное выражение. Никто не знает, какими путями движется существование, их множество. Иногда оно проливается на бесплодные земли, а иногда не касается дождём плодородных почв. Это просто как есть, ничего нельзя с этим поделать.

Джайадэва — бесплодная земля, пустыня. «Гита Говинда» — это невероятно красивая поэзия, песня Бога, — она снизошла на него. Он должен был спеть её, сложить песню — ещё не зная, что он делает. Я не могу увидеть его где-то вблизи Храма, вот почему я не был готов упомянуть его имя. Это может сделать его более эгоистичным. Вот почему я сказал "для его же пользы", но я чувствовал, что это не упущение бедного человека — чем бы он ни был — но он дал рождение прекрасному ребёнку, и если я упомянул ребёнка, то я должен сказать и об отце; люди могут подумать, что это внебрачный ребёнок. Только родители могут быть внебрачными, не дети!

Я чувствую большое облегчение, потому что покончил с Джайдэвой на сегодня. Но очередь уже стоит у двери. Вы не представляете, в каком затруднении я нахожусь. Я и не мыслил об этом раньше, но ведь я не мыслитель, и я никогда не думаю перед тем, как прыгнуть. Я прыгаю, а потом думаю. Я лишь собирался сказать о десяти прекрасных книгах. Я не думал, что так много других станут подслушивать меня...

Итак, ещё десять.

Пятая: **Фрагменты** Гераклита. Я люблю этого человека. Я говорю об этом и позвольте мне сказать в скобках, что я *люблю всё* — только мне нравится не всё... Мне нравятся некоторые,

некоторые не нравятся — но я люблю всех. Тут нет вопросов. Я люблю Джайадэву также, как я люблю Гераклита, но Гераклит ещё и близок моей душе.

Есть всего несколько человек, которых я могу поставить в одну категорию с Гераклитом. Фактически, говорить так неверно; нету ни одного. Сейчас я хочу сказать то, что я всегда говорю. Нет никого, я повторяю, никого, кого я мог бы поставить в одну категорию с Гераклитом. Он оставил других далеко позади — опасно пробуждённый, не опасющийся за последствия того, о чём он говорит.

Он говорил в этих фрагментах — снова записи Дэвагита, ученика. Он не писал. Должна быть причина, почему все эти люди не пишут ничего, но об этом немного позже. Гераклит говорил изречениями: «Вы не можете войти в одну реку дважды». И после он говорит: «Нет — вы не можете войти в одну и ту же реку даже один раз...» Это прекрасно, и также правдиво.

Всё меняется, и меняется столь быстро, что нет способа войти в одну реку дважды; вы не можете войти даже один раз: река постоянно течёт — бежит, бежит, бежит к океану, к бесконечному, направляется к исчезновению в неизвестности...

Это первый номер в моём списке этим вечером: Гераклит.

Второй: «**Золотые стихи**» Пифагора. Он, конечно, один из тех, кого поняли неверно. Если вы *знаете*, это почти залог того, что вас не поймут, определённо так. Понимать это так опасно, так что вы останетесь непонятым. Пифагор не был понят даже собственными учениками, теми, кто записал «Золотые стихи». Они записали их механически... потому что простой ученик не мог взойти до высот Пифагора, простой ученик не мог стать просветлённым. И греки совершенно проигнорировали его. Они пропустили самых лучших: Пифагора, Гераклита, Плотина. Они хотели проигнорировать и Сократа, но это было бы слишком. Они отравили его — но проигнорировать не смогли.

Но Пифагор был совершенно проигнорирован — а он имел тот же ключ, что и Гаутама Будда, Иисус, и любой другой просветлённый. Даже более того: ни Иисус, ни Будда не сделали такого огромного усилия, чтобы разыскать ключ, как Пифагор. Он работал больше всех. Пифагор был наиболее подлинным искателем. Он рискнул всем, что имел. Он объездил весь мир, который был известен в то время; обучался у мастеров всех рангов; был посвящён во все мистические учения и выполнил все их условия, всё, что от него требовалось. Он сам по себе целая категория.

Три. Человек, который не был очень известен, даже своими соотечественниками. Его имя Сараха, а книга называется «**Песнь Сарахи**»; эти тибетское название. Никому не известно, кто записал её. Одно определённо: Сараха не делал этого, он напел её... Но этот человек имел аромат знающего, того, кто достиг. Эта песня — не сочинение композитора, но реализация мистика. Там всего несколько строк, но они так грандиозны и красивы, что звёзды могли бы быть престыжены...

«Песнь Сарахи» непереводаима. Я слышал её от тибетского ламы. Я бы мог слушать её ещё и ещё, но от этого ламы так воняло, что я должен был сказать: «Благодарю...», чтобы он закончил. Ламы воняют так, потому что они никогда не принимают ванную. Запах от этого ламы был столь сильным — вы же знаете, у меня аллергия на запахи, — что я не смог дослушать до конца целую песню. Я беспокоился, что у меня может случиться атматический приступ!

Я много говорил о Сарахе; он подлинный источник школы Тантры.

Четыре: **Тилопа**, и некоторые заметки о нём, оставшиеся от его учеников. Как удивительно, без этих учеников — сколько мы пропустили бы!. Эти ребята, которые просто записывали, что бы ни сказал их мастер, не думая, верно это или не верно, просто стараясь оставить это в словах, настолько точно, как только возможно... И это трудная задача. Мастер — это сумашедший человек, он может сказать что угодно, он может начать петь что угодно, или он может остаться

безмолвным... Он может сделать всего несколько жестов рукой, и эти жесты должны быть поняты. Это то, что Меер Баба делал на протяжении тридцати лет — он оставался безмолвным и производил жесты руками.

Не ошибся ли я номером, Дэвагит?

"Нет, Ошо".

Отлично. Это хорошо — иногда не ошибаться. С числами действительно всё хорошо. Это странное совпадение, что я спросил в правильный момент. Я всегда путаюсь с числами. Я не могу считать, по простой причине, что я нахожусь лицом к лицу с неизмеримым, неисчислимым. Истина, которую я могу видеть, она ни в словах, ни в числах. Эта истина всему трансцендентна, и это так удивительно, что кто-то может сбиться. Всё поставлено с ног на голову, странное, непонятное... Так что это большой комплимент, что я не ошибся в числах. Но сейчас прошу, скажи мне какой номер?

"Пятый, Ошо".

Спасибо тебе.

Пятый: человек, которого я собираюсь упомянуть, не был известен как просветлённый, потому что некому было узнать его в таком качестве. Только просветлённый может узнать просветлённого. Имя этого человека Д.Т. Судзуки. Он сделал больше, чем кто-либо в современном мире, чтобы сделать медитацию и дзэн доступными. Судзуки работал всю свою жизнь, чтобы внедрить на Западе глубочайшее ядро дзэна.

"Дзэн" — это просто японское произношение санскритского слова "дхьяна" — медитация. Будда никогда не использовал санскрит, по просто причине, что санскрит — это язык монахов, а монахи — они всегда служат дьяволу. Будда пользовался простым языком, который был в ходу среди обычных людей в долине Непала. Это язык пали. На пали "дхьяна" произносится "чяна". Простые неграмотные люди не могли оценить тонкости какого-то другого языка. Они переделывают слова его в соответствии со своими потребностями, с собой. Это, как камни, которые попадают в реку, — они становятся круглыми. Таким же образом каждое слово, которое используют неграмотные, необученные люди приобретает прелестную округлость, специфическую простоту. Сложно произнести "дхьяна" простому человеку; они говорят "чяна". Когда это достигло Китая, из "чяна" оно превратилось в "чань", а, доплыв до Японии, это стало "дзэн". Вы видите — это происходит везде — люди упрощают слова...

Книга Д.Т. Судзуки «**Дзэн и культура Японии**» — под пятым номером у меня. Этот человек сделал такую услугу человечеству, что никто не может превзойти его. Его работа огромна. Весь мир у него в долгу, и это так и останется. Слово "Судзуки" должно стать нарицательным. Это не так... Я говорю, что это должно быть. Есть всего несколько людей, которые *знают*, и те, кто знают, они ответственны за то, чтобы распространять своё знание вдоль и поперёк, всюду.

Шесть: я собираюсь представить вам француза. Вы удивлены... Внутренне вы спрашиваете себя: "Француз? И помещён в список Ошо вместе с Пифогором, Гераклитом, Судзуки..? Он что, в самом деле рехнулся?"

Да. Я и не был никогда в своём уме — по крайней мере эти двадцать пять лет или немного больше. До этого я также был сумасшедшим, но благодаря Богу... запомните снова: это только выражение, потому что нет никакого Бога, есть только божественность. Я не забываю говорить об этом, потому что даже среди моих людей, моих учеников есть возможность того, что они станут поклоняться Богу — или мне как Богу. Нет никакого Бога, и никогда не было.

Ницше ошибается, говоря: «Бог мёртв!» Как он может быть мёртв, если он никогда не был жив?! Чтобы умереть, некто должен выполнить хотя бы это простое условие: быть живым!.. В этом же месте Сартр ошибается — потому что он согласен с Ницше. Я говорю: «Благодаря

Богу...» — но это просто слова, потому что никаких других слов здесь не используется. Это лишь слово, иносказание. «Спасибо Богу» — просто значит хорошо, это замечательно.

Я ощущаю великую радость, Дэвагит, что ты опять напомнишь мне о какой книге под номером шесть я сейчас говорил..

"Француз, Ошо".

Правильно. Я ещё не сказал имени. Это книга Хьюберта Бенуа «**Пускай Идут**». Она должна быть на полке каждого медитатора. Никто не писал так научно и вместе с тем поэтично. Это противоречие, но он справился с ним. «Пускай идут» — это лучшее, что могло прийти из современного западного мира. Это — лучшая книга столетия, что касается Запада... Не считая Востока.

Седьмая: Рамакришна «**Притчи**». Вы знаете, я очень не люблю святых. Это не значит, что я слегка не люблю их — мне они не нравятся совсем. Фактически, чтобы быть правдивым, я их ненавижу. Святые — это ложь, надувательство, это сущая ерунда! Но Рамакришна не принадлежит к ним — снова благодаря Богу! Как минимум, есть несколько человек, которые святые, но они не принадлежат к святым.

Притчи Рамакришны очень просты. Притчи должны быть просты. Помните притчи Иисуса? — именно такие. Если притча сложна, она не будет долго использоваться. Притчи должны быть такими, чтобы дети всех возрастов поняли их. Да, я имею ввиду дети всех возрастов. Дети, которым всего десять лет от роду, и те, кому уже восемьдесят, и так далее... но все они дети — играющие на морском берегу, собирающие ракушки.

Восьмая: **Басни** Эзопа. Сейчас известно, что Эзоп не настоящая историческая личность, он никогда не существовал. Будда часто использовал все эти истории в своих проповедях. С Александром, пришедшим в Индию, эти басни были перенесены на Запад. Конечно, многое было изменено, даже имя Будды. Будда был назван Боддхисаттва.

Будда говорил, что существует два вида будд: первые — это архаты, те, кто достиг буддовости и не заботится уже ни о ком; и вторые — бодхисаттвы, они тоже достигли буддовости, но стараются всеми силами, чтобы помочь другим на пути. "Бодхисаттва" — это было слово, принесённое Александром как "бодхисат", которое стало Йозефом, а потом и Эзопом. Эзоп не был исторической личностью, но эти притчи огромной существенности. Это моя восьмая книга сегодня.

Девять. «**Мула Мадхьямика Карика**» Нагарджуны. Мне очень не нравится Нагарджуна — он очень философичен, а я анти-философ. Но его «Мула Мадхьямика Карика», его книга внезапно... "Мула Мадхьямика Карика " значит "суть срединного пути". В его Кариках достигнуты наибольшие глубины, на которые только способны слова. Я никогда не говорил об этой книге. Если вы хотите говорить о существенном, лучше всего не говорить вообще, просто остаться в молчании. Но книга прекрасна.

Десятая и последняя этим вечером книга — очень странная; обычно никто не может подумать, что я упомяну об этой книге. Это великая работа Марпы, тибетского мистика. Она и не предназначена для чтения, это головоломка... Вы должны медитировать над этим. Вам надо просто смотреть... — и внезапно книга исчезает... части исчезают, и остаётся только сознание.

Марпа был очень странный человек. Его мастер Миларепа говорил: «Даже я кланяюсь Марпе». Ни один мастер не говорил такого, но Марпа такой человек...

Однажды кто-то спросил Марпу: «Ты веришь в Миларепу? Тогда прыгни в этот огонь!..» Он прыгнул немедленно. Люди бежали со всех окраин, чтобы гасить огонь, зная, что Марпа прыгнул туда. Когда огонь удалось унять, они обнаружили Марпу сидящего в позе Будды и весело смеющегося.

Они спросили Марпу: "Отчего ты смеёшься?"

Он сказал: "Я смеюсь, потому что верю в единственную вещь, которую огонь не может уничтожить".

Это человек, чьи простые песни сегодня я посчитаю на десятом месте — **Книга Марпы**.

Кончилось ли моё время? Я слышу, вы говорите: "yes", но я знаю, что мой час ещё не пришёл. Как моё время может истечь? Я прибыл раньше своего времени — вот почему меня не понимают.

Но коль скоро это касается вас, вы правы; моё время подошло. И это действительно прекрасно. Это невыразимо. Лучше всего закончить это прямо сейчас..

Начинаем разбор книг.

"Атхато брахман джигийаса — сейчас исследование предельного...", вот как Бодрайана начинает свою великую книгу, возможно величайшую. Книга Бодрайаны — первая, о которой я собираюсь говорить сегодня. Он начинает свою книгу «**Брахмасутра**» говоря: «давайте посмотрим в это, прямо сейчас...» Так начинаются все сутры на Востоке: "Сейчас... *атхато*", никак иначе.

Бодрайана один из тех, кто близок быть недопонятым, понятым неправильно, и по той просто причине, что он очень серьёзен. Мистик не должен быть столь серьёзен, это не очень хорошее для него качество. Но этот человек был брамин, жил тысячи лет назад, он жил среди браминов, говорил с браминами — а брамины сами серьёзные люди на Земле. Знаете ли вы, что в Индии нет шуток? Не странно ли это, такой огромной стране и не иметь шуток?. Такая долгая история без шуток!.. Брамины не могут шутить, потому что шутка это что слишком мирское, а они святые люди.

Я могу понять и простить Бодрайану, но я не могу забыть упомянуть, что он был совсем немного слишком серьёзен... Я колебался, включать ли его в мой список книг. Колебание было только из-за этой его серьёзности. Я не колебался о Мирдаде, у меня не вызывал сомнений «Рубайат» Омара Хайама. Но я колебался относительно Бодрайаны и его «Брахмасутры», которая в Индии рассматривается как одна из самых великих книг — и это действительно так.

Я читал много серьёзных книг, даже этого злодейского святого Гурджиева, его «Всё и вся», но она не может соперничать с "Брахмасутрой" Бодрайаны по серьёзности. Он предельно и в своей серьёзности тоже. Увы, если бы он хоть немного мог смеяться!

Христиане верят, что Иисус никогда не смеялся. Это не так, я не верю в это. Я опровергаю это абсолютно! Это возможно в случае Бадрайаны, он мог никогда не смеяться. Он очень серьёзен, крайне серьёзен. Вы бы не смогли создать настолько серьёзную книгу. Тысячи комментариев было написано о ней, чтобы понять: что он имел в виду. Истина не требует комментариев, но когда вы облачаете её в серьёзный наряд, естественно появятся комментаторы, но все комментаторы это слуш дьявола. Точно как монахи. Но это всё же великая книга — не смотря на серьёзность Бодрайаны, она велика. Бодрайана достиг высочайшего, он достиг предельного, с великой пронизательностью, с великой эффективностью, эффективностью учёного.

В Индии человек считается ачарьей, мастером, только в случае, если он написал комментарии к трём вещам: первая — сто восемь Упанишад; вторая — Шримад Бхагавадгита, песня милосердия Кришны; и третья, самая важная из всех, Брахмасутра Бодрайаны. Я никогда не говорил о нём. Меня много лет называли ачарьей, и люди часто спрашивали меня: составил ли я комментарии к Гите, к Упанишадам, и к Брахмасутре. Я только смеялся на это и говорил: «Я просто рассказываю шутки, я не пишу никаких комментариев. Меня называют ачарьей в шутку, не принимайте это серьёзно».

Брахмасутра. Под Брахманом известен и понимается Бог, но это не так. Брахман не имеет ничего общего с христианским Богом, который создал мир за четыре тысячи и четыре года до Иисуса Христа. Говоря это, я подумал, что если бы Бадрайана услышал, он бы наверно смеялся, он утратил бы всю свою серьёзность. Брахман не значит "Бог"; Брахман — это божественность, **богонаполненность** всего бытия. Целого, это священность целого.

"Сутра" просто означает маршрут, путь. Вы не можете многого сказать о Брахмане; вы можете оставить только путь, намёк. Ваш намёк может стать мостом, указание может стать

мостом, и Бодрайана построил мост с помощью своей сутры.

Я люблю эту книгу, не смотря на серьёзность Бодрайаны. Я очень не люблю серьёзность, но я должен сказать: «вопреки серьёзности Бодрайаны». Я не могу не любить его, он создал одну из самых значимых книг в мире. Библия далека от Сутры Бодрайаны, они никогда не приблизятся.

Вторая: "**Бхактисутра**" Нарады. Нарада — полная противоположность Бодрайаны, а я люблю соединять противоположности вместе. Было бы интересно поместить Нараду и Бодрайану в одну комнату и посмотреть, что произойдёт между ними. Нарада всегда носил эктару, музыкальный инструмент, у которого только одна струна, — "эк" означает один, а "тара" — струна. Бодрайана вряд ли выдержит это. Я могу выдержать самых разных людей. Бодрайана, должно быть, раскричался бы на Нараду. Нарада не был из тех людей, которые слушали Бодрайану; он продолжил бы играть и петь, даже ещё громче, чтобы привести Бодрайану в раздражение. Мне бы доставило удовольствие увидеть их в одной комнате. Поэтому я выбрал второй книгой "**Бхактисутры**" Нарады.

Его сутры начинаются со слов: «Атхато бхакти джигайаса — сейчас будет введение в любовь». Введение в любовь — это громадное исследование, величайший поиск. Ничто не сравнится с этим, даже атомная энергия. Вы можете быть настоящим учёным калибра Альберта Эйнштейна, но вы не знаете, что такое настоящее исследование, если вы не любите. И мало просто любить — нужно любить осознавая... тогда это становится исследованием, вашим введением в любовь... — это наиболее сложная задача во вселенной.

Позвольте мне повторить: любить с осознанием — это самая сложная задача в мире. Люди падают в любовь,^[4] они становятся бессознательными в любви. Их любовь — это просто биология, притяжение. Они притягиваются к земле. Но Нарада говорит о совсем другой любви: любовь как медитация, как сознательность... Или, говоря научно, — любовь как левитация, парение... против притяжения. Оставьте своё притяжение, свою гравитацию мёртвым могилам — взлетите, возникнете вдруг! И когда кто-то начинает восходить к любви, лететь на её крыльях к звёздам, это есть "атхато бхати джигайаса".

Почему вы смотрите так беспокожно? Я люблю бесов — дайте им делать своё дело, пусть создадут столько шума, сколько они могут! Что касается меня, они не могут побеспокоить меня, но что касается вас, вы всегда обеспокоены — что больше они могут сделать? Так что всё совершенно в порядке, как должно быть.

Я очень любил книгу Нарады. Я говорил о ней, но не по-английски, потому что английский не мой язык, кроме того он очень научен, математичен, современен. Я говорил о Нараде на хинди, моём родном языке, на котором мне петь свои песни намного проще. Он ближе моему сердцу.

Один из моих профессоров говорил: «Вы не можете *любить* на иностранном языке, но вы можете одолеть *любой*».

Когда доходит до драки, человек начинает говорить на языке, на котором говорит его сердце. То же и с любовью — только более глубоко.

Когда я говорю по-английски, это немного не так — потому что для меня это двойная работа. Я продолжаю формулировать на хинди, и потом перевожу на английский. Сложная задача. Говорить исключительно на английском — не является возможным для меня, благодарение Богу! Но помните: Бога нет. Он создал таким образом, что мы можем воздавать кому-то благодарности... Я надеюсь, кто-нибудь сделает перевод того, что я говорил о Нараде.

Я говорил о многих вещах на хинди, о которых я не говорил по-английски без особой необходимости. И также наоборот: я говорил на английском о многих вещах, о которых не было возможности говорить на хинди. Моя работа была несколько странной. Когда все мои книги будут переведены с хинди на английский и с английского на хинди, вы будете ещё более

изумлены, чем есть, и вы будете более удивлены — и у меня будет хороший повод для смеха. Нахожусь я в теле или нет, это не имеет значения, я должен буду от души посмеяться — я обещаю это, я буду смеяться, где бы я ни был! Я могу быть где-нибудь в космосе — и, видя как вы изумляетесь, видя ваши лица, как вы трясёте головами, не в силах поверить... потому что я говорил на обоих этих языках в разных измерениях... Я выбрал говорить на английском только потому, что он даёт возможность выразить то, чего не выразишь на хинди.

Третья книга сегодня — **Йогасутра** Патанджали. Бадрайана слишком серьёзен; Нарада черезчур несерьёзен; Патанджали где-то посередине — он точно посередине между ними, ни серьёзный, ни несерьёзный, сам дух учёного. Я наговорил десять томов о Патанджали, так что нет надобности возвращаться к нему опять. После десяти томов трудно ещё что-либо сказать, что-то добавить. Только то, что я люблю этого человека.

Четвёртая книга: «**Песни Кабира**». Ничего подобного нет во всём мире. Кабир невероятно красив. Необразованный человек, рождённый ткачём — не известный никому, — его мать оставила его на берегу Ганга. Он должен был стать незаконным ребёнком. Но мало того, что незаконным; он был рождён вне любви — а любовь единственный закон. Я говорил много также и о Кабуре, и нет надобности сейчас добавлять ещё что-то, кроме того же, снова и снова: "Кабир, я люблю тебя, как никого на Земле!.."

Моя нумерация всё ещё верна?

"Да, Ошо".

Прекрасно. Дьяволы не могут меня побеспокоить совершенно!

Пятая: сейчас я вношу женщину. Я думал о том, чтобы внести женщину, но мужчины столпились у двери — очень не по-джентельменски! — и они не позволяют женщине войти. И женщина, которая всё же умудрилась войти... Бог мой, что за женщина! Мадам Бла-Бла Блаватская. Я всегда так называю Блаватскую: Бла-Бла. Она была великолепна в том, чтобы болтать на страницах своих книг — говорить много ни о чём, создавать горы над пустотой. И я знал, что она будет первой женщиной, которая войдёт. Она была сильной женщиной. Она справилась с тем, чтобы подвинуть в сторону всех этих Патанджали, Кабиров, Бодраиан и войти со своими семью томами «**Тайной доктрины**». Это моя пятая книга. Это почти энциклопедия — ENCYCLOPEDIA ESOTERICA. Никто, я думаю, не может сражаться с Блаватской в том, что касается эзотеризма — кроме меня, конечно; я могу написать семсот томов. Вот почему я избегал говорить о «Тайной доктрине»: если бы начал говорить о семи томах этой книги, я произвёл бы на свет, Иншала, Боже избави, семсот томов, не менее того.

Мне сообщили, что я наговорил уже триста тридцать шесть книг. Боже мой! Боже милостивый — милостивый, потому что я не читал их. Я не читал ни одну из них. Но Блаватская немедленно сделала бы что-то из этого. Это я и называю эзотеризм. Триста тридцать шесть; три-три-шесть... это значит три плюс три — ровно шесть. Шесть и шесть — шесть плюс шесть двенадцать — один плюс два... снова три! Вы снова и снова прибываете к трём, и вы не можете освободиться от этой эзотерики; вы получили ключ. Эзотерика открывает двери, о которых вы даже не подозревали. Тройки достаточно, чтобы открыть все двери, запертые или открытые.

Блаватская, бедная женщина — я жалею её и я также люблю её — не смотря на её лицо, не выражающее любви, не привлекательное — что тут скажешь! Её лицом можно только пугать детей, когда они делают что-то отвратительное. У Блаватской было ужасное лицо — но я жалею эту женщину: в мире мужчин, созданном мужчинами, управляемом мужчинами, она первая женщина, которая создала и возглавила новую религию — единственная из женщин... Теософия. Она соперничала с Буддой, Зараструстрой, Моххамедом, и за это я ей благодарен. На её месте должен был быть мужчина. Я ей благодарен за это.

«Тайная доктрина», хоть и содержит множество эзотерической ерунды — там также есть несколько прекрасных бриллиантов, и много лотосов. Там много дряни, потому что она была сборщиком. Она зашла в собирании самой разной дряни дальше других — она собирала всё, не заботясь, имеет это какую-то пользу или нет. Она была прекрасна в том, чтоб поместить всю эту бесполезную чепуху в одно и создать стройную систему. Очень систематичная женщина. Но всё же несколько — жалко говорить, что только несколько — бриллиантов разбросано там и здесь...

В целом книга стоит немногого. Я включил её только потому, что всего несколько женщин будут в моём списке, и я не собираюсь быть мужским шовинистом. Я не такой. Я могу быть женским шовинистом, но не мужским это точно.

Шестая — **Песни Мееры**.^[5] После Блаватской я должен включить Мееру, просто чтобы сделать вещи красивыми снова, чтобы вернуть баланс. Блаватская очень тяжела и нужно несколько женщи, чтобы уравновесить её. Я сделаю это. Шесть — Песни Мееры. Это самое красивое, что когда-либо пелось женщиной или мужчиной. Их невозможно перевести.

Меера говорит: "*Маин то прем дэвани* — я безумна в любви, так люблю, что становлюсь безумной, схожу с ума!!!" Возможно, это даст вам намёк, понятие о том, какого рода песни она поёт. Она была принцессой, королевой — но она отказалась от места во дворце, чтобы быть уличной голодранкой. Играя на своей винне, она танцевала на рыночной площади, от города к городу, от деревни к деревне, она пела и плясала, изливала себя полностью, отдавала сердце... Я говорил о Меере на хинди; однажды найдётся сумашедший и переведёт то, что я сказал.

Семь: другая женщина. Я всё ещё пытаюсь уравновесить эту тяжеловесную Бла-Бла Блаватскую. Она была на самом деле тяжела, буквально, она весила наверно три сотни фунтов! Триста фунтов, и женщина! Она могла бы бросить через плечо вашего хвалёного Мухаммеда Али в один момент. Она могла бы просто затоптать всех так называемых великих, и от них не осталось бы и следа. Три сотни фунтов — настоящая женщина! Неудивительно, что она не могла найти любовника, только последователей. Естественно и очевидно: вы не можете любить такую женщину. Когда она напирает на вас, вы можете только следовать. Чтобы окончательно уравновесить Блаватскую, седьмая книга — **Песни Сахаджо**.

Ещё одна женщина, Сахаджо. Даже имя её поэтично — оно значит "самая суть спонтанности". Я говорил о Сахаджо, но снова таки на хинди, английский не позволяет мне быть столь поэтичным. Я не вижу поэзии на английском языке, а то, что создаётся под именем поэзии, выглядит так непоэтично, что я удивляюсь, почему никто не бунтует против этого. Почему никто не хочет сделать английский поэтичнее, привнести в него свежесть?.. Он становится всё более языком учёных, техников, или, может, технологов. Очень жаль. Можно только надеяться, что когда-то то, что я говорил о Сахаджо, станет доступным широкому миру...

Восьмая книга — и ещё одна женщина, потому что я всё ещё не уравновесил эту чемпионку среди тяжеловесов Бла-Бла Блаватскую. Эта женщина закончит дело. Она — женщина-суфий; её имя **Рабийя аль-Адабийя**. "Аль-Адабийя" значит "из деревни Адабийя". Рабийя — это её имя, а Адабийя — адрес. Суфии так и называли её: Рабийя аль-Адабийя. Та деревня стала почти Меккой, ещё при жизни Рабийи. Люди со всего мира, искатели отовсюду приезжали, что найти хижину Рабийи. Она была по-настоящему диким мистиком; она могла проломить своим молотком чей угодно череп... На самом деле она разбила много-много черепов и достала скрытую сущность оттуда.

Однажды, к ней пришёл Хасан — он был в поиске, его сердце требовало ответа. Однажды утром, стоя возле неё, он попросил Коран для утренней молитвы. Рабийя дала ему свою собственную книгу. Хасан был ошеломлён; он воскликнул: «Это немисливо! Кто это сделал?» Рабийя исправила Коран! Она вычеркнула много слов во многих местах. Она удалила целые

куски... Хасан сказал: «Это непозволительно. Коран нельзя исправлять!.. Кто может редактировать слова пророка — последнего посланника Бога?» Вот почему магометане называли его последним посланником — после него не было больше пророков, — и кто же может корректировать слова этого последнего посланника?!. Он абсолютно корректен, некорректируем.

Рабийа рассмеялась и сказала: «Мне нет дела до традиций. Я стою с Богом лицом к лицу, и я сделала эти исправления согласно лишь моему опыту, и этого достаточно. Это *моя* книга», — сказала она; «ты не можешь возразить — это моя собственность. Ты должен быть благодарен, что я позволила тебе пройти через это. Я должна быть правдива по отношению к своему опыту и ни к чему другому».

Это Рабийа, невероятная женщина. Я включаю её в мой список. Её будет достаточно, чтобы поставить мадам Блаватскую на её место. Снова-таки, слова Рабийи — это ненаписанные ею слова, это записки учеников — точно как у Дэвагита. Рабийа могла бы сказать что-то вне контекста — никто бы не смог уловить никакой контекст; внезапно она могла сказать что-то, и это было записано. Были анекдоты, связанные с этим, и анекдоты, которые стали самой её жизнью... Я люблю это.

Меера прекрасна, но без соли, просто сладка. Рабийа очень солёна. Как вам известно, я диабетик, и я не могу много есть или пить чего-то подобного Меере — Дэварадж не позволит это. Но Рабийа — это хорошо: я могу потреблять столько соли, сколько мне хочется. В общем-то я ненавижу сахар, а сахарин ещё больше — сахар, сделанный искусственно специально для диабетиков, — но я люблю соль.

Иисус сказал своим ученикам: «Вы соль земли». Я могу сказать: «Рабийа — ты соль всех женщин, которые существовали и когда-либо будут существовать на этой Земле...»

Девятое: Нанак, основатель сикхизма, его **Песни**. Он странствовал по всему известному тогда свету с единственным своим последователем, Марданой. Мардана значит мужественный — "по-настоящему храбрый". Чтобы следовать, вы должны быть храбрым. Мардана играл на ситаре, Нанак пел, и так они блуждали по свету, распространяя везде, где бы ни появлялись, аромат предельного... Его песни так прекрасны, что это нагоняет слёзы на мои глаза. Благодаря этим песням был создан новый язык. Потому что Нанак не знал никакой грамматики, никакие правила языка его не интересовали — и он создал панджаби, просто для своих песен. Это язык великой силы — как острое лезвие меча...

Десять. Я всегда хотел говорить о Шанкарачарье — первом, не том, который присутствует сейчас, — о настоящем Шанкарачарье. Я принял решение говорить о его знаменитой книге «**Вивек Чудамани**» — «**Драгоценность Осознания**». Но в последний момент... вы знаете, что я сумасшедший; в последний момент я решил не говорить про неё. Причина проста: в книге больше логики, чем любви. И это не маленькая книга. Я собирался говорить о ней на протяжении восьми месяцев. Это было бы долгое путешествие, но хорошо, что оно было приостановлено — я решил не говорить про эту книгу. Но она должна быть включена как одна из великих книг, которые я перечислил.

«Вивек Чудамани» содержит, конечно, много бриллиантов, прекрасных цветов, светлых звёзд. Но среди этого столько браминской дряни — она на каждом шагу! — что мне сложно терпеть это. Но книга велика — вы не станете отказываться от алмазной шахты только потому, что там слишком много камней и грязи вокруг.

Одинадцатая и последняя на сегодня: **Коран** Хазрата Муххамеда. Коран — это не книга для чтения, а книга для пения. Просто читая, вы упустите это. Но когда вы поёте, по воле Бога вы можете найти *это*.

Коран был написан не учёным или философом. Муххамед был совершенно неграмотный, он

не мог даже написать своё имя — но он владел божественным духом. Из-за своей невинности он был избран и начал песню, и имя этой песни — Коран.

Я не знаю арабского, но могу понять Коран — потому что я понимаю ритм, красоту ритма, гармонию звуков арабского языка. Какая разница, что там написано, что означают эти звуки! Когда вы видите цветок, разве вы спрашиваете: «Что это значит?» *Цветка достаточно*. Когда вы видите пламя, вы также не станете спрашивать — достаточно самого пламени, его красоты, его живости. Не важно значение, если есть ритм и красота.

Так что это Коран, и я благодарен, что бог позволил мне... но снова хочу вам напомнить, что никакого Бога нет — это лишь выражение. Никто мне ничего не позволяет. Иншала, хвала Богу, что я дошёл до завершения этой серии на Коране — самой красивой, самой бессмысленной, самой существенной — и самой нелогичной книге во всей истории человечества.

А сейчас постскриптум. Когда на прошлом собрании я сказал: "Это окончание серии из пятидесяти книг, которые я собирался включить", это было условно. Я не имел ввиду конец, но число. Я выбрал пятьдесят, потому что это хорошее число. Так или иначе, надо было выбрать, а все решения произвольны, условны. Но человек предполагает, а Бог располагает. Бог, которого нет.

Когда я сказал: это конец серии — толпа подслушала меня. Джайадэва с Гитаговиндой, мадам Бла-Бла Блаватская со своей «Секретной доктриной», и вся компания, многих из которых я знаю, но даже не хочу поминать, что о говорить про то, чтобы включать их в мой список. Услышав, что это конец, все они исчезли.

Тогда, я к своему полному удовлетворению, понял выражение Иисуса: "Блаженны кроткие, ибо они унаследуют царство Божие". Он также сказал: «Блаженны стоящие в конце, последние, кто не пытается толкнуть — даже слегка; кто просто стоит и ждёт». И когда толпа растворилась, я увидел нескольких блаженных. Так что это постскриптум.

Даже я бы не поверил, что я не включил Гаутаму Будду, его «Дхаммападу». Гаутама Будда сидел там так тихо, в последнем ряду. Я люблю этого человека как не любил никого. Я буду говорить о нём всю мою жизнь. Даже говоря о других, я буду говорить о нём. Запишите это, это исповедь. Я не могу говорить об Иисусе без привнесения Будды в него; я не могу говорить о Муххамеде без привнесения Будды. Упоминаю я о нём непосредственно или нет, это не имеет значения. Для меня невозможно вообще говорить без привнесения в это Будды. Он сама моя кровь, мои кости, он — сама моя суть. Он — моя тишина и моя песня. Когда я увидел его сидящим здесь, я вспомнил. Я даже не могу извиниться — это за извинениями.

«Дхаммапада» буквально означает "путь истины", или ещё точнее "следы истины". Вы видите противоречие?

Приходя,

уходя...

эта птица не оставляет следов;

и не нуждается в руководстве...

Истина невыразима. Нет никаких следов. Птицы, парящие в небе, не оставляют следов... а будды — эти птицы небесные.

Будды всегда говорят в противоречиях, и это хорошо, что они вообще говорят... Они не могут говорить, не противореча себе же, они не могут ничего с этим сделать. Говорить истину — это противоречить себе. НЕ-говорить — это тоже противоречить, потому что когда вы пытаетесь не говорить, вы знаете, что ваше молчание — это тоже выражение, без слов, возможно, но выражение всё одно.

Будда дал этой величайшей книге имя Дхаммапада, и там одно противоречие на другом противоречии. Там столько несоответствий, что поверте мне, никто не может превзойти его... кроме меня. Конечно, он был бы рад быть превзойдённым мною, так же, как отец радуется, когда однажды его сын превосходит его. Сын сидит победоносно на груди отца, а отец просто позволяет ему победить. Все будды позволяют превзойти себя тем, кто их любит. Я позволяю своим ученикам превзойти меня, идти за пределы меня. Что может быть радостней, чем увидеть, как мои ученики превосходят меня.

Будда начинается с самим именем "Дхаммапада" — вот что он собирается сделать: сказать бессловесное, выразить невыразимое... Но он выразил невыразимое так прекрасно, что «Дхаммапада» это, как Эверест. Есть много гор, но ни одна не достигает тех же высот, что и

Эверест.

Я увидел сидящего Будду. Я увидел и других, самых прекрасных, кротчайших — не таких, как Блаватская, тарабанищаю в дверь с криками: «Дайте мне войти!» Я видел обнажённого Махавиру... потому что правда нага — стоящего в полной тишине. Его ученики сохранили его книгу, но не его самого.

Второе сегодня: «**Джина-сутра**» — Сутра Победителя. "Джина" — красивое слово, оно значит «победитель» — тот, кто одолел себя.

Я говорил об этой сутре, это несколько томов — но они ещё не переведены на английский. Одну вещь я хотел бы сказать: я включаю «Джинасутру» в постскрипуме.

Никто не был столь молчалив, как Махавира, и *так же* обнажён. Только молчание, абсолютная тишина может быть обнажена. Запомните, я не говорю: «голый», я говорю «обнажённый». Эти слова совершенно разные. Голый — это порнография; «обнажённый» — это значит предельно открытый, уязвимый, незащищённый. Ребёнок не голый, он обнажённый. И Махавира в своей обнажённости — так прекрасен!

Говорили, что он никогда не говорил своих сутр никому; но те, кто были близки к нему, сидели рядом, слышали эти сутры внутри себя... Они просто слышали. Это одна из самых чудесных вещей... Был внутренник круг из одиннадцати ближайших учеников Махавиры, и когда все они слышали внутри одни и те же слова, они думали, что это достойно быть записанным, — хотя Махавира не говорил ничего прямо, а вот таким утончённым способом, телеграфом души.

«Джинасутра» была написана совершенно иным способом, чем любая другая книга во всём мире. Мастер сохраняет тишину, а одиннадцать учеников одновременно — сделайте акцент на одновременно — слышат слово, и только потом записывают его. Так родилась «Джинасутра». Какое чудесное рождение для книги!. Вряд ли кто-то мог бы придумать более прекрасное начало, и без сомнения в этих словах наибольшие высоты, до которых только может добраться человек, и вся наука покорения себя.

Три... Я вижу человека, которого я не узнал сразу. «Станный он», — подумал я. "Тысячи лет, на протяжении жизни я бродил по многим тропам, встречался с разными людьми, прошёл одну школу за другой. Кто этот человек? Он так неузнаваем." Он не был мастером, вот почему я не признал его, но он был достоин для включения в список. Я всегда любил его книгу. Я никак не могу найти причину, почему я забыл про него и не включил в список под номером пятьдесят один. Это грек, Казантакис, автор книги «**Зорба Грек**». Я никогда не был уверен в произношении его имени, но «Зорба Грек» — это шедевр. Человек, который не произвёл Будду или Махавиру, но способный вернуться в существование в любой момент... Он уже готов, созрел, просто ждёт своей поры...

Зорба — один из моих любимейших персонажей. Я люблю странных, необычных людей. Зорба — очень странный, он даже не настоящий, вымышленный, но для меня он почти стал реальным, так как он представляет Эпикура, Чарваку и всех в мире материалистов. Он не только представляет их, но представляет их в их лучшем виде.

В одном месте Зорба говорит своему начальнику: «Босс, вы, конечно, имеете всё — но вы всё пропускаете жизнь, потому что в вас нету хотя бы небольшой доли сумашествия, безумности. Если вы можете позволить себе немного сумашествия, вы непременно узнаете, что такое жизнь».

Я могу понять его; не только его, но всех Зорб всех поколений с их "небольшим сумашествием". Но я не могу поверить в малую степень чего-то. Я настолько безумен, насколько человек вообще может быть, — совершенно сумасшедший. Если вы всего лишь немного сумасшедший, вы узнаете небольшую часть жизни — впрочем это уже лучше, чем не знать вообще.

Зорба, бедный Зорба, неграмотный, выполняющий чёрную работу... Он, должно быть, был огромен, крепко сколочен — и слегка сумашедший. Но он дал прекрасный совет своему повелителю: «Будь слегка безумен», сказал он. Я говорю: быть слегка сумашедшим — не годится. Будьте **совершенно сумашедшими!** И вы можете позволить совершенное сумашество только в медитации, в ином случае вы упустите. Вы не сможете поглотить это; напротив, ЭТО поглотит вас. Если вы не знаете, что такое медитация, вы сгорите... Поэтому требуется новое имя: Зорба-Будда.

Зорба-Будда — это мой синтез. Я люблю Казантакиса за созданное им великое произведение искусства, но мне очень жаль его, потому что он до сих пор пребывает в темноте. Казантакис, тебе нужен босс — немного медитации; иначе ты никогда не узнаешь, что такое жизнь.

Рядом с четвёртым местом я вижу одного из самых прекрасных моих приятелей. Я говорил о нём, но я не упоминал про него в списке пятидесяти, произвольном списке. Его имя **аль-Хилладж Мансур**. Аль-Хилладж не написал книги, он оставил всего несколько сентенций, а скорее деклараций. Люди, подобные аль-Хилладжу только декларируют, но не исходя не из какого эгоизма — у него вообще не было эго, вот почему он объявил: «ана'лл хак!»

«Ана'лл хак!» — это значит: «Я есть Бог — и нет другого Бога!» Мсульмане, конечно не могли поверить ему — и они убили его. Но можете ли вы убить Аль-Хилладжа? Это невозможно! Даже когда его убивали, он смеялся...

Кто-то спросил: «Почему ты смеёшься?!»

Аль-Хилладж ответил: «Потому что вы не убиваете меня, вы убиваете мое тело — я столько раз повторял вам, что я не тело. Ана'лл хак! — я сам Бог!» Теперь этот человек сама соль земли.

Аль-Хилладж Мансур не написал никакой книги, но всего несколько его утверждений были собраны его учениками и друзьями.

Мне жаль, я забыл о нём совершенно. Это не хорошо. Но, аль-Хилладж, ты должен понять мою трудность — я прочёл больше книг, чем ты мог слышать. Я прочёл больше, чем сто тысяч книг. Теперь, чтобы отобрать всего пятьдесят из них — это, знаешь ли, не простая задача. Я отобрал всего несколько, и естественно я должен был оставить много других — со слезами на глазах. Я хотел бы выбрать их тоже... но я помещаю их в постскриптуме.

Пятый кандидат известен всего нескольким людям, по простой причине, что он никогда не писал и никогда не говорил. **Махакашьяпа**. Всё, что известно о нём, вот этот анекдот.

Однажды Будда пришёл на свой утренний дискурс с цветком лотоса в руке. Он сел и тихо смотрел на цветок, не произнося ни единого слова. Ассамблея из десяти тысяч саньясинов была изумлена. Это было неслыхано. Для начала, то, что Будда, который никогда прежде не выходил с чем-то, вышел с цветком; во-вторых, он сразу начинал говорить, теперь же минуты и даже часы проходили, а он не проронил ни слова, всё смотрел на цветок... Многие, должно быть подумали, что он сошёл с ума. И только этот человек не был поражён и возмущён. Он смеялся. Это был Махакашьяпа.

Будда поднял глаза, рассмеялся, подозвал Махакашьяпу к себе — он дал ему цветок и обратился к ассамблее, сказав: «Проповедь окончена. Я дал вам то, на что вы имеет право, а Махакашьяпе я дал то, чего он достоин, и это правильно».

«Я говорил, обращаясь к вам, используя слова, — я говорил годами, и вы не смогли меня понять. Сегодня я говорил в молчании, и смех Махакашьяпы — единственное свидетельство понимания среди вас».

Таким странным способом был найден преемник. Махакашьяпа стал преемником Будды. Очень странным способом...

Ученики Махакашьяпы собрали некоторые изречения, оставшиеся от него, что можно

назвать его книгой. Автор этого собрания неизвестен. Но, как и кем бы они ни были написаны, они подлинно красивы. Несколько фрагментов, как части Луны: когда вы соберёте их вместе, это снова будет целая настоящая Луна... Секрет их соединения — в медитации.

Традиция, пошедшая от Махакашьяпы, — это Дзэн. Он первый патриарх дзэна, дхьяны. Странно... даже не Будда, но Махакашьяпа первый. Потому что Будда говорил сорок лет, а Махакашьяпа никогда не говорил; единственный шум, который он когда-либо издавал, был смех. Если вы можете назвать это говорением, это другое дело; в некотором роде это говорение — это весть о том, что всё сущее — только шутка. Он сказал тогда Будде: «Какая чудесная шутка!»

В тот момент, когда вы поймёте, что существование только шутка, вы пришли, вы поняли. Нет другого понимания, нет другого просветления. Всё остальное псевдо.

Дэвагит, напомни мне номер. Потому что даже в посмертной записи, в постскрипуме я придерживаюсь десяти. Какой, ты говоришь, номер?

"Шесть, Ошо".

Хорошо. Это замечательно, что я сказал «посмертный». Я в самом деле мёртв, вот почему я позволяю вам называть меня Благословенным. Если я не мёртв, называть меня благословенным неправильно.

Слово «посмертный» пришло ко мне случайно. Я собирался сказать "постскрипум", но иногда правда выходит случайно и непредсказуемо; или так — то, что выходит вдруг, может быть правдой... Это не что-то упорядоченное, подчиняющееся правилу — это прорывается, как вулкан. Я не собирался говорить этого, но оно вышло из меня само по себе. Истина имеет свои пути. Я действительно по-смертный человек; я умер уже давно.

Шестым я вижу Германа Гессе. Он не был просветлённым, чтобы говорить о тех, кто ушёл за пределы просветления. Он был обычным человеческим существом, но в полёте вдохновения он создал одно из самых грандиозных произведений в мире — «Сиддхартха».

Сиддхартха — настоящее имя Гаутамы Будды, данное ему его родителями. Он стал известен как Гаутама Будда. "Гаутама" было его семейное имя, "Будда" просто значит "пробуждённый". Сиддхартха — имя данное ему родителями по совету астрологов, провидцев. "Сиддхартха" означает — тот, кто достиг смысла. "Сиддха" значит "тот, кто достиг"; "артха" значит "смысл, значение". Если соединить вместе, Сиддхартха — это "Тот, кто достиг понимания, смысла жизни". Астрологи, родители, люди, которые давали ему это имя, должно быть были мудрыми — если не просветлёнными, то хотя бы мудрыми людьми.

«Сиддхартха» Германа Гессе — это та же история Будды, рассказанная по-другому, — но в том же объёме и с тем же значением. Это удивительно, что Германн Гессе смог рассказать такую историю и сам не стать сиддхой. Он остался простым писателем — да лауреатом Нобелевской премии, но это не значит много. Вы не можете дать Нобелевскую премию будде; он рассмеётся и выбросит её. Но книга прекрасна, и я включаю её.

Седьмой наш товарищ мало известен, только в кругу традиции Иудаизма, в котором кстати было несколько истинно просветлённых мастеров — и среди них даже те, кто ушёл за пределы просветления. Один из них **Баал Шем Тов**. Я не могу простить себя, что я не включил его ранее в список — но сейчас нет никого, кому я мог бы выразить своё сожаление..

Баал Шем Тов. "Тов" — это было название города, в котором он жил. Его имя значит "Баал Шем из города Това", - так что давайте называть его просто Баал Шем. Я говорил о нём, потому что, когда я говорил о хассиддизме, я не оставил ничего существенного несказанным. Я говорил о Дао, о Дзэне, о суфизме, о хассиддизме. Я не принадлежу ни к одной традиции, так что я волен двигаться в том направлении, в котором я решу. Мне даже не нужно карты. Дайте-ка я напомню ещё раз:

Входя внутрь,

выходя наружу...

эта птица не оставляет следов;

и не нуждается в руководстве.

Баал Шем не написал никакого трактата — трактат это грязное слово из мира мистицизма... — но зато он рассказал много красивых историй, и одну из них я хотел сейчас поведать вам, просто чтобы вы смогли ощутить особое качество этого человека.

К Баал Шему пришла женщина. Женщина бездетная, но желающая иметь детей. Она молила Баал Шема: «Если ты благословишь меня, то всё возможно! Будь добр благослови меня!.. Я хочу ребёнка».

В конце концов, утомлённый Баал Шем — даже такой человек может быть утомлён настырностью женщины, — он сказал: «Ты хочешь мальчика или девочку?»

Женщина была в великой радости. Она воскликнула: «Конечно, мальчика!»

Баал Шем сказал: «Тогда слушай эту историю. Моя мать тоже была бездетна — и она так же просила и умоляла ребе того города благословить её. Наконец Ребе сказал: "Сначала принеси мне красивую чашку". Моя мать, — сказал Баал Шем, — сделала прекрасную чашку и принесла ребе».

Чашка была так хороша, что мать Баал Шема сказала ребе: «Я не хочу ничего в ответ — просто видеть тебя в этой чашке так прекрасно. Я исполнена великой благодарности. Ты ничем не обязан мне, это я обязана тебе! Спасибо, ребе».

«И моя мать ушла, — сказал Баал Шем. — Вот как она стала беременна и родился я».

Женщина сказала: «Чудесно. Значит завтра я принесу тебе самую лучшую чашку».

На следующий день она пришла с очень красивой чашкой в руках. Баал Шем принял её, даже не сказал «спасибо». Женщина ждала и ждала, и наконец спросила: «А как же на счёт ребёнка?»

Баал Шем сказал: «Забудь всё о детях! Чашка так прекрасна — я очень обязан тебе. Я должен поблагодарить тебя. Помнишь историю, которую я тебе рассказывал? Та женщина не просила ничего взамен — и так она смогла зачать ребёнка... такого ребёнка, как я», — сказал Баал Шем.

«Но ты пришла с желанием получить что-то. Просто за эту чашку ты хочешь ребёнка, как Баал Шем? Забудь об этом — и не приходи больше, никогда». Баал Шем ушёл.

Очень много вещей может быть сказано только в таких историях или притчах. Баал Шем сказал основополагающее: не проси — и это будет дано. Не просить ни о чём — это базовое состояние.

Хасиддизм, возникший из историй Баала Шема, — один из самых прекрасных расцветов, случившихся когда-либо. Евреи не произвели ничего подобного хасиддизму. Хасиддизм — это небольшой поток, но он всё ещё жив, всё ещё благоухает...

Восьмой — **Фарид**; я говорил о нём прежде, на хинди. Фарид — суфийский мистик, современник Кабира, Нанака и прочих. Я люблю его. В своих песнях он называет себя Фарида. Он всегда обращается к себе, ни к кому другому. Он всегда начинал так: «Фарида, ты слушаешь? Фарида, будь пробуждён! Фарида, делай то, делай это!..» На хинди имя Фарид звучит респектабельно; но имя Фарида — совсем неуважительно. Таким образом можно называть только слуг. Фарид сам называл себя Фарида — просто потому, что сам он был буддой, мастером — а это тело было его слугой.

Великий король Акбар приходил к Фариду слушать его песни. Акбар однажды получил подарок — очень драгоценный подарок: пара золотых ножниц, увитых брилантами. Гуде бы это понравилось — любой женщине понравилось бы. Акбар тоже любил эти ножницы — и он подумал, что это может быть хороший подарок для Фарида. Он пришёл и дал драгоценные

ножницы Фариду. Фарид смотрел на ножницы, поворачивал их так и этак... а потом сказал: «Это бесполезно для меня. Если ты хочешь что-то подарить мне, принеси мне иглу». И с этими словами он отдал ножницы обратно.

Акбар был озадачен: «Почему иглу?»

Фарид сказал: «Потому что задача ножниц — разрезать вещи на части, а задача иглы — соединять части воедино. Моя задача не похожа на эти ножницы — она похожа на иглу. Я соединяю вещи, синтезирую — делаю Одно».

Фарид бы не согласился с Зигмундом Фрейдом и психоанализом — потому что психоанализ это золотые ножницы, которые режут вещи на части, чтобы исследовать каждую из них. Он бы согласился с Ассоджиоли и психосинтезом. Объединение, приведение вещей к совместному, к единству. Вы видите мои слёзы? Они по нему, по Фариду... по Фариде... да, по Фариде. Это моё приношение ему. Он бы понял слёзы — не золотые ножницы. Увы, если бы Акбар припал к ногам Фариды со слезами — это и был бы настоящий подарок мастеру.

Фарид не написал книги, но его песни были записаны его людьми. Эти песни великой красоты, но вам надо слушать, как они поются на пенджаби. Он жил в Пенджабе, и его песни на пенджаби, даже не на хинди. Пенджаби очень отличен от хинди. Хинди — мягкий, это язык делового человека. Пенджаби — как меч, это язык воина. Он очень проникновенный. Если вы услышите песни Фариды на пенджаби, ваше сердце будет пленено...

Когда я ездил в Пенджаб, я спрашивал людей: «Вы можете мне спеть Фариду?» — и однажды я нашёл певца, который был готов, который знал, как петь Фариду. И все эти красивые певцы... прекрасные моменты... В пенджаби есть это качество, их собственное, особое. Каждый язык имеет своё особое качество. Но пенджаби это, конечно, меч — вы не найдёте что-либо острее.

Девять. Я очень тороплюсь, потому что мой час скоро закончиться или уже закончился — я видел, как Гудя выходит. Как грустно, что время следует одному закону, и для вас и для меня. Оно не должно быть хронологическим, оно должно быть релятивистским, относительным. Мой час не должен следовать тому же закону, он не должен принадлежать ейнштейновскому миру релятивизма. Он должен быть бесконечен. Но я знаю, это не может быть, поэтому я тороплюсь — но, может, вы знаете, даже когда я тороплюсь, я расслаблен.

Девятый: другой поэт, другой певец, другой танцор — совершенно иного качества: Шива и его книга «**Вигьяна Бхайрава Тантра**». Я говорил о ней, она совсем небольшая, всего сто двенадцать сутр. Вы можете написать её на одной книжной странице или, самое большее, на двух. Я говорил о ней в пяти томах, и это тысячи страниц — «Книга тайн». Я не могу найти более концентрированной книги, чем «Вигьяна Бхайрава Тантра» — книга Шивы. Каждая сутра представляет сама собой завершённый метод.

Дэвагит, не прерывай меня. Дай мне закончить мою работу. Они называют человека в кресле пациентом; им нужно учить докторов быть пациентами. Ашу, ты не доктор, так что тебе не нужно волноваться. Нет, женщина никогда не беспокоится — она заставляет других беспокоиться. Это другое дело. Смотри, даже Гудя смеётся, а это так редко для англичанок!

Хорошо. Смех — это всегда хорошо. Я должен продолжить свою работу — смеётесь ли вы или плачете. Это не имеет значения для этого человека в кресле. Я твёрд, как скала, и мягок, как лепесток лотоса — и я то, и другое вместе. Но ради ясности, позвольте сказать вам: во-первых, я скала — я достаточно твёрд, чтобы разбить ваш череп. Я не могу быть для вас лотосом — но то, что вы делаете, это очень красиво.

Десять. У меня всегда была мысль говорить об Ума Свати и его книге. Ума Свати — это мистик, но очень сухой мистик — точно как мои губы сейчас, без всякой влаги. Он написал очень сухое, но очень точное описание предельного. Его книга — «**Таттва сутра**». "Таттва"

значит предельная реальность. "Таг" значит "то" — предельное. «Это» — непосредственное, а «то» — предельное.

Дэвагит, хватит перебивать! Я знаю, тебе известно больше о моих механизмах. Я же знаю больше о твоём сознании — вот что имеет значение.

«Таттва-сутра» — красива, и я собирался говорить о ней, но снова и снова отстрачивал... Она очень математична — как «Самайасар» Кундкунды. Все джайнские мистики такие — сухие, очень сухие.

Лакшми в самом деле выбрала отличное место — Кач! Махавира, Кундкунда, Ума Свати понравилось бы в Каче. Но в отношении меня — что за несчастье! Я всегда хотел жить в Гималаях — но ради пользы моих людей я должен оставить саму идею о Гималаях.

Это не случилось с Буддой, с Бодхидахрмой, с Башо; этого не случилось с Омаром Хайамом, с Халилом Джебраном, с Михаилом Наими — но это случилось со мной. Я знаю, в этом должна быть какая-то тайна. Может, дело только в том, что мне нужно сделать Кач таким же прекрасным, как Гималаи. Одно определённо: где бы я ни был, где бы ни находился, я стараюсь сделать это место самым красивым в мире, чего бы мне это ни стоило.

Одинадцатое и последнее в постскриптуме. Я имею в виду на сегодня... Никто не знает на счёт завтрашнего дня. Последнее сегодня настолько красиво, что я должен был быть действительно нормален, чтобы забыть про это. Обратите внимание, я не сказал "ненормален" или "безумен", я сказал "нормален". Я должен бы быть нормален, чтобы забыть это. Если бы я был безумен достаточно, я бы никогда не забыл этого. Таким образом, это должно было быть упомянуто первым, не последним, это — **«Песни Наропы»**.

Я никогда не говорил о них, потому как никогда не думал, что об этом может быть что-нибудь сказано, но они всегда было в моём сердце. Я упоминаю это лишь для того, чтобы те, кто любит меня, начали искать это... поэзию, песню, танец Наропы. Это и моё тоже.

Ом Мани Падме Хум.

Драгоценность в лотосе.

Спасибо вам обоим, от всего сердца.

Что ж. Я слышу, вы открыли свои блокноты. Начинается мой час, и мой час не состоит из шестидесяти минут. Это может быть что угодно — шестидесять, семьдесят, восемьдесят, сто... или даже вне чисел. Это мой час и, соответственно, он будет согласован со мной, не наоборот.

Постскриптум продолжается.

Первое имя сегодня — тот, о ком даже не слыхали на Западе, — **Малука**. Он один из самых значительных мистиков в Индии. Его полное имя Малукдас, но он называл сам себя Малука, как если бы был ребёнком — он и был ребёнком, без "если бы".

Я говорил о нём на хинди, и займёт много времени перевести это на другие языки, потому что Малука очень странный, очень таинственный. Вы удивитесь, но в такой стране как Индия, полной комментаторов, различных учителей, пандитов, никто не взял на себя беспокойство комментировать Малуку — потому что это очень сложно. Он ждал меня. Я первый его комментатор — и, кто знает, может, последний.

Просто для примера:

Аджар карай на чакари панчхи карай на кам дас малука кахи гайе саб ке дата рам.

Я попробую перевести это. Это не будет буквально точно, но я не несу за это ответственность. Бедный английский язык не может вместить такое богатство. Малука говорит: змея никогда не выходит, чтобы совершить работу, так же и птица никогда не трудиться. И, говорит Малука, это и не нужно, так как существование заботиться обо всех. Этот человек понравился бы Зорбе. Это был человек с небольшой сумашедшиной, но полный медитации.

Он был так глубоко в медитации, говоря:

Мала джъапон на кар джибхья джъапон на рам, сумиран мера хари карайн маин пайа бисрам.

Он говорит: "Я не воспеваю имя Бога, и я не использую чётки для молитвы. Я не молюсь вообще — кто заботиться об этих глупостях!" И он продолжает: "Фактически, Бог сам помнит моё имя — зачем мне беспокоиться об этом?" Вы видите? Слёгка сумашедший, но полный медитации. Малукдас — один из тех, о ком я могу сказать без всяких колебаний, что они ушли за пределы просветления. Он воплотил в себе картину десяти карт 'Десять Быков Дзэна'.

Вторая, книга сикхов — «**Гуру Грандха Сахиб**». Она не была написана одним человеком, так что я не могу сказать, кто её автор. Она составлялась поколение за поколением. Она была слеплена из всех источников — как никакая другая книга в мире. Старый завет — только еврейский, Новый завет — христианский, Бхагавадгита принадлежит индуистам, Дхаммапада — буддистам, Джинасутра — джайнам; но «Гуру Грандха Сахиб» — единственная книга в мире, которая была составлена из всех возможных источников. Эти источники пришли и от индусов, и от мусульман, и от буддистов, и от христиан... Такая открытость, без всякого фанатизма.

Заглавие «Гуру грантха» значит "книга мастеров" или "книга мастера". В ней вы найдёте Кабира, Нанака, Фариды и длинную цепочку мистиков, принадлежащих к самым разным традициям, разным школам — и они все сошлись здесь, как тысячи лет многие реки вливаются в океан. «Гуру грантха», как океан.

Я переведу лишь одно предложение из Нанака, он основатель, поэтому, конечно, его слова вошли в 'Гуру грантха'. Он был первым мастером сикхов, потом поседовала линия из ещё девяти мастеров. Сикхизм создан десятью мастерами. Это исключительная религия, потому что все другие созданы одним единственным мастером.

Нанак говорит: Истина, предельная истина — невыразима, поэтому простите меня, я не могу сказать ни слова — я могу только петь её. Когда понят язык музыки, тогда, возможно,

какая-то струна твоего сердца может быть затронута... Передача светильника происходит вне слов.

«Гуру грантха Сахиб»... Сикхи зовут книгу 'Сахиб' — они уважают её настолько, как если бы она была жива, как если бы она была самым духом мастера... Но книга есть книга, мастера уходят своей дорогой, а книга сама по себе мертва, слова это только слова. Но они заботятся об этом прекрасном мертвце, точно как и другие религии это делают. Помните между прочим, что религия только дотоле жива, пока жив мастер. Но когда мастер больше не жив, она становится верой — свитком слов, декларацией или кредо — а это самая уродливая вещь в мире.

Датский парламент создал комиссию, чтобы исследовать культы и секты. Должно быть, я первый в их списке исследований. Я сказал своим людям в Голландии, чтобы они сообщили комиссии: «Мы не будем сотрудничать с вами, так как мы ни культ, ни секта; мы — религия. А если вас интересуют культы и секты, их так много: христиане, индуисты, мусульмане, индуусы — и так до бесконечности».

Комиссия была очень обеспокоена. Они написали письмо оранжевым людям в Голландию со словами: «Просим вас сотрудничать с нами». Наши люди снова спрашивали, что делать. Я сказал им: «Кроме случая, если они назначат комиссию по исследованию самого духа религии, не сотрудничайте с ними».

Взгляните на абсурд: датский парламент возглавляет Христианская Демократическая Партия, и все те, кого назначили в эту комиссию, все христианские демократы. Вот кто секта и культ. Мои люди не культ. Я всё ещё жив и могу драться! Религия жива, пока мастер дышит. Его дыхание — суть религии.

«Гуру грантха» составлена из высказываний десяти живых мастеров, десяти просветлённых личностей. Я говорю, что никакая другая книга не может соперничать с этой. «Гуру грантха» вне всякого соперничества. Нанак сказал: «Эк омкар сатнам — только одна вещь подлинна — это имя невыразимого». На Востоке мы называем это "омкар" — ом — только то, что истинно. Звук беззвучного... тишина, которая остаётся после того, как звук уходит... эк омкар сатнам.

Третья — книга пера Мэйбел Коллинс «Свет на пути». Каждый, кто хочет совершить путешествие к своим высотам, должен понять «Свет на пути». Это небольшая книжка, что касается количества страниц, но что касается качества, это одна из величайших книг. Но — чудо из чудес — она была написана в современном мире. Никто не знает, кто этот автор, Мэйбел Коллинс. Он даже никогда не писал полностью своего имени Мэйбэл Коллинс, только "М.К." Есть лишь возможность, что я узнаю полное имя через нескольких друзей М.К.

Почему "М.К."? Я могу понять причину. Писатель — это лишь транспортное средство, особенно в случае со «Светом на пути». Наверное, суфийский Кхидр — я говорил вам о нём, он руководит людьми, ведёт людей, помогает людям — наверное, он был и за работой М.К.

М.К. был теософом. Ей или ему — я не знаю мужчина автор или женщина, это не имеет никакого значения в данном случае, — наверное, не понравилось бы быть ведомым Кхидром, суфийской идеей предельного проводника. Но М.К. был бы очень счастлив, если бы я употребил параллельное теософское имя: "К.Х." Любое имя подходит. Как вы назовёте не важно. Мастер "Ка-ха" или мистик "Кхиджъра", это всё одно. Но книга чрезвычайно полезна. Кто бы ни написал её, кто бы ни руководил автором, это не так важно; книга сама по себе возвышается, как золотая башня.

Четыре. Не бойтесь, со мной всё действительно в порядке — ничего, что я нумерую правильно. Это будет только пока я не собьюсь. Пятая — женщина, жившая в Кашмире, Лалла. Кашмирцы настолько любят Лаллу, что для выражения уважения, у них есть всего два слова: одно — Аллах, другое — Лалла. Кашмирцы на девяносто процентов мусульмане, так что, когда они говорят "Аллах" или "Лалла" — это очень важно.

Лалла никогда не писала книг. Она была неграмотна, но так отважна... Она всё время ходила нагой — и не забывайте, это было сотни лет назад на Востоке, и она была красивой женщиной. Кашмирцы прекрасны; в Индии они единственные на самом деле красивые люди. Они — то потерянное племя, которое искал Моисей. Они первые, настоящие иудеи.

Когда Моисей вёл своих людей в Израиль... и вот что удивительно — почему именно в Израиль? Но безумец он и есть безумец, тут не может быть никакого объяснения. Моисей искал места для своих людей. Сорок лет они блуждали по пустыне, потом они нашли Израиль. Но по дороге он лишился одного из путешествовавших с ним племён. Это племя достигло Кашмира.

Иногда это очень удачно — потеряться. Моисей так и не нашёл их. Знаете ли вы, что в своих поисках потерявшегося племени Моисей и сам достиг Кашмира — и что он умер здесь..? Его могила не в Израиле, она в Кашмире.

Странно, Моисей умер в Кашмире, Иисус умер в Кашмире... Я был в Кашмире много раз, и я знаю, это место, где людям хочется сказать: «О, какая красота — если бы я мог умереть прямо сейчас!..» Это такая красота, что жить далее нет смысла.

Кашмирцы прекрасны — бедны, но очень красивы. Лалла была женщиной Кашмира, она была неграмотна, но могла петь и танцевать. Несколько из её песен были сохранены. Она, конечно, не была сохранена, но её песни были. Я включаю их в мой постскрипtum.

Под пятым номером сегодня другой мистик, **Гогра**, тантрик, человек настолько сведущий, настолько эффективный во всех методах тантры, что любого в Индии, кто знает толк во многих делах, называют Гора-грандха. "Гора-грандха" означает "в делах Горы". В Индии люди думают, что каждый должен заниматься своим делом. Гора двигался во всех направлениях и во всех измерениях.

Полное имя Горы — Гора-натх. Должно быть, оно было дано его учениками, потому что "нат" значит повелитель. Гора дал все возможные ключи, чтобы проникнуть в тайны внутреннего. Он сказал всё, что могло быть сказано. Он, в некотором отношении, окончание, последняя остановка.

Но жизнь продолжается, это мир продолжает вращаться, так же делаю я. Мир не знает никаких полных остновок и я тоже. Я умру на середине предложения; люди будут удивлены, они будут спрашивать, что же я хотел сказать, как я хотел закончить предложение... Я уважаю Гораната. Я много говорил о нём. Однажды это будет переведено, так что мне больше не нужно заботиться об этом товарище.

Номер шесть — исключительное явление: человек, простой человек, создавший два великих шедевра... но так и есть, это случай Хьюберта Бенуа. Я не знаю, как французы произносят это... И они так высокомерны по поводу своего произношения, а я так забрызган слюной!.. Но это не важно — какое может иметь значение, если одно или другое слово где-то будет сказано немного неверно? Я всю жизнь говорю неправильно.

Да, этот человек Хьюберт Бенуа — я упоминал его первую книгу «Пускай идут». На самом деле, это была его вторая книга. Перед «Пускай идут» он написал другую книгу — он назвал её «Верховная доктрина». Её бы я включил тоже; по-другому я почувствую грусть — если не включу её. Это очень красивая книга, но очень сложная для чтения, и также очень сложная для понимания. Но Бенуа постарался, как мог, сделать её настолько простой, насколько возможно.

Семь. Великое эзотерическое число семь... Пускай оно достанется действительно эзотерическому парню, Шиве, индусской концепции Предельного Божества. Много книг подписаны именем Шивы — многие из них не подлинны, там просто использовано имя для респектабельности. Но эта книга — одна из самых аутентичных — «**Шива сутра**». Я говорил о ней на хинди; я также подумываю и об английском дискурсе. Я даже выбрал дату, но вы знаете меня...

«Шива сутра» содержит все медитационные техники. Нету иных техник, которые не были бы включены в эту книгу. «Шива сутра» — это библия медитирующего.

Ашу, я знаю, почему они смеются. Пускай смеются. Я знаю, что я говорю очень, очень медленно, потому они и смеются. Но я наслаждаюсь этим, а они наслаждаются своим смехом. Это хорошо, Ашу... до тех пор, пока кто-то из них не найдёт хорошую женщину. Есть много красивых женщин в мире, но хорошую женщину, мой Бог, очень трудно найти. Пускай дураки смеются. Я буду говорить так медленно, как я хочу.

Я говорил о «Шива сутре». Это книга, как никакая другая, она уникальна, несравненна.

Восемь — очень красивая, замечательная книга индийского мистика **Гауранга**. Само слово "гауранг" значит "некто белый". Он был так красив... Я видел его, стоящего передо мной — он был действительно белый, даже скорее снежно-белый. Он был так прекрасен, что все девушки в селении тут же влюбились. Но он остался холостяком. Никто не может жениться сразу на миллионе девушек. Одной уже много; а миллион — Бог мой! — это убьёт любого. Теперь вам известен секрет почему я холост.

Гауранг передавал в песне и танце своё послание. Его сообщение было не словесно, но много больше этого — это было сообщение песни. Он не написал книги; но его поклонники — а их было много, в самом деле много — они собрали его песни. Эти песни представляют собой одно из наиболее прекрасных собраний; мне не встречалось ничего подобного этому, ни до, ни после. Что сказать о них — *только то, что я люблю их*.

Девять: снова индийский мистик, вы, может, не слышали о нём. Его называли **Даду**, что значит брат. Его так любили все, что просто забывали настоящее имя и называли Даду, братом. Есть тысячи песен, которые он пел, он они не записаны им, их собрали другие, точно как садовник собирает давно опавшие цветы...

То, что я могу сказать о Даду, касается всех святых. Они не склонны к писанию. Они танцуют, говорят, поют — но не пишут. Написать что-то — это сделать это что-то очень ограниченным. Слова ограничены; всё, что они могут, — это быть словами. Если это нечто неограниченное, то это небо, вмещающее всё звёзды. Это и есть опыт мистика.

Даже я ничего не написал... Всего несколько писем людям, которые были близки мне, думая или, скорее, веря, что они поймут. Я не знаю поняли они или нет. Единственная книга, которую можно считать написанной мной, — это «Чашка чая»; это и есть собрание моих писем. Ничего другого я не писал.

Песни Даду были собраны. Я говорил о них. Он достиг высот, к которым только можно стремиться.

Десятое и последнее. Последний сегодня — один из самых странных людей, когда-либо гулявших по Земле, **Сармад**. Он был суфий, и он был убит в мечети по приказу магометанского короля. Он был убит просто из-за одной мусульманской сутры, одной их молитвы. В этой молитве говорится: «Аллах ла ил аллах — Бог это только Бог». Но это недостаточно им, они хотят чего-то большего. Они хотят сказать миру, что Мухаммед — единственный пророк Господа: «Аллах ла ил аллах; мухаммед бисмаллах — Бог — это единственный Бог, а Мухаммед — единственный пророк Бога».

Суфии отрицают вторую часть, что Мухаммед единственный пророк. Это и было грехом Сармада. Очевидно, что никто не может быть единственным пророком — никто вообще не может быть единственным, ни Мухаммед, ни Иисус, ни Моисей, ни Будда. Сармад был убит, растерзан — по приказу мусульманского короля Индии в заговоре с мусульманскими священниками. Но он смеялся, он сказал: «Даже после смерти я скажу то самое — Бог — это только Бог....»

Я не знаю, правдиво ли эта история или нет, но должно быть да. Даже истина идёт на

компромисс с людьми, подобными Сармаду. Я люблю Сармада. Он не написал книги, но его утверждения были собраны, и самое значительное из них такое: «Есть только Бог, и нет никаких пророков, нету никого между вами и Богом». Нет никакого посредника — Бог доступен здесь и сейчас. Всё, что нужно, — это немного сумашествия и много медитативности...

*Это всё ещё прекрасно,
этот закат...*

*Птицы, летящие домой,
и первые звёзды,
появляющиеся в небе,
их краски, мерцание..*

*Вы видите
улыбку на моём лице?*

Будь Джуннатхой — искателем. Продолжаем P.S.

Первый сегодня Фридрих Ницше с книгой «**Воля к власти**». Он не публиковал её, пока был жив. Она была опубликована посмертно, да и то, пока книга готовилась к публикации, ваши так называемые великие люди украли немало от манускрипта.

Альфред Адлер был одним из «величайших» психологов. Он один из троицы великих психологов: Фрейд, Юнг и Адлер. Он просто вор. Адлер своровал всю свою психологию у Фридриха Ницше.

Адлер говорит: "Основной инстинкт человека — это воля к власти". Прекрасно! Кого он хотел обмануть? Впрочем миллионы идиотов были обмануты. Адлер до сих пор считается великим человеком. Он просто пигмей — лишь простить и забыть.

Джордж Бернард Шоу украл всю свою философию у Фридриха Ницше. Великий J.B.S. — нобелевский лауреат, Джордж Бернард Шоу. Всё, что он говорит, составлено всего из несколько предложений из ницшевской «Воли к Власти».

Даже так называемый великий индийский святой был недалёк от Адлера и Шоу. Его имя Шри Ауробиндо. Ему поклоняются миллионы во всём мире как одному из величайших мудрецов века. Он заимствовал свою идею сверхчеловека из «Воли к власти». Шри Ауробиндо был просто посредственным учёным — нечем и похвастаться.

Книга Ницше не была опубликована ещё много лет после его смерти. Его сестра препятствовала этому. Она была великой бизнесвумен. Она продавала другие книги своего брата, и она ждала подходящего момента, когда «Волю к власти» можно будет продать. Она не очень заботилась о Ницше, его философии, о его вкладе человечеству.

Почему Ницше сам не опубликовал свою книгу, пока был жив? Я знаю почему. Это было слишком, даже для него. Он не был просветлённым. Он боялся, боялся того, что с ним будет, если книга будет издана. А книга в самом деле была бомбой! Он прятал её у себя под подушкой, даже когда спал. Он боялся, что она попадёт в неправильные руки. Он не был таким храбрым, как люди думают о нём, он был трусом. Но странны пути существования: порой даже трусы осыпаны звёздами — это как раз случай Ницше.

Адольф Гитлер украл всю свою философию у Ницше. Гитлер не мог сделать что-то правильное — он был настолько идиот... ему надо было находиться в Индии, не Германии, и быть учеником Муктананды. У меня есть прекрасное имя для него: Свами Идиотананда! Вот чем он был — величайшим идиотом за всю историю. Он думал, что понимает Ницше. Очень сложно понять Ницше. Он так утончён, так глубок... Это вне возможностей какого-то идиотананды.

Фридрих Ницше хранил свою книгу только для публикации после смерти. Я упоминал только одну его книгу, «Так сказал Заратустра», но и она блекнет перед «Волей к власти». Это не есть философский трактат, написанный систематически, это просто максимы, утверждения. Вы должны найти связь. Это не то что написано, чтобы вы читали. Даже когда труд был издан, его не очень-то читали. Кто это нужно! Кто приложил усилие? — а «Воля к власти» требует огромного усилия, чтобы понять её. Это сама суть души Ницше. А он был сумасшедший! Но чтобы понять книгу, нужно выйти и за пределы этого.

Это первая книга, которую следует вспомнить сегодня.

Вторым номером уже упоминавшийся здесь Успенский П.Д. Я уже говорил о двух его книгах — первая «Тертиум Органум», которую он написал до встречи со своим мастером Гурджиевым. «Тертиум Органум» хорошо известен особенно между математиками, т. к. Успенский был математиком, когда писал её. Вторая книга, «В поисках чудесного», написана

через много лет после встречи с Гурджиевым. Но есть третья книга, которую он написал между этими двумя — после «Тертиум» и до своей встречи с Гурджиевым. Книга эта малоизвестна, она называется «**Новая модель Вселенной**».

Успенский искал мастера по всему свету, особенно в Индии — так как люди в своей глупости думают, что мастера можно найти только в Индии. Успенский искал в Индии и искал многие годы. Даже в Бомбее он искал мастера. В те дни он и написал эту потрясающе прекрасную книгу «**НУвая модель Вселенной**». Это виденье поэта, потому что он не знает, о чём он говорит. Но то, что он говорит, очень и очень близко к правде... но только близко, помните, даже ширины волоса достаточно, чтобы это было не вами, не вашим опытом. Это не было его опытом. Он искал и искал...

Книга описывает его поиск. А оканчивается странно, в московском кафетерии, где он встретил Гурджиева. А Гурджиев, конечно, был самым странным мастером из живших когда-либо. Он обычно писал в каком-нибудь кафе... Что за место для письма!.. Он сидел в этом кафе, люди ели, люди говорили, дети бегали туда и сюда, шум, гул... — и Гурджиев сидит у окна в окружении всего этого и... пишет свою «Всё и вся».

Успенский увидел этого человека и влюбился. Кто мог бы сопротивляться? Это совершенно невозможно — увидеть мастера и не влюбиться, разве только вы мертвы, сделаны из камня или какого-то синтетического материала — некто механический, искусственный. Он увидел этого человека... странно: это были те самые глаза, которых он искал по всему миру, на пыльных, грязных дорогах Индии, а этот кафетерий был совсем рядом с его домом в Москве... Иногда вы можете найти искомое поблизости, совсем без всяких усилий.

«Новая модель Вселенной» поэтична — но она очень близка к моему видению; поэтому я включаю её.

Три: **Санайи**, и его замечательные утверждения. Такой человек как Санайи никогда ничего не доказывает, он только утверждает. Ему не нужны доказательства; опыт — вот его единственное доказательство; никакая аргументация не нужна. Прийди и посмотри в мои глаза — и ты увидишь, что там нет доказательств, одно Утверждение.

Санайи — один из любимейших мной персонажей. Я не могу, даже если бы и хотел, преувеличить его. Это невозможно. Санайи — сама суть суфизма.

"Суфизм" — это английское слово для того, что называется "тасавуф". "Тасавуф" означает "чистая любовь". Суфизм пошло от "суф", что значит шерсть, а суфий, соответственно, значит "тот, кто носит шерстяное платье". Санайи обыно носил чёрную шапку — белую робу и чёрную шапку. Никакой логики, никаких причин, просто один сумасшедший, как и я. Но ничего не нужно с этим делать — эти люди должны быть приняты такими, как есть. Вы либо любите их, либо ненавидите их. Люби или ненавидь — они не дадут тебе других альтернатив. Вы можете быть за них или против, но вы не можете быть безразличны к ним. Это загадка мистиков. Тем, кто находится рядом со мной, прекрасно известно, что если кто-то приходит ко мне, он тут же становится другом или врагом. Никто не может прийти ко мне и уйти без того, чтобы стать врагом или другом. Смотрите-ка! я тоже могу иногда создавать поэзию. Безумцы способны на всё...

Санайи только заявляет, ничего не доказывая. Он просто говорит: это так. А если вы спросите: «А почему?» — он крикнет в ответ: «Заткнись! Никаких "почему"!»

Вы не спрашиваете розу: «Почему?»

Вы не спросите снег — «Почему?»

Не спросите звёзды...

Так почему вы спрашиваете таких людей, как Санайи, — которые просто знают, как есть, и больше им ничего не надо!? Тут нет доказательств. Это реальность.

Я люблю Санайи; я не забыл о нём. Я не собирался упоминать о нём — я хотел сохранить его для себя, просто оставить его в своём сердце. Но в постскрипуме вы должны раздать даже своё сердце.

Мой отец таким образом писал письма ко мне. Письма были очень короткие — не было особенно о чём писать, — а потом он писал постскрипум. Меня каждый раз удивляло, сколько он мог упустить в письме и сколько значимого мог сказать в постскрипуме. И постскрипума не было достаточно. После P.S. могло следовать P.P.S. Я думал: «Мой Бог, что он ещё забыл?» И это было по-настоящему прекрасно, то, что не напишешь просто в письмах. P.S. — это более интимное явление, а P.P.S. — ещё более.

Моего отца больше нет, но я вспоминаю его в иные моменты, когда вдруг я замечаю, что веду себя, точно как он. Когда я вижу его фото — я знаю, что если Господь позволит и я доживу до семидесяти пяти, я буду выглядеть так же, как он. И это замечательно — чувствовать, что я не предаю его, что я буду представлять его до самого последнего своего вздоха.

Дэварадж — нет, я не перепутал: Дэварадж, а не Дэвагит. Я имею ввиду Дэвараджа. Моё тело функционирует так же, как и у моего отца, когда он болел. Я горд этим. Мой отец страдал астмой, и когда я страдаю от астмы, я знаю, что моё тело следует за моим отцом, включая все ошибки и несправности. Он был диабетиком, я тоже. Он любил говорить, и я всю свою жизнь только и делал, что говорил. Во всех смыслах я был его сыном.

Он был великим отцом — не потому, что он был моим отцом, но потому что этот отец коснулся ног своего сына и стал его учеником. Это его величие. Никогда такого не случилось прежде, и я думаю, вряд ли это случится опять на этой прогнившей Земле. Это кажется невозможным. Отец, становящийся учеником собственного сына? Отец Будды колебался... мой отец не колебался ни секунды.

Теперь это было бы легко — отцу Будды стать его учеником, так как Будда теперь был бы тем, чего ждут так называемые религии, святым. Очень сложно для любого стать санньясином такого человека, как я. Я не святой ни по каким из принятых критериев, и мне нравится это, потому что я не потерпел бы быть катологизированным. Я бы отвернулся и от рая, если бы увидел там этих так называемых святых. Я видел их много на этой земле. Я не святой. Я совершенно другой человек — то, что я называю Зорба-Будда.

И, зная всю мою дурную славу, знаю то, как меня осуждают во всех официальных институциях, — он стал моим санньясином. Это огромная храбрость. Даже я был удивлён, когда он впервые коснулся моих ног. Я плакал — в моей комнате, конечно, — никто не мог видеть. Я до сих пор чувствую эти слёзы. Когда он просил об инициации, я не верил ему... В тот момент я просто молчал. Я не мог сказать да или нет, я был просто молчалив, шокирован, поражён. Да, вы правы в своём языке, когда говорите: "взят неожиданностью"^[6] — и взят так сильно!

Какой был номер? Не ты, Ашу. Ты ведь настолько вне чисел. Позвольте мне задержаться немного больше на числах.

"Следующий номер четыре, Ошо".

Следующий — четыре, хорошо. Ты очень умён. Ты не сказал "три", ты сказал: «Следующий номер четыре». Ты знаешь, что не обманешь меня. Ты прекрасно знаешь, что если ты скажешь "три", я начну считать дальше с трёх. Что ж, иногда я позволяю моим ученикам идти их собственным путём.

Четыре: четвёртое имя **Дионисий**. Я говорил о его утверждениях, которые лишь часть из записанного его учениками, но я говорил о нём просто чтобы сделать его известным миру, — люди, подобные Дионисию, не должны быть забыты. Они настоящие люди.

Настоящих людей можно пересчитать по пальцам. Настоящий человек, с которым вы сталкиваетесь, он не только вне вас, как объект, он более сама ваша субъективность. Дионисий

принадлежал великому сообществу будд. Я снова ссылаюсь на несколько его утверждений — я не могу назвать это книгой; книга должна быть чем-то больше, чем несколько фрагментов.

Пять... Я приближаюсь к одному из самых странных моментов в этой серии. Книга называется «**У ног Мастера**». Имя автора — Джидду Кришнамурти, хотя сам Кришнамурти говорит, что он и не помнит, когда писал эту книгу. Она была написана давно, очень давно, ещё когда ему было между девятью и десятью годами. Как он может помнить всё, что было тогда, когда книга была издана? Но это великая работа.

Я хочу открыть миру впервые, кто является настоящим автором этого: Анни Безант! Анни Безант написала книгу, не Кришнамурти. Тогда почему она не называет это собственной работой? Этому есть причина. Она хотела, чтобы Кришнамурти был известен миру как мастер. Это была просто материнская амбиция. Она вознесла Кришнамурти, и она любила его, как любая мать любит своё дитя. Её единственным желанием в её преклонном возрасте было чтобы Кришнамурти стал мировым учителем, джагатгуру. Но как может Кришнамурти быть назван мировым учителем, если ему нечего сказать миру? В этой книге, «У ног Мастера», она пыталась выполнить данное требование.

Кришнамурти не автор книги. Он сам говорит, что даже не помнит, что писал её. Он искренний человек, правдивый и честный, но книга всё равно была опубликована и продавалась под его именем. Ему нужно было помешать этому. Нужно было сообщить издателям книги о том, что он не является автором. Если они хотят опубликовать её, пусть публикуют анонимно. Но он не сделал этого. Вот что даёт мне возможность сказать, что он только девятая карта из Десяти Дзэнских Карт, Карт Укрощения Быка Дзэн. Он не мог отказаться от этого; он просто говорит, что не может вспомнить. Оставь это! Скажи, что это не твоя работа...

Но книга красива. Фактически, каждый мог бы гордиться её написанием. Те, кто хотят идти по пути и быть в согласии с мастером, должны изучить «У ног Мастера». Я сказал «изучить», не прочитать — потому что кто-то читает беллетристику, кто-то — спиритуалистические выдумки, вроде Лобсанга Рампы и его десятков книг, или книги других фиктивных авторов. Их так много сейчас, потому что есть спрос, это рынок. Любой сейчас может быть мастером...

Баба Фриджон... Я смеюсь. Какой упадок! Даже Фриджон, который не изменил себя, а только имя... Он больше не называет себя "бабаг". Он называл себя "баба", потому что он был учеником Баба Муктананды. В Индии, из любви к мастеру, называют его баба, вот и он стал называть себя "бабаг". Но потом, понимая, что это было только подражание, он оставил это. Сейчас он называет себя Дада Фриджон. Это одно и то же; дада или баба — одинаковая бессмыслица. Но эти люди везде вокруг. Остерегайтесь их. Разве что вы сами чисты, тогда вам не надо бояться попасть в чью-то сеть.

Шестое место за другим суфийским мистиком, **Джуннаидом**, мастером аль-Хилладжа Мансура... Аль-Хилладж стал известен миру из-за своего убийства — Джуннаид же ушёл в тень. Но несколько сентенций, утверждений Джуннаида, которые выжили и сохранились до наших дней, — они действительно значительны. И действительно велики. Иначе, как он мог произвести такого ученика, как аль-Хилладжа Мансур? Всего несколько историй, открывков, рассказов — одни незаконченности. Это образ поведения всех мистиков: они даже не беспокоятся о том, чтобы соединить всё это в целое. Они не делают гирлянд из цветов, а просто нагромождают их... Для вас — вам выбирать, что делать с этим.

Джуннаид сказал аль-Хилладжу Мансуру: «Всё, что тебе известно, — это оставь себе. Не кричи своё "А'нал хак!" так громко. Когда говоришь это, говори так, чтобы никто не мог услышать...»

Все они были несправедливы к Джуннаиду. Они думали, что он немного испуган. Это не так. Легко знать истину, легко провозглашать её; намного труднее хранить её в своём сердце

непровозглашённой, произнесённой. Дайте дорогу тем, кто хочет привести вас к благодати вашего бытия, к вашей внутренней тишине..

Седьмая книга — человека, которого полюбил бы Джуннаид, Мейер Баба. Он тридцать лет провёл в молчании. Никто не был молчалив так долго. Махавира был в молчании двенадцать лет — это было записано. Мейер Баба побил все рекорды — тридцать лет молчания! Он делал жесты — как я, когда я говорю, — потому что есть несколько вещей, которые можно объяснить только с помощью жестов. Мейер Баба оставил слова, но он не оставил жесты. Нам повезло, что он не оставил также и жесты. Те близкие его ученики, которые жили с ним, записали сказанное им при помощи жестов, — и книга, которая получилась таким образом, имела самое странное название, какое только может быть. Название книги — «**Бог говорит**».

Мейер Баба жил в молчании и умер в молчании. Он не говорил, но сама эта тишина, была его утверждением, его выражением переживания, его песней. Так что это было не столь и странно — назвать его книгу «Бог говорит».

В книгах дзэна сказано: Цветы не говорят. Это неверно, совершенно ошибочно! Цветы тоже говорят. Конечно, это не английский, японский или санскрит; они говорят языком цветов. Они сообщают через запах. Мне это известно хорошо, потому что у меня аллергия на запахи. Я могу слышать разговор цветов за мили — я говорю из своего собственного опыта. Это не метафора. Я скажу опять: цветы говорят — но это язык тех цветов. «Бог говорит» — как бы это ни звучало, это правда в отношении Мейер Бабы. Он передавал своё послание, не говоря ни слова.

Какой номер, Дэвагит?

"Номер шесть, Ошо".

Мы путешествуем уже долго — будьте терпеливы.

Восемь — совсем неизвестная книга. Она должна была быть известна, поскольку она написана Джорджем Бернардом Шоу. Книга называется «**Революционные максимы**». Все другие его книги известны, за исключением «Революционных маским». Только такой не вполне нормальный человек, как я, мог выудить её. Но я забыл всё остальное, написанное им, — это всё дрянь и мусор.

Кстати, один из моих санньясинов здесь имеет имя Бодхигарбха. "Гарбха" означает беременный — имя значит "беременный буддой, готовый родиться как будда". Некоторые называют его «Бодхи Гарбейдж^[7]» — мне нравится это. Это более верно: когда ты достигаешь буддовости, бодхи, даже мусор становится божественным; всё остальное и так. мусор.

Я люблю маленькую книгу Джорджа Бернарда Шоу «Революционные максимы» — всеми забытую, но не мной. Я выбираю странных людей, странные вещи, странные места. «Революционные максимы», должно быть, снизошла на Шоу... потому что в другом он просто скептик. Он был не святой, не просветлённый, даже не помышляющий о просветлении. Может быть, он не слышал и никогда не употреблял такого слова. Он принадлежал к совершенно иному миру.

Кстати, могу вам сказать, он любил девушку. Он влюбился и хотел взять её в жёны, но девушка хотела стать просветлённой... Девушка желала искать истину, и она уехала в Индию. Та женщина была никто иная, как Анни Безант. Благодарение Богу, Дж. Б.Ш. не убедил её стать его женой; у неё был другой путь, и она стала очень сильной женщиной. Её интуиция, её любовь, её мудрость... да, она была ведьмой. Я говорю серьёзно, что она была ведьмой. Я не имею ввиду "стерва", я говорю ведьма.^[8] Ведьма — это красивое слово, оно значит «та, что ведает».^[9] Этот мир — мир мужчин. Когда мужчина достигает мудрости, его называют буддой, христом, пророком; когда женщина достигает того же, её называют ведьмой. Видите несправедливость? Но оригинальное значение слова прекрасно.

Начало «Революционных маским»... Вот первая максима: «Первое правило — нет никаких

золотых правил». Даже это небольшое утверждение имеет свою красоту и значение. *Нет золотых правил...* Конечно, их нет — это единственное золотое правило. Скажу напоследок, что вам стоит изучить эту книгу. Помните, когда я говорю «изучить», то имею ввиду медитировать о ней. Когда я говорю «прочитать», медитация не требуется. Всего лишь ознакомиться со стилем.

Девятый, я прав, Дэвагит?

"Да, Ошо".

Приятно слышать, что пока я прав. Я не слышал этого как минимум сорок лет. Никто в моей семье никогда не говорил этого. Я всегда был не прав. Но благодарение Богу, я был "не прав" в отношении их, но я был прав по отношению к себе. Никто из моих учителей никогда не говорил, что я прав. Я всегда был не прав.

Это стало ежедневной рутиной, почти обычной практикой — меня вели к классному руководителю для наказания. Староста класса вёл меня к классному руководителю, и тот спрашивал меня, что я натворил в этот день. Но вскоре руководитель перестал даже спрашивать. Я приходил, он давал мне бить меня по лицу, и этим заканчивалось. Он даже не спрашивал, что я сделал неправильно.

Однажды я сказал: «Сегодня вы должны были наказать другого ученика. Я привёл его, а не он меня. Но вы уже ударили меня по лицу!»

Классный руководитель отвечал: «Сожалею».

Я сказал: «Я не верю в слова и извинения. Теперь я должен ударить вас» — и я действительно бил его!

Теперь старик почивает в своей могиле. Я чувствую сожаление, что бил его, — но я бил не очень сильно... так слегка, как ветерок касается крон сосен..

Это прекрасно — слышать теперь, что я прав. Просто услышать это опять... Говоришь, восьмой номер?. Теперь ты, должно быть, в затруднении. Нет, я знаю, что уже девятый. Хорошо.

Мой выбор для места номер девять Хуэй Нэн — китайский преемник Бодхидхармы... «**Наставления Хуэй Нэна**» пока неизвестны и переведены только на японский язык.

Хуэй Нэн — это вершина, крещендо, к которому только может добраться человек. Он не говорил много, он дал лишь несколько намёков. Но их достаточно. Они, как следы — если вы пойдёте по ним, вы достигнете... То, что он говорит, по сути не отличается от слов Христа или Будды, но путь его — оригинальный, свой. Он говорил по-своему, и это доказывает, что он не попугай, не просто монах или священник.

То, что говорит Хуэй Нэн, можно легко свести к нескольким вещам, но чтобы **достичь** этого, вам придётся рискнуть всем. Его слова легко подытожить вот почему — он просто говорит: **Не думай, Будь!** Но чтобы реализовать это, человеку может понадобиться много жизней, разве только это очень разумный человек. И тогда, в этот самый момент, здесь-и-сейчас, это станет реальностью для тебя... Если это уже реальность для меня, почему это не может стать твоей реальностью?! Кроме тебя, никто не может помешать этому.

Десятое и последнее место. Я опасаясь — у меня вызывает колебания, говорить или не говорить мне это имя... **Мулла Насреддин!** Он не вымышленный персонаж, он был суфием, и его могила до сих пор существует. Но он был таким человеком, что мог бы отпустить шутку и из своей могилы. Умирая, он выразил волю, чтобы его надгробие было ничем иным как дверью... запертой — а ключи выброшены в океан.

Теперь это странно! Люди приходят посмотреть на его могилу, они ходят и ходят кругом — и видят дверь: там только дверь и никаких стен, и дверь заперта. А Мулла Насреддин, должно быть, смеётся в своей могиле...

Я никого не любил так, как Муллу Насреддина. Он был один из тех, кто соединил религию и юмор воедино; до этого они держались на расстоянии друг от друга. Насреддин помог им

преодолеть давнюю вражду и сделал друзьями — и когда они встретились, когда смех стал медитативным и когда медитация засмеялась, тогда случилось чудо. Чудо чудес!..

Дайте мне ещё две минуты. Я люблю останавливаться, когда вещи приходят к своей кульминации...

Сейчас моё время. Не думаю, что кто-то на свете давал дикурсы в кресле дантиста. Я чувствую себя первооткрывателем. Я вижу будд, которые завидуют мне.

Продолжаем постскриптум...

Первая книга сегодня: «**Судьба разума**», написанная Хаасом. Я не знаю, как точно его имя произносится: х-а-а-сс... Я произношу его: ХААС. Книга не очень известна, по просто причине — она достаточно глубока. Мне здаётся, этот парень, Хаас, должен быть германцем; но даже так он написал книгу огромного значения. Он не поэт, он не писал, как математик. Он тот, кто подарил мне слово "филосия".

"Философия" значит "любовь к мудрости" — "фило" — любовь, "софия" — мудрость, — но это не было применимо к даршану, восточному методу созерцания целого. Слово "философия" жестковато и неточно.

В своей книге «Судьба разума» Хаас использует для обозначения даршана вместо слова философия, слово "филосия". "Фило" так же означает любовь, а "осия" значит истина, реальность, предельное — не любовь к знанию, формальной мудрости, а любовь к самой истине, реальности, какой бы она ни была, вкусной или горькой.

Это одна из книг, которые сделали Запад и Восток ближе — но всего лишь небольшое сближение, книги не могут сделать большего. Для встречи нужны не книги, нужен человек, и Хаас не был таким человеком. Его книга красива, но сам он ординарен. Для реальной встречи нужен Будда, нужен Иисус, нужен Мухаммед или Боддхидхарма... может быть, Баал Шем. Короче говоря, нужна настоящая медитация, а я сомневаюсь, что Хаас когда-либо в жизни медитировал. Он мог заниматься сосредоточением — немцы знают много о концентрации... концентрационные лагеря... прекрасно! У меня были медитационные лагеря, а они создавали коцентрационные. Концентрация — это по-немецки, медитация нет. Конечно, даже в Германии может случиться медитирующий, но этому ещё далеко до правила, это лишь исключение, а исключения всегда доказывают правило. Я знаю Экхарта, я знаю Боэма...

И второе имя сегодня — **Экхарт**. Я любил бы его, будь он рождён на Востоке. Быть рождённым среди немцев и потом писать или говорить о предельном — это нелёгкий труд. Но ему приходилось этим заниматься, и выходило у него замечательно. Немцы есть немцы; что бы они ни делали, они делят это на отлично. Даже сегодня, кажется, один из немецких санньясинов всё ещё колотит, строит... Прекрасно! Слушайте эти стуки — как красиво они вливаются в тишину...

Экхарт был неграмотен. Странно, что многие мистики неграмотные. Должно быть, что-то не так с образованием. Почему так не много образованных мистиков? Образование, должно быть, разрушает что-то важное, почему ты впоследствии не можешь стать мистиком. Да, система образования разрушает! Двадцать пять лет непрерывно, от детского сада до аспирантуры, — это разрушает всё, что в вас есть естественно красивого внутри. Ваш лотос сминают все эти учителя, роза убита так называемыми профессорами и прочими: ректорами, деканами. Какие красивые названия они выбрали для себя!

Настоящее образование ещё не внедрено. Ему ещё предстоит начаться. Это должно быть образование сердца, не головы, женского в вас, а не мужского.

Это так удивительно, что Экхарт, живя среди германцев, самой шовинистической нации на свете, умудрился остаться в сердце, и после говорить оттуда. Бедный, необразованный, не имеющий ни политического, ни экономического статуса... — он был так богат. Всего несколько человек за всю историю были столь же богаты... Их богатство — это БЫТИЕ.

Напишите «бытие» заглавными буквами...

Эти два слова, «бытие» и «становление»^[10] должны быть поняты. Становление — это процесс, не имеющий ни начала, ни конца, он только продолжается. Но бытие — это вообще не процесс, это то, что есть. Можно назвать это "есть-ность", и это будет очень близко.

Бытие не от времени и пространства, это нечто трансцендентное. И снова, напишите это заглавными — ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ. Жаль, что вы не можете написать это золотыми буквами. Это слово должно быть написано чистым золотом, не восемнадцать карат или двадцать четыре — 100 %-ным золотом!

Экхарт сказал всего несколько вещей, но их было достаточно, чтобы привести в раздражение уродливое духовенство, попов и демонов, окружавших его. Они сразу же остановили Экхарта. Они сказали ему, что ему говорить, а что нет. Нужен был безумец, такой как я, чтобы не послушаться этих идиотов. Но Экхарт был простым человеком, он послушал, он согласился с авторитетом и силой. В конце концов, немцы есть немцы. Когда им говорят: «Налево!», они поворачиваются налево, когда говорят «Направо», они поворачиваются направо.

Меня выгнали из армейских сборов в университете — потому что, когда командир говорил: «Напра-во!», я ещё обдумывал это. Все, кроме меня, немедленно поворачивались. Командир был озадачен. Он сказал: «Что с тобой? Ты не услышал? Что-то не так с твоими ушами?..»

Я отвечал: «Нет, что-то не так со мной. Я не вижу смысла. Почему я должен поворачиваться вправо или влево? Нет никакой надобности, нет причины. И эти дураки, которые поворачиваются по вашей команде вправо или влево, в конце концов возвращаются в то же положение, в котором я нахожусь и сейчас».

Конечно, меня прогнали — и я был несказанно рад. Все думали: "Как ему не повезло", я же был уверен, что мне несказанно повезло. Они шептались, что со мной что-то не так: «Его прогнали, а он улыбается...» По этому случаю я устроил вечеринку с виной и разными вкусами.

Но Экхарт послушался. Немцы не могут быть по-настоящему просветлёнными, это для них слишком трудно. Вималкирти, должно быть, первый немец, ставший просветлённым. Но Экхарт был очень близко... ещё один шаг — и мир был закончился. И открылось бы нечто, то, что ЗА дверью, за пределами этого миру... Но он говорил — просто потому, что был германцем, потому что поддавался давлению политиков от духовенства, — он говорил просто красивые вещи. Всего лишь небольшая доля истины проходит через его слова — поэтому я включаю его в список.

Третий номер — ещё один немец: **Боэм**. Я не знаю, как произносится его имя — но кому это нужно! Вот как оно пишется: Б-о-э-м.^[11] Немцы произносят его иначе, в этом я уверен. Но я не немец и я никогда не иду ни с кем на компромисс. Я всегда называл его "Бомэй". Даже если бы он пришёл ко мне и сказал: «Не так нужно произносить моё имя!..», я бы сказал ему: «Не переживай! Для меня это и есть твоё имя — и это будет твоим именем, Бомэй».

Странно, но когда бы Арпита ни заходила в мою комнату, всегда начинает пахнуть Боэмом, я почему-то сразу вспоминаю о Боэме. Наверно, это просто ассоциация — он был сапожником, обувным мастером, и Арпита делает для меня обувь. Тебе повезло, Арпита, — ты напоминаешь мне Боэма, одного из прекраснейших немцев всех времён.

И снова: он был беден. Это похоже на правило: ты должен быть беден, чтобы быть мудрым; это и сейчас так. Но это не обо мне. Что касается меня, вы должны быть богаты, чтобы просветлеть. Позвольте мне повторить: вы должны быть богаты, чтобы быть просветлённым...

Иисус говорил, что богатый не войдёт в Царствие Божье. Это архаично. Я настаиваю, что лишь богатейший сумеет войти в это Царство. Впрочем помните, то, что я говорю, — это то же,

что говорил Иисус, тут нет противоречия. "Бедный" в терминологии Иисуса — это "богатый" в моей терминологии, т. е. одно и то же. Он называет бедным того, кто потерял себя, своё эго, того же человека я называю богатым. Чем меньше в тебе эго, тем более ты богат. Но в прошлом очень редко человек подобный Боэму, родился в богатой семье, особенно на Западе.

На Востоке по-другому. Будда был принцем, Махавира был принцем; двадцать четыре тиртханкары джайнов все были королями. Кришна был королём, Рама был королём. Все они были богаты, очень богаты. Это имеет некоторое значение. Это подразумевает то богатство, о котором я говорил. Человек становится богат, лишь лишившись эго. Когда тебя нет, только тогда ты *есть*..

Боэм сказал несколько вещей, всего несколько. Он не мог сказать многого, так что не переживайте. Одно из этих высказываний я хотел бы упомянуть: сердце — это храм Бога. Да, Боэм, это сердце — это не голова...

Четыре: человек по имени Идрис Шах. Я не буду говорить о какой-то отдельной его книге, потому что все его книги прекрасны, я могу порекомендовать вам любую из них для прочтения.

Не беспокойтесь, я по-прежнему безумен. Ничто не может сделать меня рациональным вновь. И всё-таки одна книга Идрис Шаха стоит выше всех остальных. Все его книги прекрасны, я бы мог сказать о всех них — но книга «**Суфии**» это подлинная драгоценность. Невозможно оценить то, что он сделал в «Суфиях».

Не прерывайте, всё идёт замечательно.

Говорить — очень легко для меня. Я могу говорить, даже когда сплю, и это будет вполне разумно. Хорошо. Когда бы я ни вспомнил что-то вроде этого, я это всегда оцениваю. И это чудесно — это то, что вам нужно понять, если вы хотите понять «Суфии» Идриса Шаха. Этот человек привёл Муллу Насреддина на Запад, и этим он сделал им неоценимую услугу. Это выше всякой оценки. Запад навсегда останется ему обязанным. Идрис Шах сделал небольшие анекдоты о Насреддине даже более красивыми. Этот человек имеет не только достаточно знаний, чтобы перевести притчи, но он также может украсить их, сделать их острее, пикантнее. Я включаю все его книги.

Верна ли моя нумерация?

"Да, Ошо".

Под пятым номером я собираюсь упомянуть ещё одного мужчину, **Алана Уотса**, со всеми его книгами. Я любил этого человека чрезвычайно. Я любил Будду по другим причинам; я любил Соломона по другим причинам. Они просветлены, а Алан Уотс нет. Он американец — хотя не рождён в Америке, и это единственная надежда. Он эмигрант. И он написал потрясающе ценные книги. «Путь дзэна» нужно считать одной из лучших; и «Это оно» — тоже замечательная книга по красоте и существенности... От человека, который всё ещё не просветлён!. Поэтому это более ценно.

Когда вы просветлены, всё, что вы говорите, прекрасно; так должно быть. Но когда вы не просветлены и всё ещё рыщете в темноте, вы можете отыскать небольшое окошко света, и это чудесно, фантастически. Алан Уотс был пьяницей, но всё же он был очень близок.

Он был всего лишь обычным христианским монахом — что за несчастье! — но он отверг это. Очень немногие имеют мужество, чтобы отказаться от монашества, так как оно даёт столь многие вещи в этом мире. Он всё отверг и стал простым бродягой. Но каким бродягой! — он напоминает Бодхидхарму, Башо, Ринзая... Алан Уотс не может долго оставаться не буддой. Он давно умер... но сейчас он уже, должно быть, окончил школу и готов прийти ко мне... Я ожидаю всех этих людей. Алан Уотс один из них — я жду его!..

Шесть... Кстати, только я упомянул имя **Ринзая**. Шестой номер сегодня — это его **ВЫСКАЗЫВАНИЯ**, коллегия его высказываний. Нумерация верна?

"Да, Ошо".

Это хорошо. Ты что-то шептал Ашу, так что я удивился. Прошу прощения, что прерываю вас. Ты так сосредоточен на своих записях.

Ринзай... Его китайское имя Лин Цзы, его японское имя Ринзай. Я выбрал японское, Ринзай. Оно выглядит красивее, эстетичнее.

Высказывания Ринзая — это как бомба. К примеру, он говорит: «Вы идиоты — последователи Будды! Забудьте его. Если вы не забудете его, вы не найдёте его». Ринзай любил Будду, потому только и мог сказать так. Он также сказал: «Употребляя имя Гаутамы Будды, знайте, что вашего Будды нет в реальности. Будда вне вас, тот, что сидит в пагоде — не настоящий Будда. Будда только внутри вас... — то, о чём вы не знали, не подозревали и даже не слышали. Это и есть настоящий Будда. Избавьтесь от внешнего Будды, и вы узнаете внутреннего».

Ринзай сказал: «Нет никакой доктрины, нет учения, нет Будды». И помните: он не был врагом Будды, но последователем, учеником. Это Ринзай, который принял цветок дзэна у Китая и принёс его в Японию. Он смог перенести дух дзэна в японский язык, и не только в язык, но в саму культуру, а это и искусство составления цветочных композиций, и керамика, и живопись, и устройство садов... Один человек, простой человек, изменил жизнь целой нации.

Семь: на этом месте не просветлённый человек, как Ринзай, но очень близкий, Хан. **Хазрат Иннаят Хан**. Человек, внедривший суфизм на Западе. Он сам не писал книг, но все его лекции были собраны и изданы в двенадцати томах. Они прекрасны во многих частностях. Извините меня, но я не могу сказать, что они прекрасны полностью, но лишь там и здесь, особенно когда он рассказывает суфийские истории.

Он также был музыкантом, и в этом он по-настоящему мастер. Он не был мастером в духовном мире, но в мире музыки, без сомнения, да. Иногда он взлетал к духовному, он возвышался над облаками... чтобы потом с грохотом упасть, конечно. Он, должно быть, страдал от... Дэварадж, как ты это называешь? Множественные переломы? Множество переломов, да, должно быть, именно так.

На восьмом месте сын Хазрата Иннайата Хана. Его имя хорошо известно искателям с Запада — **Хазрат Вилайят Али Хан**. Это прекрасный человек. Он всё ещё жив. Отец умер, а Вилайят жив, и в самом деле имею это в виду — не просто дышит... Дышит, конечно — но *не только дышит*. Из-за чего я включаю в список все его книги. Хазрат Вилайят тоже музыкант, точно как его отец, только более высокого качества, большей глубины. Он более углублён и... слушайте его паузы — в нём больше тишины.

Девять. Я хочу включить ещё одну книгу Калила Джебрана «**Иисус, сын человеческий**». Это одна из книг, которые практически проигнорированы. Христиане проигнорировали её потому что Иисус там назван сыном человека. И они не только проигнорировали — конечно, они осудили её. И, естественно, кому ещё заботиться об Иисусе? Если сами христиане осудили, то больше никому до этого и дела нет.

Калил Джебран — сириец из предместья Иерусалима. Если хотите знать, на склонах Сирии ещё по меньшей мере несколько людей говорят на арамейском — языке, на котором говорил Иисус. Среди этих высоких, невероятно высоких кедров, кто угодно, даже дурак, будет поражен, заморожен... Калил Джебран был рождён в Сирии среди кедров, которые достигали звёзд. Он был очень близок в изображении жизни реального человека Иисуса — намного ближе, чем четверо так называемых учеников, написавших евангелия. Это скорее болтовня, чем благая весть.^[12] Калил Джебран ближе, но христиане разгневаны, так как он называет Иисуса сыном человека. Я люблю эту книгу.

Книга объединяет истории разных людей об Иисусе: рабочего, крестьянина, рыбака, сборщика налогов — да, даже сборщика налогов — мужчина, женщина, все возможности.

Может показаться, будто Калил Джебран взял интервью у всех этих людей об Иисусе — не христианском, а реальном Иисусе — Иисусе из плоти и крови... И эти истории замечательны. Над каждой из них можно медитировать. «Иисус, сын человеческий» — мой девятый выбор на сегодня.

Десятая — ещё одна книга Калила Джебрана «**Безумец**». Я не могу оставить её, хотя признаю, хотел бы. Я хотел оставить её вне списка, потому что тот безумец, о котором там говорится, это я. Но я не могу опустить эту книгу, не включить её. Он говорит так обосновано и так подлинно о самом глубоком ядре безумца. И этот безумец — не обычный сумасшедший, но Будда, Ринзай, Кабир. Я удивлён — меня всегда удивляло, — как Калил Джебран мог справиться с этим. Сам он был не безумец и не просветлённый. Он родился в Сирии, но жил, к сожалению, в Америке.

Но это порождает ещё больше удивления, ещё больше вопросов без ответа. Как ему удалось? Должно быть, он не сам, наверно, ему помогли — то, что суфии называют Кхидр, теософы называют аббревиатурой К.Х., Кутуми — должно быть, это овладело им. Он был заморожен этим, но не всегда. Когда он не писал, он был самый ординарным человеком, даже не просто обычным, но хуже: очень ревнивый, сердитый, полный различных страстей. Но иногда он был одержим, одержим свыше, и тогда что-то начинало проливаться **через** него — картины, поэзия, притчи...

Так о скольких книгах я уже успел сказать в этом постскриптуме, сорок?

"Я думаю, тридцать, Ошо".

Тридцать? Хорошо. Такое облегчение — потому что столько книг ещё ожидают... Вы могли бы понять моё облегчение, если когда-либо выбирали одну книгу из тысячи, а это именно то, что мне приходится делать. Что ж, продолжаем постскриптум.

Первая книга, Жан Поль Сартр «**Бытие и ничто**». Сперва я должен сказать о том, что мне не нравится этот человек. Не нравится потому, что он сноб.

Он один из наиболее высокомерных людей всего этого века. Я называю его снобом, потому что он стал предводителем экзистенциалистов, даже не зная при этом, что такое быть экзистенциальным... Но книга хорошая — не для моих людей, но для тех, кто уже стал немного психом, совсем немного. Она очень трудно читаема.

Если вы слегка псих, она приведёт вас в чувство. Это великая книга именно в лекарственном смысле. Дэвардж, запиши: лекарственный. Её нужно предписывать во всех психиатрических лечебницах. Каждому сумасшедшему хорошо бы прочесть и изучить её. Это не приведёт вас к здравомыслию, ничто не может вернуть вас к нему. Но только для начинающих идиотов, вроде философов, профессоров, математиков, учёных — тех, кто лишь ступил на первую стадию безумия, не для продвинутых психов.

Экзистенциализм, который представляет Жан Поль Сартр, — это высмеивание. Не зная ничего о медитации, они что-то говорят о «бытии», и они говорят о «ничто». Видите ли, их не два — бытие и ничто; вот почему Будда называл бытие "анатта" — не-самость. Гуаатама Будда — единственный человек в истории, который называл себя **не-я**. Я люблю Будду по тысяче и одной причине, это одна из причин. До тысячи я просто не могу считать из-за нехватки времени. Но кто знает, возможно, в один день я начну говорить и об этих тысяче причинах...

Но Жан Поля Сартра я не люблю — не ненавижу, это слишком сильное слово, я его приберегу для второй книги. Сартр ничего не знал об экзистенции, существовании, но он создал жаргон, философский, интеллектуальный жаргон, больше ничего. Это очень похоже на гимнастику. Любой, кто прочтёт хотя бы десять страниц «Бытие и ничто», станет или здоровым или психом. Но прочесть десять страниц — трудная задача. Когда я был профессором, я задавал эту книгу многим моим студентам, но никто не прочёл её до конца. Никто не прочёл даже десятка страниц — даже одна страница это слишком. Один параграф было почти невозможно осилить. Нельзя было уловить ни начала, ни конца предложения. А там тысячу страниц или даже больше. Это большая книга.

Я упоминаю эту книгу в своём постскриптуме, поскольку, хоть я и не люблю этого человека, я могу не любить его философию... да, я назову это философией, хотя он хотел, чтобы это называлось "анти-философия". Я не могу назвать это анти-философией, потому что любая антифилософия в конечном счёте становится ещё одной философией. Существование ни философское, ни антифилософское. Оно просто *есть*.

Я включу книгу потому что он сотворил такую ужасно трудную задачу. Это одна из самых фундаментальных работ, столь логичная, столь профессиональная. А человек был самый обычный, коммунист — вот ещё причина, почему я не люблю его. Человек, который знает существование, не может быть коммунистом, потому что он видит невозможность равенства. Неравенство — это естественный путь вещей этого мира. Ничто не равно, и никогда не может быть равно. Равенство — просто мечта, мечта глупых людей. Существование есть многомерное неравенство.

Второе... Я подожду. У Дэвагита убежали чернила. У тебя не ручка, а настоящий фонтан! Боже мой, наверно она принадлежала Адаму и Еве!.. Сколько шума. Но чего другого можно ожидать в этом Ноевом ковчеге?

Второе — так как я слышу: шум утих — вторая книга, труд Мартина Хайдеггера «**Бытие и время**». Этого человека я ненавижу. Он был не просто коммунист, он был также фашист, последователем Адольфа Гитлера. Я не могу поверить, что сделали немцы! Он был талантливым человеком, гением — но стал сторонником недоразвитого идиота Гитлера! Я просто поражён. Но книга хороша — снова таки не для моих учеников, но для тех, кто существенно продвинулся в своём безумии. Если вы действительно продвинутый псих, тогда читайте «Бытие и время». Понять её **СОВЕРШЕННО** невозможно. Это как молотком по голове... Но есть несколько прекрасных проблесков. Естественно, когда вас часто бьют по голове молотком, вы начинаете время от времени видеть звёзды. Точно так в этой книге: там есть несколько звёзд.

Книга не закончена. Мартин Хайдеггер обещал дописать вторую часть. Он всё обещал и обещал, всю жизнь, но так никакой второй части и не написал, хвала Богу! Мне кажется, он сам так и не понял, что он написал, — так о какой второй части может быть речь? Как продолжать? А это продолжение должно было стать кульминацией его философии... Лучше было не делать этого и не становиться посмешищем. Он умер, так и не написав вторую часть. Но и первая часть достаточно хороша для продвинутых идиотов — а их много; вот почему я говорю об этой книге и включаю её в мой список.

Три. Эта книга для настоящих адептов сумасшествия, для тех, которые уже превзошли всякую психиатрию, всякий психоанализ, которые совсем безнадежны. Это работа ещё одного германца, Людвиг Витгенштейна. Только вслушайтесь в это название «**Трактатус Логико Философикус**». Мы назовём это просто «Трактатус». Это одна из самых трудных книг во всём существовании. Даже такой великий английский философ как Г.Е.Мур и также Бертран Рассел, тоже великий философ, даже не английский, а мирового масштаба, — даже они согласились, что Витгенштейн далеко превзошёл их обоих.

Людвиг Витгенштейн был, на самом деле, привлекательный человек. Я не могу его ненавидеть, он даже мне симпатичен. Он мне нравится и я люблю его — но не его книгу. Его книга — это просто гимнастика. Только иногда через много и много страницы вы можете наткнуться на светлую страницу. Для примера: "То, что не может быть сказано, не должно быть сказано; должно хранить молчание по отношению к этому". Это прекрасное утверждение. Только святые, мистики, поэты могут что-то взять для себя из этого предложения. Не нужно говорить о том, о чём нельзя говорить.

Витгенштейн писал математически — короткими предложениями, даже не параграфами — сутрами. Для настоящего продвинутого психа эта книга окажет огромную помощь. Она поразит его в самое сердце, даже не в голову. Подобно гвоздю, она проникнет в само его существо... и, может быть выведет его из кошмара.

Людвиг Витгенштейн — привлекательный человек. Ему предложили одно из наиболее престижных для философа мест — в Оксфорде. Он отказался. Вот почему я люблю его. Он ушёл и стал фермером и рыбаком. Это привлекает в мужчине. Это более экзистенциально, чем Жан Поль Сартр, хотя Витгенштейн никогда не говорил об экзистенциализме. Об экзистенциализме — между прочим — нельзя говорить; можно *жить им*, другого пути нет.

Книгу, написанную Витгенштейном изучили Мур и Рассел, величайшие философы Британии и Германии... Этого было достаточно, чтобы создать «Трактатус логико ФилософиКУС». В переводе это значит: Витгенштейн, Мур и Рассел. Что касается меня, я бы желал видеть Витгенштейна у ног Георгия Гурджиева, чем изучающего что-либо в компании Мура и Рассела. Это было бы самое правильное место для него, но он упустил. Возможно, в

следующий раз, я имею ввиду в следующей жизни... для него, не для меня. Для меня этого достаточно, эта последняя. Но для него нужно хотя бы один раз оказаться в компании кого-то вроде Гурджиева, Чжуан Цзы или Бодхидхармы — но не не Мура или Бертрана Рассела. Его связывали с этими людьми, а это неправильные люди. Он был правильным человеком, попавшим в компанию к неправильным людям, — что и разрушило его.

Мой опыт таков, что в правильной компании даже неправильная личность начинает меняться к лучшему, и наоборот: в дурной компании, и хороший человек опуститься до того же дна. Но это касается только непросветлённых людей, правильных или неправильных, тех или других. Просветлённый не подвержен влиянию. Он может связаться с кем угодно — как Иисус связался с Магдаленой, проституткой; Будда — с убийцей, убийцей, который погубил девятсот девяносто девять человек. Он дал клятву убить тысячу человек, и ему встретился Будда — он должен был стать последним...

Имя этого убийцы неизвестно. Люди дали ему имя Ангулимала, что значит "человек, который носит ожерелье из пальцев". Это был его путь. Он убивал человека, отрезал ему пальцы, и вешал себе на шею — просто чтобы вести счёт убитым. Всего десять пальцев ему оставалось до тысячи, то есть всего один человек... И вот перед ним Будда. Он просто проходил по этой дороге, из одного селения в другое. Ангулимала сказал ему: «Стой!»

Будда сказал: «Замечательно. Я тоже говорю своим людям: "Стоп!" Но, мой любезный друг, кто же слушает!»

Ангулимала был удивлён: этот человек безумец? А Будда всё приближался к Ангулимале... Убийца снова крикнул: «Стой! Похоже, ты не видишь, с кем имеешь дело, — я убийца, и я дал клятву убить тысячу людей. Даже моя мать перестала смотреть на меня — так как всего один человек остался... Я убью тебя!.. Но ты выглядишь таким красивым, что... если ты сейчас же остановишься и пойдёшь прочь, я не стану убивать тебя».

Будда сказал: «Забудь об этом. Я никогда не поворачивал назад в своей жизни. А что касается того, чтобы остановиться, я остановился сорок лет назад; после того уже никому не осталось двигаться. А что касается убийства, ты можешь сделать это. Всё рождённое должно умереть».

Ангулимала смотрел на этого человека... затем упал к его ногам и навсегда был преобразён. Ангулимала не изменил Будду, Будда изменил Ангулималу. Магдлена-проститутка не изменила Иисуса — Иисус изменил её.

Поэтому то, что я говорю, применимо к так называемому обычному человечеству, это не применимо к пробуждённым. Витгенштейн **мог** стать пробуждённым; он мог пробудиться даже в этой жизни. Увы, он связался с дурной компанией. Но его книга может стать настоящим спасением для тех, кто достиг третьей стадии безумия — кому прежние две книги уже не могут помочь. Это третья стадия. Если они извлекут из неё хоть толику смысла, это вернёт им нормальность.

Перед тем, как я скажу имя четвёртого... я ощущаю великую благодарность к существованию! Сейчас я собираюсь говорить о человеке, который был вне чисел, — Вималкирти. Его книга называется «**Нирдеша Сутра**». Наш Вималкирти был не единственный Вималкирти; фактически, я дал ему имя из-за этого Вималкирти, о котором я собираюсь сказать сейчас. Его утверждения собраны в «Вималкирти Нирдеш Сутре». "Нирдеша сутра" означает рекомендации.

Вималкирти был одним из самых удивительных людей; даже Будда бы позавидовал ему. Он был учеником Будды, но формально он никогда не примал санньясу — внешне Будда никогда не давал ему посвящение. И он был таким ужасным человеком, что все остальные ученики Будды просто избегали его. Они не хотели, чтобы он становился одним из них. Просто увидеть его

идушим по дороге или поздороваться с ним — для Вималкирти это был достаточный повод, чтобы сказать что-то шокирующее. Шокировать было его методом. Гурджиев бы полюбил его — или, кто знает, возможно, даже Гурджиев был бы поражён... Это был ужасный человек — и настоящий человек.

Говорится, что он заболел, и Будда попросил Шарипутру пойти к старику и спросить о его здоровье. Шарипутра сказал: «Я никогда не говорил тебе "нет" и не скажу впредь — но только в этот раз. И я настаиваю: Нет! Я не желаю идти. Пошли кого-нибудь другого. Это человек невыносим. Даже не смертном одре он будет создавать неприятности. Нет, я не могу идти..»

Будда опросил всех, и никто не согласился идти — кроме одного ученика, Манджушри, который первым из всех стал просветлённым. Он пошёл, и именно так родилась эта книга. Это диалог. Наш Вималкирти получил имя из-за этого человека. Настоящий Вималкирти лежал при смерти у себя в постели, а Манджушри задавал ему вопросы, или скорее отвечал на заданные ему. Вот как «Вималкирти Нирдеша Сутра» была написана — действительно великая работа.

Никогда никто не заботился об этой книге, так как она не является священной книгой какой-то определённой религии. Это даже не книга буддистов, потому что Вималкирти никогда не был формальным учеником Будды. Люди столько внимания уделяют форме, что совершенно забывают дух. Я рекомендую эту книгу всем искателям. Они найдут там алмазную россыпь.

Пять: я хочу вернуть Кришнамурти в ваши записи снова. Книга называется «**Комментарии к жизни**». Она состоит из многих томов — и сделана из того же материала, что и звёзды.

«Комментарии к жизни» — это дневник. Время от времени он записывал что-то в свой дневник... Прекрасный закат... или старое дерево, или просто вечер... Птицы возвращаются домой... река стремительно несётся к океану... Что бы он ни чувствовал, он записывал это. Так родилась эта книга. Она не написана систематически, это дневник. Всего лишь прочесть её будет достаточно, чтобы перенести вас в иной мир — в мир красоты, чего-то лучшего, более прекрасного. Вы видите мои слёзы?

Я не читаю уже какое-то время, но одно упоминание об этой книге нагоняет на мои глаза слёзы. Я люблю эту её — это одна из величайших книг, когда-либо написанных. Перед этим я говорил о книге Кришнамурти «Первая и последняя свобода», которую он так и не смог превзойти. Конечно, как книга — нет, — но «Комментарии» всего лишь дневник, не книга в полном смысле слова, и всё же я включаю её в список.

Шесть. Правильный номер?

"Да, Ошо".

Как хорошо слышать: «Да, Ошо». Даже просто слышать «да» хорошо — это так лелеет, так оживляет. Я никогда не смогу быть в достаточной степени благодарен... У меня есть тысячи санньясинов со всего мира, поющих: «Да, Ошо, да!» Я должен считать себя самым удачливым из всех людей, живших когда-либо на Земле или другой планете.

Шестая книга тоже называется «**Комментарии**», это большая работа в пять томов Морриса Николла. Я всегда произносил его имя Моррис Никоал. Только сегодня я спросил Гудю, как нужно правильно и точно по-английски говорить это имя — потому что он был англичанин. Она сказала: "Никкл".

Я сказал: «Боже мой! я всю жизнь произносил, как "Никоал", просто из-за написания: Н-и-к-о-л-л». Я удивлён — как можно это произносить "Никкл". Никоал кажется более правильным произношением. Но правильно или не правильно, а Гудя сказала так — она правильная англичанка, — так что всё о'кей. Я буду называть его Николл — и его «Комментарии».

Николл был учеником Гурджиева, и он не любил Успенского, он никогда не предал своего учителя, не стал Иудой. Подлинный ученик останется таковым до последнего дыхания и после

него также. Комментарии Николла очень обширны — я не думаю, что кто-то полностью прочитал их — тысячи страниц. Но если кто-то взял на себя такой труд, это должно принести ему огромную пользу. По моему мнению «Комментарии» Николла следует считать одной из лучших книг в мире.

Седьмая — книга ещё одного ученика Гурджиева, Хартмана. Она называется «**Наша жизнь с Гурджиевым**». Хартман — я не знаю, произношу ли и это имя правильно... потому что я слышу, как кто-то хихикает здесь. Но не беспокойтесь о произношении. Хартман и его жена, оба были учениками Гурджиева. Хартман был музыкантом и играл для гурджиевских танцев. Гурджиев использовал танцы как медитацию, и не только для своих учеников, а и для тех, кто приходил посмотреть на них.

Когда они впервые исполняли своё представлени в Нью Йорке, Хартман играл на рояле, ученики танцевали, и в тот момент, когда Гурджиев сказал: «Стоп!» — это было упражнение на стоп... Нет ты, Дэвагит, — ты должен писать. Когда Гурджиев крикнул: «Стоп!», ученики в самом деле остановились, на середине танца! Они были на самом краю сцены... В довершение они все падают на пол друг на друга, но по-прежнему никакого движения! Аудитория была в ужасе. Они не могли поверить, что люди могут быть так послушны. Хартман написал книгу «Наша жизнь с Гурджиевым», и это замечательное описание от ученика. Это будет помощью для всякого, кто на пути.

Какой номер?

"Это был номер седьмой, Ошо".

Хорошо, ты слышишь.

Значит, восемь... Вы видите, как я учу вас? Даже когда я пытаюсь раздражить вас или сбить с толку — это говорит вам о чём-то, к чему вы в данный момент не являетесь осознаны. Возможно, иногда вы почувствуете благодарность.

Семь, верно?

"Номер восьмой, Ошо".

Прекрасно быть поправляемым учеником, в самом деле замечательно. Мастер всегда чувствует благословение, когда ученик поправляет его. И это всего лишь вопрос нумерации. Я то и делаю, что поправляю вас, так что хотя бы в отношении номеров я могу дать вам такое удовольствие... Так какой же номер сейчас?

"Номер восьмой, Ошо".

Иногда мне хочется посмеяться. Восьмой? Хорошо.

Восьмая книга, о которой я сегодня собираюсь говорить, написана индусским мистиком, Рамануджей. Называется она "**Шри Паша**". Это комментарии к Брахмасутре. Существует много комментариев к Брахмасутре — я уже говорил о Брахмасутре Бодрайаны. Рамануджа комментирует его очень особенным способом...

Оригинальная книга очень суха, похожа на пустыню. Разумеется, даже пустыня имеет свою красоту и свою правду — но Рамануджа делает её в своих комментариях садом, он находит оазис... Он делает её сочной. Я люблю эту книгу, написанную Рамануджей. Я не люблю самого Рамануджу, так как он очень традиционен. Я терпеть не могу традиционалистов, ортодоксов — просто не переношу. Я считаю их фанатиками — но что поделать, книга красива; порой даже фанатики могут сотворить что-то очень достойное внимания. Так что простите меня, но я включу и эту книгу.

Девятая. Я всегда любил книги П.Д. Успенского — и всегда не любил самого автора их. Он более похож на школьного, а не на религиозного учителя, а кто любит школьных учителей? Я пробовал, когда я был школьником, и потерпел поражение; в университете... — то же самое. Я не смог, и я не думаю, что кто-то другой способен — особенно если учитель женщина; тогда это

совершенно невыполнимо! Есть несколько дураков, которые даже взяли в жёны женщин-учительниц. Должно быть, они страдали от недуга, называемого психологами "мазохизм"; должно быть, они искали кого-то, кто бы мучил их...

Мне не нравится Успенский — он был в точности школьный учитель, даже когда читал лекции по учению Гурджиева. Он стоял у доски с кусочком мела, со столом и стулом рядом — точно школьный учитель — и что можно было ждать, кроме спекуляций. И как он преподавал! — я понимаю, почему только несколько человек слушали его, хотя они и получали через него золотое послание.

Во-вторых, я ненавижу его за то, что он был Иуда. Я не могу любить того, кто предал. Предать это совершить самоубийство, духовное самоубийство. Даже Иуда покончил с собой, и суток не прошло с казни Иисуса на кресте. Успенский сам далеко не мой любимый персонаж, но опять таки, что поделать, — он был способным писателем, талант, гений. Книга, о которой я хочу сказать, была опубликована посмертно. Он не хотел, что бы она вышла в свет при его жизни. Возможно, он боялся. Возможно, он не был уверен, что она оправдает его ожидания.

Это небольшая книга, она называется «**Будущая психология человека**». Он написал в завещании, что книга должна быть опубликована, только когда его уже не будет. Хотя я не люблю этого человека, но должен признать, себе на зло, что в этой книге он почти предсказал меня и моих санньясинов.

Десять...Всё ещё верно?

"Да, Ошо".

Хорошо.

Книга, о которой я скажу напоследок, это книга суфия «Книга Бахауддина». Настоящий суфийский мистик, Бахауддин создал саму традицию суфизма. В его небольшой книге включено всё. Это подобно семени. Любовь, медитация, жизнь и смерть... он не упустил ничего. Медитируйте над ней.

Достаточно на сегодня.

Ладно. Сколько уже книг я включил в постскрипtum на этот момент?

"Уже есть сорок книг в постскриптуме, Ошо".

Хорошо. Я очень упрям.

Первое — «**Аутсайдер**» Коллина Уилсона. Это книга огромного влияния для этого века — но человек, написавший её, обычен. Он очень одарённый учёный, и да, несколько прозрений, здесь и там, — в целом, книга красива.

Что касается Колина Уилсона, сам он не аутсайдер; он мирской человек. Я аутсайдер, вот почему я полюбил книгу. Я люблю её потому, что, хотя её автор и не часть того измерения, о котором он ведёт речь, но он говорит очень и очень близко к истине. Но помните: если вы даже **ОЧЕНЬ** близко к истине, вы всё ещё не в ней, вы неистинны. Вы либо истинны, либо неистинны — среднего не дано.

Книга представляет усилие Уилсона понять что-то из-за пределов этого мира, из мира аутайдера; он пытается извне заглянуть в изгоя, отшельника, аутайдера, как кто заглядывает к вам в комнату через замочную скважину. Вы можете увидеть часть комнаты — и Коллин Уилсон тоже смог. Книгу стоит почитать — прочесть, но не изучать. Прочтите её и выбросьте в мусор, так как от настоящей книги, пришедшей от настоящего аутайдера, она так далеко, как дальнее эхо... эхо эха, отражение отражения.

Вторая — **Сборник изречений Конфуция**. Мне совершенно не нравится Конфуций, и я не испытываю никакой вины из-за этого. И я чувствую большое облегчение, что теперь это записано. Конфуций и Лао Цзы были современниками. Лао Цзы — маленький старик; Конфуций приходил даже посмотреть на Лао Цзы, и возвращался потом, дрожа, потрясённый до самого основания, потел и качался на стуле. Один из учеников спросил его: «Чту случилось между вами? Ведь в той пещере кроме вас никого не было...»

Конфуций отвечал: «И хорошо, что больше никого там не было. Это человек подобен дракону! Он собирался убить меня, но, слава богу, я сбежал. Он в самом деле опасен!»

Конфуций передал всё правильно. Человек, как Лао Цзы, может убить тебя — но только для того, чтобы воскресить. Но если вы не будете готовы умереть, вы не сможете возродиться. Конфуций сбежал от своего собственного возрождения.

Я уже выбрал Лао Цзы, и навсегда. Конфуций принадлежит к очень обычным, мирским людям. Но пусть это будет снова записано: я не люблю его; он сноб. Странно, что он не родился в Англии. Впрочем Китай в те дни **БЫЛ** Англией... Англия в то время была такой варварской, что ничего ценного нельзя было в ней найти.

Конфуций был политичен, умён и хитёр, но он не был по-настоящему разумен; иначе он должен был бы упасть к ногам Лао Цзы — он бы не сбежал. Там в пещере он испугался не самого Лао Цзы, он испугался тишины... потому что Лао Цзы и тишина это одно и то же.

Однако я хочу включить одну из самых известных книг Конфуция, просто чтобы быть честным. «Собрания» — самая важная его книга. Для меня это как корни дерева — уродливые и искривлённые, но имеющие большое значение — то, что вы называете необходимым злом. «Собрания» — это необходимое зло, удобрения или корни. Он говорит о мире и мирском, о политике и прочем. Один ученик спросил его как-то: «Господин, что на счёт тишины?»

Конфуций был раздражён и смущён. Он закричал на бедного ученика: «Замолчи! Какая тишина? — тишина ждёт тебя в могиле. В этой жизни в ней нет нужды, есть слишком много других важных вещей...»

Вот его отношение. Теперь вы можете понять, почему он не симпатичен мне. Мне жаль его.

Он был хорошим человеком — но, подойдя близко к такому великому человеку как Лао Цзы, он, к сожалению, упустил. Я могу лишь проронить слезу о нём...

Три. Калил Джебран написал много книг на своём родном языке. Те, что он написал на английском, широко известны — это «Пророк» и «Безумец»... и много других. Но он написал некоторые и на своём языке, несколько из них переведены. Конечно, перевод не может быть совершенно точен, но Калил Джебран так велик, что даже в переводах вы можете найти нечто ценное. Я хочу обратиться сегодня к некоторым из этих переводов. Третья на сегодня книга — Калил Джэбран «Сад пророка». Это перевод, но она напоминает мне великого Эпикура.

Я не знаю, называл ли кто-то, кроме меня, Эпикура великим. Он был осуждаем из столетия в столетие. Но я знаю это: если массы дружно осуждают какого-то человека, значит... скорее всего, что-то великое есть в нём. Книга Калила Джебрана «Сад пророка» напоминает мне Эпикура, потому что он тоже называл свою коммуну Садам. Всё, что делает человек, представляет его. Платон называл свою коммуну Академией — естественно; он был академиком, великим интеллектуальным философом.

Эпикур называл свою коммуну — Сад. Они жили под деревьями, под звёздами. Однажды сам король пришёл посмотреть на Эпикура и его людей, так как он слышал, что все они выглядят очень счастливыми. Он был удивлён и хотел узнать — отчего эти люди счастливы: Какая этому причина? (ведь они не имели ничего). И, придя, он был ещё больше поражён, — они, в самом деле, счастливы, они поют и танцуют.

Король сказал: «Я чувствую себя очень хорошо рядом с тобой и твоими людьми, Эпикур. Ты можешь просить меня о любом подарке!».

Эпикур сказал: «Когда придёшь в следующий раз, ты не мог бы принести с собой немного масла — потому что мои люди уже много лет не ели масла. И ещё одно: когда придёшь снова, не веди себя, как посторонний. По крайней мере, пока ты здесь, будь частью нас. Принимай участие, будь с нами! Пой и танцуй! У нас нет больше ничего, чтобы предложить тебе!»

Книга Калила Джебрана напоминает мне об Эпикуре. Я сожалею, что я не упомянул об Эпикуре — но я не виноват в этом. Его книги были сожжены, уничтожены христианами. Все возможные копии были утеряны сотни лет назад. Таким образом, я не могу упомянуть о его книгах — но сейчас я могу вознести ему должное с помощью Калила Джебрана и его «Сада пророка».

Четвёртая... хорошо... Ещё один перевод Калила Джэбрана, «Голос Мастера». Это, должно быть, очень красивая книга в оригинале, но даже в переводе она сохраняет много следов красоты, отголоски... Но, конечно, это только приближается к тому. Язык, на котором говорил Калил Джебран очень похож на язык Иисуса. Они соседи. Домом Калила Джебрана был Ливан. Он родился на склонах Ливана, под кедром. Это самые великолепные деревья во всём мире. Глядя на эти кедровые деревья, вы можете поверить Ван Гогу — что деревья это мечты Земли достать до звёзд. Они достигают сотен футов высоты и живут тысячи лет.

Некоторым образом Калил Джэбран представляет Иисуса. Он принадлежит к тому же измирению, хоть он и не христос. Но он мог им быть. Как и Конфуций, который тоже упустил. Были люди, *живые* люди при его жизни, к которым он мог бы пойти, но этот человек предпочёл бродяжничать по грязным улицам Нью Йорка. Он мог пойти к Рамане Махарши, который был ещё жив, который был буддой, христом.

Пятая — книга Раманы Махарши; это не совсем книга, небольшая брошюра, называемая «Кто я?»

Рамана не был учёным, он был не особо и образован. Он оставил дом, когда ему было всего семнадцать и больше никогда не вернулся. Кто возвращается к обычному дому, найдя ДОМ настоящий и вечный? Его метод прост — вы должны исследовать свою глубочайшую сущность,

используя вопрос: «Кто я?» Он был настоящим основателем интенсивного просветления — именно он, а какой-то американский господин или госпожа — что протенедуют на изобретение.

Я говорил, что эта книга не очень велика — но человек велик. Иногда я упоминаю великолепную книгу, но написанную самым малым человеком, посредственностью. Теперь же я говорю о книге настоящего мудреца, который написал небольшую книжку, всего несколько страниц — маленькая брошюра, памфлет. Он был очень молчалив и говорил редко, лишь время от времени. Калил Джебран получил бы огромную пользу, если бы пришёл к Рамане Махарши. Он был услышал тогда настоящий Голос Мастера. Махарши тоже вынес бы пользу от их встречи, так как Джебран мог писать книги как никто иной. Рамана был убогим писателем; Джебран был убогим человеком, но великим писателем. Они вместе могли стать благословением для этого мира.

Шестая — «**Разум Индии**» Мурхэда и Радхакришнана. Мурхэд ничего не знал об Индии, не больше него знал и Радхакришнан, но странно — вместо им удалось создать великолепную книгу, очень хорошо представляющую всё наследие Индии. Только пики были упущены — они прошли по всему как бульдозеры, которые проезжают по Гималаям и сносят пики, превращая ландшафт в одну равнину. Да, эти двое исполнили работу бульдозера. Те, кто знает дух Индии — я не могу назвать это разумом — те, конечно, назвали бы свою книгу «Не-ум Индии».

Но хоть книга и не представляет высочайшего, она хорошо представляет то, что ниже, — а это большая часть, это девяносто девять процентов. Написано хорошо, но это только догадка. Один был англичанин, другой — индийский политик — замечательная комбинация! И оба вместе они написали эту книгу — «Разум Индии».

Семь. В самом конце длинного списка книг, я хочу представить вам две, которые вы, должно быть уже испытали: это «**Алиса в стране чудес**» и, восьмая, «**Алиса в Зезеркалье**» Льюиса Кэррола. Обе они несерьёзны, почему я и люблю их. Обе написаны для детей, и поэтому я уважаю их. Обе полны красоты, величия, таинственности — и многих метафор, которые могут быть поняты на различных уровнях. Мне, например, нравится такая история...

Алиса пришла к Королю — хотя, возможно, это была Королева, не имеет значения; Король спросил её: «Не встречала ли ты по дороге моего посыльного, направляющегося сюда?»

Алиса сказала: «Я не встречала никого, ^[14] сэр».

Король сказал: «Тогда он должен быть уже здесь».

Алиса не верила своим ушам, но даже поражённая сохраняла молчание и стояла неподвижно, как настоящая английская леди.

Гудя, ты здесь? В другой день ты спросила меня: «Есть ли ещё во мне английская леди, Ошо?» Всего немного, чуть-чуть — не о чем беспокоиться. Немного это хорошо.

Алиса, должно быть, была превосходной английской леди. Вне этикета она не могла даже хихикнуть. Она сказала, что на дороге ей не попадался никто, а Король решил, что она встретила кого-то по фамилии Никто, что "Никто" — это кто-то... Снова и снова она говорила: «Никто!..» — но Король только смеялся и говорил: «Понятно, понятно. Только вот почему этот Никто до сих пор не прибыл?»

Вот такие небольшие притчи есть в обеих книгах — «Алиса в стране чудес» и «Алиса в зазеркалье». И самое странное, что Льюис Кэрролл — это было не настоящее имя автора... так как он был математиком и школьным наставником; поэтому он использовал псевдоним. Но вот какое бедствие — псевдо-имя стало известно всему миру, а настоящее имя совершенно забыто. И странно, что математик и школьный учитель смог написать такие потрясающе красивые книги.

Вы будете удивлены, когда я вам скажу, почему включил их. Я их включаю потому, что хочу сказать миру — для меня эти книги Льюиса Кэрролла и «Бытие и ничто» Жана Поля Сартра —

одно и то же. Это не имеет значения. Если бы мне пришлось выбирать, я выбрал бы «Алису в стране чудес», а «Бытие и ничто» выбросил бы в океан, очень далеко в Тихий океан, чтобы никто больше не нашёл её. Для меня эти две небольшие книги имеют большое духовное значение. Никаких шуток, я говорю серьёзно.

Девятая... Снова и снова я возвращаюсь к Калилу Джебрану. Мне всегда нравились его книги, и я хотел бы помочь ему. Я ждал его, но он ещё не родился. Ему придётся искать какого-то другого мастера в будущем. «Странник» — это мой выбор к этому номеру.

«Странник» Калила Джебрана — это сборник притч. Притчи — один из глубочайших методов сказать о чём-то; то, что не может быть просто сказано, можно выразить в притче. Это красивая коллекция небольших историй.

Какой я хитрец! Даже с закрытыми глазами я могу видеть Дэвагита, который не просто пытается сказать что-то — он использует свою ногу, что не очень по-джентельменски — и это прячась сзади за свои мастером..! Что поделать, таков и есть мир.

Это прекрасно, Ашу. Просто напомни мне номер.

"Мы говорили о номере девятом, Ошо".

Десятый: другая книга Калила Джебрана, «Духовные высказывания». Сейчас я должен возразить — даже если придётся возразить Калилу Джебрану, которого я люблю. Ему не стоило писать "духовные высказывания". Хотя книга и хороша, лучше если бы он назвал её просто «Красивые высказывания». Красивые, но не духовные. Называть их духовными абсурдно. Но я всё равно люблю книгу, как люблю всё абсурдное.

Я вспомнил Тертуллиана, книги которого — простите меня — я не включил. Я мог включить их все или хотя бы вспомнить о нём. Известное изречение Тертуллиана: *credo qui absurdum* — верую, ибо абсурдно. Я не знаю другого изречения на любом из языков мира, которое было бы более содержательным, чем это. А Тертуллиан — христианский святой! Но когда я вижу красоту, я готов принять и оценить её — даже в христианском святом.

Credo qui absurdum — это стоит выложить из бриллиантов, даже не из золота. Золото слишком дёшево. Это говорит: я верю, потому что это абсурд — именно поэтому это имеет ценность. Тертуллиан мог бы написать книгу «Духовные высказывания», а не Калил Джебран.

Калилу Джебрану нужна медитация. Это самое время для него, чтобы медитировать, а для меня время уже уходит. Но я не могу уйти — по той причине, что я ещё не дошёл до пятидесяти. Дэвагит, скажи мне какой номер?

"Собственно, мы уже дошли до пятидесяти. Был номер десятый, Ошо".

Тогда я сделаю пятьдесят одно, потому что я не могу оставить эту книгу вне списка. Это невозможно, с номером или без. И вы делайте то же самое: просто забудьте о номере и направляйтесь к следующему, который я говорю.

Одинадцать, Самюэль Беккет «**В ожидании Годдо**». Никому не известно, что это за Годдо, точно как никто не знает, что такое Бог.^[15] Фактически, Беккет сделал великое дело, введя слово "Годдо" для обозначения Бога. Каждый ожидает ни-что, потому что Бога не существует. Всякий ждёт, ждёт, ждёт... а ждать нечего. Вот почему, хотя номера и кончились, я захотел включить эту книгу, «В ожидании Годдо».

А теперь подождите ещё две минуты... Спасибо.

Ладно, продолжим. Вам трудно понять моё затруднение. Сколько я себя помню, я всегда только читал и не делал больше ничего — изо дня в день, почти полвека. Естественно, выбрать теперь книгу — почти невыполнимая задача. Но я кое-как исполняю её на протяжении этих встреч, так что всё на вашей ответственности.

Первый, Мартин Бубер. Я не могу простить себе, что Мартин Бубер не включён в основной список — поэтому, как покаяние, я включаю сейчас в постскрипtum две его работы: первая «Хасидские истории». То, что Т.Д. Судзуки сделал для дзэна, то же Мартин Бубер сделал для хасидизма. Оба чрезвычайно услужили истинным искателям. Но Судзуки стал просветлённым; жаль признавать, но Бубер — нет.

Бубер был великим писателем, философом, мыслителем — но все эти вещи только игрушки, ничего серьёзного. Разумеется, я выражаю своё уважение, включая его, так как без него мир даже не знал бы слова "Хасид."

Бубер родился в хасидской семье. С самого своего детства он рос среди хасидов, поэтому когда он говорит об этом, это звучит правдиво, хотя он лишь *слышал* эти истории, не больше. Он слышал верно; и это стоило записать. Даже верно слышать — трудно, а донести это потом до большого мира — это много более трудная задача, но он справился с ней замечательно.

Судзуки просветлённый, а Бубер — нет, но Судзуки — не был великим писателем, а Бубер был. Судзуки — обычный писатель. Бубер стоит так высоко, как только это возможно в писательском искусстве. Но Судзуки *знает* — а Бубер не знает; он только передаёт традицию, в которой был рождён и взрощён... и да, передаёт достоверно.

«Истории о Хасидизме» стоит прочесть истинному искателю. Эти истории, небольшие повествование имеют определённый аромат. Это не похоже на дзэн, и это не то, что суфизм. Это оригинальный аромат, не заимствованный ни у кого, не скопированный. Хасиды любят, смеются, танцуют. Их религия не целомудренна, это празднование. Вот почему я нахожу много общего между моими людьми и хасидами. Это не случайно, что столько евреев пришло ко мне; ведь я всегда разбивал еврейские головы, как я только мог... и им до сих пор известно, что я люблю их. Я люблю сущность иудаизма — это и есть хасидизм. Моисей, конечно, не слышал ничего об этом, но он был хасидом; знал он или не знал, не имеет значения. Я объявляю его хасидом — и также Будду, Кришну, Нанак, Мухамеда. Основатель хасидизма Баал Шем. Но имя не имеет значения — только суть.

Вторая книга Мартина Бубера — «Я и Ты», его самая известная книга, он получил за неё Нобелевскую премию. Простите меня, но я совершенно не согласен с этим. Я упоминаю книгу, потому что это великая работа, написанная очень артистически, с глубиной, искренностью. Но в ней нет души, так как душа отсутствовала в самом авторе... Как этот бедный человек мог изловчиться поместить душу в свою книгу, пускай это и шедевр, не имея собственной души?!

Книга очень уважаема среди евреев, так как они считают, что она представляет их религию. Она не представляет никакой религии вообще, ни еврейской, ни индусской; она представляет лишь невежество человека по имени Мартин Бубер. Человек, без сомнения, великий, гений. Когда гении начинают писать о вещах, о которых они не знают ничего... они всё равно способны создать шедевр.

«Ты и Я» — в основе своей неверна, т. к. Бубер говорит, что это диалог: между человеком и Богом. ТЫ и Я...! Бессмыслица! Не может быть никакого диалога между Богом и человеком, если что и может быть, то только тишина. Какой диалог? что ты скажешь Богу? Спросишь об обесценившемся долларе? или про Аятоллу Рухоллу Хоммейни? О чём ты собираешь вести

диалог с Богом? Нет ничего, о чём вы могли бы говорить. Вы можете быть только в благоговении... от предельного молчания.

Нет никакого «Я» и нет никакого «Ты» в этой тишине; это делает неправильным само название книги. «Я и Ты»...? Это означает, что всё ещё сохраняется отелность. Нет, это как росинка, которая готова соскользнуть с лепестка лотоса в океан... Росинка исчезает... но если посмотреть по-другому, становится самым океаном; но никаких «я» и «Ты» больше нету. Или иначе: есть только **Я** или только **Ты**. Но когда нету «Я», не может быть и «Ты», это лишено смысла. И если нет «Ты», то о каком «я» тогда может идти речь? Фактически остаётся только тишина... эта пауза... Моё безмолвное существо в один этот момент сказало больше, чем Мартин Бубер на многих страницах своей книги пытался выразить — и потерпел поражение. Но, хоть он и потерпел поражение, это всё равно шедевр.

Три... Мартин Бубер был евреем, и теперь все остальные евреи стоят в очереди. Боже мой, какая она длинная, и бедные Дэвагит и Ашу... Помимо прочего, им надо ещё и есть, они не могут питаться только моими словами. Но я буду быстр. Я постараюсь рассеять столько, сколько смогу. Некоторые из них очень упрямы, и я знаю — они не уйдут, только в случае, если я скажу о них хотя бы несколько слов.

Человек, следующий за Мартином Бубером, один из самых упрямых — но не упрямее меня. Должно быть, я был евреем в одной из своих прошлых жизней; должен был быть. А человек этот — Карл Маркс. Книга, которую он держит в руках — «**Капитал**».

Это самая ужасная из написанных книг на Земле. Но в другом отношении это великая книга, так как она повелевает миллионами людей. Почти половина мира считают себя коммунистами, а на счёт второй половины вы не можете быть вполне уверены... Даже те, кто не причисляют себя к коммунистам, глубоко внутри ощущают, что есть что-то хорошее, правильно в этом коммунизме. Но ничего хорошего в нём нет. Это просто эксплуатация прекрасной мечты. Карл Маркс был мечтателем — не экономистом, нет, — просто мечтателем. И ещё поэтом — но его поэзия третьего сорта. Его нельзя назвать великим писателем. Никто не читал этот «Капитал». Я встречался со многими коммунистами, и я спрашивал их, глубоко заглядывая в их глаза: «Прочли ли вы "Капитал"»? Ни один не ответил положительно.

Они говорили: «Всего несколько страниц... Нам нужно заниматься столькими вещами — у нас нет времени на такую большую книгу». Тысячи страниц, и все дрянные — написанные ни логически, ни рационально... похоже на бред начинающего сумасшедшего. Карл Маркс продолжал записывать всё, что бы ни происходило в его уме. Сидя в Британском Музее, в окружении тысяч и тысяч книг, он писал и писал... Это было почти ежедневным ритуалом — музей нужно была закрывать, и его приходилось вытаскивать из музея. С силой его удавалось выдворить; иначе он не уходил. Он мог даже понарошку потерять сознание...

И теперь этот человек превратился в бога! Это нечто вроде несвятой троицы: Карл Маркс, Фридрих Энгельс и, конечно, Ленин — эти трое стали почти святыми для миллионов людей на востоке. И, хоть это бедствие, я должен упомянуть книгу — не для того, чтобы вы читали её, а наоборот. Подчёркиваю: не читайте её. Вы и так в беспорядке, путанице — достаточно. Нет надобности в «Капитале»...

Четыре: не забудьте, что Маркс тоже еврей. Будет целая цепочка евреев. Зигмунд Фрейд — ещё один. Его великая работа «**Лекции по психоанализу**». Мне не нравится слово «анализ», также не нравится и человек, но он, как и Карл Маркс, смог создать великое движение и стать одной из наиболее видных и значительных фигур в мире.

Евреи всегда мечтали управлять миром. И они в самом деле управляют им. Три человека, о которых можно сказать, что они имеют наибольшее влияние — это Карл Маркс, Зигмунд Фрейд и Альберт Эйнштейн; все евреи. Еврейская мечта сбылась, они на вершине. Но Карл Маркс

ничего не смылит в экономике; Фрейд не прав потому, что ум не следует анализировать, ум должен быть отложен, и только тогда вы входите в пространство не-ума.

Альберт Эйнштейн, конечно, прав в своих теориях относительности, но показал себя полным идиотом, когда написал письмо президенту Рузвельту с предложением создать атомную бомбу. Хиросима и Нагасаки — тысячи людей, погибших там, сгоревших заживо, всё это на совести Альберта Эйнштейна. Именно с его письма начался процесс создания атомной бомбы в Америке. Он так себе и не простил этого; и это лучшая его часть. По крайней мере, он признал, что совершил один из величайших возможных проступков против жизни. Он умер в ужасном расстройстве. Перед смертью он сказал: «Я никогда, никогда, никогда не хотел бы вновь быть физиком! Уж лучше быть водопроводчиком...»

И он был одним из величайших людей на Земле. Почему таким провалом кончилась его история как физика? Почему? По простой причине — он осознал последствия того, что он сделал. Он увидел ясно это — но было уже поздно... Так происходит со всеми бессознательными людьми: они становятся осознанны, когда уже слишком поздно. Сознательный человек осознаёт ещё ДО содеянного..

Пять... Столько евреев ожидает у двери — и трудно выбрать: кого пригласить, а кого оставить за дверью. И вы знаете, с евреями не так просто вести разговор. Поэтому я лучше отрину всю очередь, а вместе с ней и головную боль. И начнём что-нибудь другое. С евреями покончено, по крайней мере пока. Исчезните все!.. Я говорю евреям, не вам.

Пять: я боялся что не упомяну книгу Гурджиева «**Встречи с замечательными людьми**». Но это удастся, благодаря этому P.P.S. Это великая книга.

Гурджиев путешествовал по всему миру, особенно на Среднем Востоке, в Индии. Он бывал в Тибете — более того, он был преподавателем покойного Далай Ламы... не нынешнего — он дурак, — а предыдущего. Имя Гурджиева на тибетском пишется "Дорджеб", и многие люди думали, что Дорджеб это кто-то другой. А это был не кто иной как Георгий Гурджиев. Об этом факте стало известно в английском парламенте — что Гурджиев много лет провёл в Тибете; более того, он долгое время жил во дворце в Лхасе — и они препятствовали ему оставаться в Англии. Сначала он хотел остаться в Англии, но ему не позволили.

Гурджиев написал свою книгу «Встречи с замечательными людьми» в виде мемуаров. Это очень уважительные воспоминания обо всех тех странных людях, которые встречались ему в жизни — суфии, индийские мистики, тибетские ламы, японские дзэнские монахи. Хочу вам сказать, что не упомянул обо всех; он оставил многих вне текста из-за соображений рынка — ведь книга должна продаваться... из-за этих соображений.

Я никогда не соблюдал никаких требований рынка. Я вообще не беспокоюсь об этом, так что я могу сказать — он выбросил самых замечательных и самых значительных из персонажей из своих воспоминаний. Но всё, что он написал, красиво. Это всё ещё нагоняет у меня слёзы. Каждый раз, когда что-то подлинно красиво, мои глаза начинают делаться влажными... и это, по моему мнению, наивысшее уважение.

Эту книгу стоит изучить, не только прочитать. В английском нету слова для пути; есть слово на хинди, и оно значит читать и читать каждый день, снова и снова одно и то же — на протяжении всей жизни. Это нельзя перевести как "чтение", особенно на Западе, где есть книги в мягкой обложке — их можно прочесть и выбросить или оставить на скамье в поезде. Это также не может быть переведено как "изучение", потому что в изучении вы сосредоточены на понимании значения слова или слов... "Путь" — это ни чтение, ни изучение, но нечто большее. Это приникать к книге с радостью, так радостно, что в конце концов это проникает в само ваше сердце, это становится вашим дыханием. Это требует целой жизни, и именно это нужно, если вы хотите понять настоящие книги, такие как «Встречи с замечательными людьми» Гурджиева.

Это вам не выдумка, как «Дон Хуан» — вымышленный персонаж, произведённый на свет американцем Карлосом Кастанедой. Этот человек сделал скверную вещь в отношении человечества. Не стоит вообще писать выдумок на духовную тематику, по той простой причине, что люди станут думать, будто духовность есть не что иное как выдумка.

«Встречи с замечательными людьми» — это настоящая книга. Некоторые из упомянутых Гурджиевым людей всё ещё живы; я сам встречал нескольких из них. Я свидетель тому, что эти люди не вымышлены, хотя я и не могу простить Гурджиеву, что он не написал о самых лучших из встреченных им.

Нет нужды идти на компромисс с рынком; вообще, нету надобности в компромиссе. Я встречал нескольких людей, которыми он пренебрёг в книге, которые рассказывали мне, что Гурджиев бывал в тех местах. Сейчас они очень стары. Но всё же книга хороша — это лишь часть, она не закончена, но всё равно ценна.

Шесть: я всегда любил одну книгу, автор которой неизвестен; он аноним, хотя известно, что он был учеником Кабира. Не так важно, кто написал, хотя кто бы ни сделал это, он непременно должен был быть просветлённым. Чтобы сказать так много без малейших колебаний.

Это маленькая книга стихотворений, весьма слабых литературно. Возможно, автор не был слишком образован, но это опять не имеет значения. Значит только то, что внутри. ^[16] То, что значимо, — это содержание. Книга даже не опубликована. Люди, у которых она есть, также против её публикации, и я могу понять их чувства и полностью согласен с ними. Они говорят, что когда книга опубликована, она становится частью рынка, и потому не хотят публиковать. Если кому-то нужна книга, он может прийти и переписать её собственноручно. Таким образом, в Индии имеется несколько копий, написанных от руки, и все владельцы дали слово не публиковать текст. Конечно, публикация даёт что-то книге; и также что-то теряется, пока книга проходит через пресс. Теряется дух; наружу выходит только мёртвое тело.

У книги нет названия; так как она не публиковалась, то и название не нужно. Я спрашивал у людей, которые обладают оригинальной копией: «Как вы называете её?»

Они отвечали: «**Грантха**».

Нужно объяснить вам, что значит "грантха". Это древнее слово, оно пришло с тех времён, когда книги ещё писали на пальмовых листьях, не на бумаге. И вот когда эти листья связывали вместе, это называлось "грантха". 'Сшито вместе' вот что в точности значит "грантха" — "связанное из листьев".

В книге есть несколько чрезвычайно ценных утверждений. Я просто ознакомлю вас с некоторыми. Одно говорит: *не беспокойтесь о том, что может быть сказано, — в этом нет правды*. Истина не может быть высказана. И ещё: *Бог — это только слово; существенное, но не существующее*. 'Бог' — это только символ, представляющий переживание, опыт. И третье: *Медитация не есть умственный процесс, она не от ума*. Можно сказать наоборот: "оставить ум значит медитировать". И так далее.

Я хотел обязательно упомянуть «Грантху», потому что она никем не упоминалась и никем не переводилась.

Семь... я всё ещё не сбился?

"Нет, Ошо".

Я против Карла Маркса и Фридриха Энгельса, но я должен отдать должное их совместной работе — «**Коммунистический манифест**» — и помните, я не коммунист! Вы не найдёте более антикоммунистического человека, чем я; но я люблю эту маленькую книгу. Мне нравится, как она написана, — не содержание, но стиль.

Вы видите стиль? Какова сила высказывания: «Объединяйтесь!» «Вам нечего терять, кроме своих цепей, мир — для победы». Это то, что я говорю своим санньясином, хотя я не говорю

«объединяйтесь!»), я говорю: *просто будьте* — и вам нечего терять, кроме своих цепей, оков.

И я никогда не говорил и не скажу, что надо завоевать мир — кому он нужен, кто заботиться об этом? Можете ли вы убедить меня стать Александром Великим, Наполеоном Бонапартом, Гитлером или Мао Дзе-дуном? Это целая линия идиотов, и что касается меня, я не хочу иметь с ними ничего общего. Я не говорю своим людям: «Побеждайте» — нечего побеждать. **Просто быть** — это мой манифест. Просто будьте, потому что в этом простом бытии вы уже достигли всего.

Восемь... правильно?

"Да, Ошо".

Хорошо. Вы всё ещё руководите? Вы запланировали все заранее? — потому что сегодня я не слышу как вы шепчетесь. Шепчитесь слегка, это хорошо.

Восьмая — книга Марселя «**Миф о Сизифе**».^[17] Я не религиозный человек в обычном понимании; я религиозен по-своему. Возможно, люди удивятся почему я упоминаю книгу, не относящуюся к религии. Они удивятся, но вы — вам надо копать глубоко, и тогда вы поймете эту религиозность, ощутите её... Миф о Сизифе — древний миф, и Марсель просто использовал его для своей книги. Позвольте объяснить это вам.

Сизиф, бог, был изгнан с небес за то, что не повиновался верховному Богу — и был наказан. Наказание состояло в том, что он должен был затащить большой камень с долины на вершину горы, которая была так невысока, что можно было с лёгкостью взобраться на неё, — но с огромным валуном... каждый раз, когда он добирался к вершине горы, он не мог пройти, силы его покидали и камень вновь катился вниз, в долину. Сизифу нужно было спускаться обратно и вновь катить камень, раздражаясь и пыхтя... Бессмысленная работа... зная прекрасно, что он соскльзнёт опять — но что поделать?

Это вся история человека. Вот почему я говорю вам, что если вы будете копать достаточно глубоко, вы найдёте настоящую религию. Но это человек, он всегда был в таком положении. Что вы делаете? Что все другие делают? Толкают валун к той точке, где он снова и снова соскальзывает в ту же долину, возможно даже более глубокую каждый раз. И на следующее утро, разумеется после завтрака, вы деалете это вновь. Вы знаете, продолжая толкать, что должно случиться. Он соскальзывает опять.

Этот миф прекрасен. Марсель открыл его заново. Он был очень религиозным человеком. Фактически, он был настоящий экзистенциалист, не Жан Поль Сартр, но он не был торговец лозунгами и так и не вышел вперёд. Он оставался тих, молчалив, писал тихо и умер тихо. Многие люди в мире не знают, что его больше нет. Он был так молчалив — но он писал, «Миф о Сизифе», и это очень красноречиво. «Миф о Сизифе» — одна из величайших работ, созданных когда-либо искусством.

Девять: я напоминаю себе опять и опять, не знаю почему, — что я должен включить Бертрана Рассела. Я всегда его любил, хотя и знал прекрасно, что мы противоположные полюса — диаметрально противоположны друг другу. Наверное, это причина. Противоположные полюса привлекают друг друга. Видите ли вы снова слёзы у меня на глазах? Они о Бертроне Расселе — Бертти, как его называли друзья. Его книга на девятом месте сегодня — «**История западной философии**».

Что касается самой западной философии, никто не создавал раньше такой работы, как Бертран Рассел. Только философ способен на это. Историки пытались, есть множество историй о философах, но ни один историк не был сам философом. Это впервые — философ ранга Бертрана Рассела писал об истории — и это «История Западной философии». И он настолько искренен — он не называет это «История философии», потому что ничего не знает о восточной философии. Он лишь кротко говорит о том, что знает, он признаёт, что знает только часть

философии — западную философию, от Аристотеля к Берtrandу Расселу.

Я не люблю философию, но работа Рассела не просто рассуждения, это произведение искусства. Она столь систематична, так красиво составлена — наверно, потому, что автор был математиком..

Индия нуждается в Бертрране Расселе, который описал бы о её философию и её историю. Существует много историй, но они написаны историками, а тут нужен философ, тот, кто смог бы посмотреть в общем. Историк — это только историк, он не может увидеть всей глубины и ритма, проходящего через события. Радхакришнан написал «Историю индийской философии», видимо надеясь, что это станет аналогом труда Рассела — но это воровство. Книга даже не была написана Радхакришнаном, это были тезисы одного из его студентов — Радхакришнан был его экзаменатором, и он украл целые куски текста из этих тезисов. По этому делу было слушание в суде — но тот студент был так беден, что не смог выиграть. Радхакришнан же обеспечил его деньгами, чтобы далее об инциденте никто не знал.

Такие люди не могут судить об индийской философии. В Бертрране Расселе нуждается Индия, нуждается Китай... особенно эти две страны. Западу повезло, что у них появился такой революционный мыслитель, как Бертран Рассел, который мог создать и создал такое прекрасное повествовательное описание всего прогресса западной мысли, от Аристотеля и заканчивая собой.

Десятая. Десятая книга, о которой я собираюсь говорить сейчас, снова не одна из так называемых религиозных книг. Она религиозна, только если медитировать над ней... если вы не читаете её, но медитируете над ней. Она всё ещё не переведена с хинди и носит оригинальное название «**Песни Дайабай**».

Я чувствую некоторую вину, потому что упоминал Рабийю, Мееру, Лалу, Сахаджо, и пропустил лишь одну женщину, заслуживающую такого же упоминания: Дайа. Теперь я чувствую облегчение.

«Песни Дайи». Она была современницей Мееры и Сахаджо, но она более глубока, чем любая из них. Она действительно вне чисел. Дайя — это маленькая кукушка... но не беспокойтесь. В Индии кукушек называют коял, и это не имеет значения чокнутый. Дайа в самом деле кукушка, и нет, она не чокнутая, она замечательная певица, как индийская кукушка коял... Если вы слышали в Индии в летнюю ночь — зов кукушки в дали... Это Дайя; это то, чем она была, — дальний зов из жаркого лета этого мира.

Я говорил о ней. Возможно, однажды станет возможным сделать перевод. Потому что я переживаю, что это может оказаться невозможным — как перевести всех этих поэтов и уникальных певцов? Восток — подлинно поэтичен, а Запад и все эти языки, они прозаические, очень прозаические. Я никогда не встречал настоящей поэтичности на английском. Иногда мне доводилось слышать великих классических музыкантов с Запада... на днях я слушал Бетховена — но остановил запись на середине. Если вам известна восточная музыка, ничто не может соперничать с ней. Если вам доводилось слышать индийскую бамбуковую флейту, всё другое для вас — просто обычно.

Так что я не уверен, будут ли эти беседы о певцах, поэтах и других сумасбродах на хинди когда-либо переведены, но я не могу не упоминать их имён. Возможно, само это упоминание здесь даст толчок к тому, чтобы сделать перевод..

Первая книга сегодня — Ирвинг Стоун «**Жажда жизни**». Это роман, основанный на жизни Винсента ван Гога. Стоун создал такую потрясающую вещь, я даже не могу припомнить, чтобы кто-то делал подобное. Никто не писал так интимно о другом человеке, так, будто он говорит о собственном битии...

«Жажда жизни» — это не просто роман, это духовная книга. Духовная в моём понимании; я считаю, что все измерения жизни должны быть естественно объединены вновь; и тогда каждое из них является духовным. Книга написана так прекрасно, что даже Ирвинг Стоун вряд ли сможет презойти здесь себя в дальнейшем.

Он написал много книг после этой, и моя вторая книга также принадлежит перу Ирвинга Стоуна. Я поставил её второй, так как она вторична, ниже по качеству, чем «Жажда жизни». Это «**Муки и радости**», тоже основанная на истории жизни человека. Возможно, Стоун надеялся создать вторую «Жажду жизни» — но он потерпел неудачу. Хотя он потерпел неудачу и книга стала вторичной — не для других, для него самого. Существуют сотни книг об артистах, поэтах и художниках, но ни одна из них не достигла высоты даже второй из этих книг, не говоря о первой. Обе прекрасны, но первая запредельно хороша.

Вторая книга немного ниже, но тут нет вины Ирвинга Стоуна. Когда вам нужно создать книгу, подобную «Жажде жизни», обычный человеческий инстинкт толкает просто имитировать себя, сделать что-то схожее, такое же — но тот момент, когда вы стараетесь это сделать, не может быть таким же! Когда он писал «Жажду», он не имитировал, это была девственная земля. Когда писал «Муки и радости», он повторял себя, и это худшая иммитация. Каждый делает это у себя в ванной, перед зеркалом... И то же автор чувствует в отношении своей второй книги. Но, хоть я и говорю, что это всего лишь отражение в зеркале — там отражается и что-то от реального; поэтому я включаю её.

Я спрашивал у Гуди, о чьей жизни рассказано в «Муках и радостях», потому что я совершенно забыл. Это тоже исключительно, я не забываю что-то так просто. Я легко прощаю, забываю обиды, но в другом... О чьей жизни он говорил, ты знаешь, Дэварадж? Это был Гоген?

"Это был Микеланджело, Ошо".

Микеланджело? Великая жизнь. Тогда Стоун многое упустил. Если бы это был Гоген, тогда всё в порядке, но если это Микеланджело, простите; тогда я не могу извинить ему... Но написал он красиво. Его проза похожа на поэзию, хотя вторая книга и не того качества, что «Жажда жизни». И не может быть, по простой причине исключительности такого человека как Винсент ван Гог. Этот голландец неподражаем! Он стоит особняком. В небе полном звёзд он сияет одинокой звездой, отдельно от других, уникально, по-своему. Легко написать великую книгу о нём, и то же самое стоило ожидать в отношении Микеланджело, но Стоун просто зацепился за свою первую книгу и попытался повторить себя; и поэтому упустил. Никогда не будьте иммитатором. Не следуйте за кем-то или за кем-то... даже за собой.

Просто будьте

от момента к моменту...

даже не зная,

кто вы есть..

Это и значит

быть моими людьми.

Бедняжка Четана, я сказал ей, что моя одежда должна быть снежно-белая. Она стирает для меня. Она делает всё, что умеет, все, что возможно.

Сегодня я неизмеримо счастлив ощутить себя опять в Гималаях. Я бы хотел умереть в Гималаях, как Лао Цзы. Это чудесно жить в Гималаях, но ещё более чудесно умереть в Гималаях. Снег всегда и везде мне напоминает о чистоте Гималаев, об этой девственности... Завтра никогда не приходит, так что не стоит переживать. Со мной это всегда сегодня, и в этот самый момент мы в том неповторимом мире Гималаев...

Микеланджело, должно быть, любил белый мрамор; он изваял статую Иисуса из этого камня. Никто другой не делал таких прекрасных статуй, — и Ирвингу Стоуну не должно было составить труда написать достойную Микеланджело книгу. Но он упустил возможность уникального видения, из-за самоповторения. Увы — если бы он смог забыть «Жажду жизни», он создал бы второй такой же шедевр.

Третья — книга Льва Толстого «**Воскресение**». На протяжении всей своей жизни Лев Толстой был очень озабочен из-за Иисуса Христа; вот и название его романа — «Воскресение». И Толстой создал действительно великое произведение искусства. Это было моей библией. Я могу вспомнить себя, постоянно носящего «Воскресение» Толстого под мышкой. Даже мой отец обеспокоился. Однажды он сказал мне: «Это хорошо, что ты читаешь книгу. Но почему ты носишь её с собой целый день? Просто читай её».

Я сказал: «Да, я должен читать её. И не раз, много раз. Но я также собираюсь носить её с собой».

И вся моя деревня знала об этом — что я ношу какую-то книгу, называемую «Воскресение» с собой. Все они думали, что я сумашедший — а сумашедшие могут делать что угодно. Но почему я носил с собой «Воскресение» весь день? — и не только днём, но и ночью. Книга оставалась со мной и в постели. Я любил её... то, как Лев Толстой рассуждает — это подлинное и полное послание Иисуса. Он имел успех больший, чем любой из апостолов, исключая Фому, — но об этом я скажу после «Воскресения».

Четыре евангелия, включённых в Библию, лишены духа Христа. «Воскресение» намного лучше. Толстой любил Иисуса, а любовь — это магия, волшебство, тем более если вы любите человека, для которого время исчезло. Толстой любил Иисуса так сильно, что в некотором смысле они стали современниками. Промежуток огромен — две тысячи лет, — но он исчез между Иисусом и Толстым. Это происходит редко, очень-очень редко, и потому я всегда носил книгу с собой. Я больше не ношу её, но она по-прежнему остаётся у меня в сердце.

Пять. Пятое Евангелие. Его нет в Библии, оно было совсем недавно найдено в Египте — «**Записке об Иисусе**», Фома. Я говорил о нём, так как я сразу же влюбился в эти записи. Фома в своих «Записках об Иисусе» так прост, что это исключает всякие неточности. Он говорит очень прямо, непосредственно, будто его нет, а есть только Иисус.

Известно ли вам, что Фома был первым учеником, достигшим Индии? Индийское христианство старейшее в мире, старше Ватикана. И тело Фомы сейчас покоится на Гоа — этом странном месте, но красивом, очень красивом. Вот почему все аутсайдеры, хиппи, те, кто называют себя не такими, так тянуться на Гоа — их непреодолимо привлекает это место. Никакое другое место... И ни в каком другом месте нет таких чистых и красивых пляжей, как на Гоа.

Тело Фомы всё ещё сохраняется там, и это чудо, как оно могло быть сохранено. Сейчас мы знаем, как можно хранить тела, их можно заморозить... но тело Фомы не было заморожено; это был древний метод, применявшийся в Египте, в Тибете, и в этом случае тоже. Учёные всё ещё не могут понять — какие химикаты были использованы, в каком порядке... и вообще были ли там использованы какие-то химикаты. Великие учёные! Они могут достичь луны, но не могут сделать чернильную ручку, которая не протекает! В самых малых вещах они терпят поражение.

Я не учёный. Вчера, даже когда я сказал "О'кей", это не было на самом деле о'кей. Я сказал

потому, что я люблю вас и не хочу доставлять вам лишних проблем. Я не знаю ничего о химии, я знаю только то, кто я есть. Когда всё вокруг меня идёт хорошо, это превосходно. И через эту превосходность я знаю, что всё хорошо. Если что-то не так, я тоже должен падать, возвращаться в долину.

Позвольте вам объяснить восточную концепцию падения. Человек рождается, если что-то не так... не так с ним. Если всё правильно, нет причины рождаться; он движется к источнику, исчезает в космосе.

Позавчера всё было хорошо. Но так не было вчера. Во-первых, я сказал "О'кей"; это не было правдой. Но я могу лгать из любви — мне не хочется разочаровывать вас. В конце я ещё сказал: «Хорошо, можете заканчивать это». Но нечего было заканчивать, так как ничего и не начиналось. Я должен сказать вам это, чтобы это не повторилось опять. Прошу, не вынуждайте меня лгать. Я не британец, не англичанин; даже для приличия это трудно мне. Помогите мне, чтобы я мог говорить только то, что есть. И в этот момент вещи становятся по-настоящему красивыми — и не говорю, как англичанин — по-настоящему красивыми... Вы знаете меня, обольстителя.

Пять — ещё одна книга Льва Толстого. Одна из величайших во всех языках мира, «**Война и мир**». И не только одна из величайших, но и одна из объёмнейших... тысячи страниц. Я не знаю, читает ли кто такие книги, помимо меня. Они такие большие, громадные, они устрашают вас!

Но книга Толстого должна была быть огромной, тут нет его оплошности. «Война и мир» — это вся история человеческого сознания — целая история; об этом не напишешь на нескольких страницах. Да, это не просто — прочесть тысячи страниц, но тот, кто сможет, будет перенесён в другой мир. Стоит почувствовать этот вкус, чего-то классического... Да, это классика.

Шестая. Сегодня, похоже, я окружён русскими. Шестая — Максим Горький «**Мать**». Мне не нравится Горький; он коммунист, а я терпеть не могу коммунистов. Когда я не переносу чего-то, я просто не переносу — но эта книга, «Мать», хотя она и написана Горьким, её я люблю. Я любил её всю жизнь. У меня было столько экземпляров этой книги, что мой отец говорил: «Ты сошёл с ума? Одного экземпляра книги достаточно — а ты продолжаешь заказывать ещё и ещё! Недавно я опять видел почтовый пакет — и это не что иное, как ещё одна копия «Матери» Максима Горького. С тобой всё в порядке или всё-таки...»

Я отвечал ему: «Да, что касается «Матери» Максима Горького, я сумашедший, совершенно сумашедший!»

Когда я вижу мою собственную мать, я вспоминаю Горького. Этого человека можно считать одним из величайших деятелей искусства во всём мире. Особенно это в «Матери», здесь он достиг высочайшего пика писательского мастерства. Никто до и никто после... Он, как вершина в Гималаях. «Мать» должна быть изучена, изучена очень хорошо; только тогда это сможет просочиться в вас. Тогда понемногу вы начинаете чувствовать её... Да, это слово, "чувствовать" — не думать об этом, не просто читать, но **чувствовать**. Вы начинаете соприкасаться с этим, и это касается вас. Становиться живым. И теперь это уже не книга, это личность.

На седьмом месте другой русский, Тургенев, и его книга «**Отцы и дети**». Он был одним из моих любимцев. У меня было много любимых книг, тысячи, но никакую из них я не любил *так*, как эту книгу Тургенева. Я всё время убеждал моего отца прочесть её. Он умер; в ином случае я бы должен был просить его простить меня. Почему я заставлял его прочитать книгу? Это было единственным способом для него понять в чём состоит разрыв между ним и мною. Но он был действительно удивительным человеком; он читал книгу снова и снова, прочто потому, что я говорил. Он прочитал её не однажды, а много раз. И после того, как он её прочитал несколько раз над пропастью между нами был наведён мост. Мы не были больше отцом и сыном. Эта

уродливая «дружба» между сыном и отцом, матерью и дочерью, и так далее... мой отец оставил это, и мы стали просто друзьями. Сложно быть другом собственному сыну, собственному отцу; в данном случае, это его заслуга, не моя.

«Отцы и дети» Тургенева стоит прочесть каждому, потому что всякий вовлечён в какие-то отношения — отец и сын, муж и жена, сестра и брат, до тошноты... да, это вызывает тошноту. Всё, что касается семьи, в моём слове обозначается словом "тошнота". И всякий ещё претендует: «Как прекрасно...» Каждый хочет быть англичанином, британцем.

Восьмая, Д.Г. Лоуренс. Я всегда хотел говорить о его книге, но я беспокоился верно ли моё произношение. Пожалуйста не смейтесь над этим. Всю жизнь я говорил «Фоникс» потому что так пишется. Но сегодня утром я спросил Гудю: «Гудя, будь снисходительна ко мне! — что случается не так и часто. — Как произносится название?»

Она сказала: «Финикс!»

«Боже мой! Финикс? Я всю свою жизнь продолжал говорить "Фоникс"...» Это моя восьмая книга — Д.Г. Лоуренс «THE PHOENIX ^[18]». Что ж, изменим моё произношение, чтобы это хотя бы походило на английский.

«Феникс» — это чудесная книга, лучшая из написанных за десятилетия, а может быть, за века.

Девятая, ещё одна книга Лоуренса. «Феникс» — великая, очень красивая, но это не последний мой выбор. Мой последний выбор — его книга «Психоанализ и бессознательное». Её редко читают. Скажите, кто-нибудь сейчас собирается прочесть эту книгу? Люди, читающие романы, не станут читать её, люди, читающие о психоанализе, не будут читать её, потому что они не рассматривают Лоуренса как психоаналитика. Но я прочёл её. Я не поклонник романистов, ни сдвинутый на психоанализе — я свободен от того и другого. Абсолютно свободен. Я люблю эту книгу.

Мои глаза начинают накапливать влагу. Пожалуйста, не перебивайте.

«Психоанализ и бессознательное» была одной из самых любимых и лелеемых мной книг. Хотя я не читаю больше, если бы я захотел опять почитать, я начал бы именно с этой. Не Веды, не Библия, а «Бессознательное и психоанализ». И знаете что, эта книга против психоанализа.

Лоуренс был настоящий революционер, бунтарь. Он был намного более революционен, чем Зигмунд Фрейд. Фрейд — это средний класс. Я не буду говорить больше, не ждите. В словах "средний класс" я имею в виду 'всё посредственное'. Это значение среднего класса — где-то посередине. Зигмунд Фрейд не был бунтарём по-настоящему; Лоуренс был.

Хорошо. Вам не надо беспокоиться обо мне и моих глазах — это даже интересно, я никогда не плакал так долго.

Десять: «Свет Азии» Арнольда. Я должен сказать ещё о двух книгах — и, даже если я умру, я должен закончить этот дискурс.

Одинадцать. Одинадцатым номером — «Биджак». «Биджак» — это подборка песен Кабира; это означает "семя" — и, конечно, семя тонкое, хрупкое, ещё невидимое. Вы сможете увидеть его, только когда оно прорастёт и станет деревом.

Не перебивайте. Вы хотите продолжения? — это и есть нужный вопрос. Никогда не спрашивайте меня, спрашивайте себя. Если вы не хотите продолжения, просто скажите мне и этого достаточно. Это по-настоящему сложно — ехать сразу на двух лошадях, а это именно то, чем я занимаюсь. К тому же один из них жеребец, а другая — кобыла. И что делать — два различных направления...

Двенадцать. Из-за этой ситуации на двенадцатом месте будет книга Герберта Маркузе «Одномерный человек». Я против этого, но его книга красива. Я против, потому что знаю — человек может быть осуществлён, только имея множество измирений, когда он выражает себя

как только возможно — но не в одном измирении. «Одномерный человек» — это история современноого человека; это двенадцатая книга.

Тринадцатая — таинственная китайская книга «**И Цзин**».

Четырнадцатая и последняя. Это роман на хинди, он всё ещё не переведён на английский. Странно, что именно я упоминаю эту книгу, но она стоит упоминания. Название на хинди звучит так: Нади Ке Двип. Это переводиться «**Острова Реки**». Написал книгу Сатчитананд Ватсаяна. Книга для тех, кто желает заниматься медитацией; это роман медитаторов. Никакой другой роман, ни Толстого, ни Чехова, не может соперничать с ним в этом. И жаль, что он написан на хинди.

Обождите немного. Это так красиво, что я должен насладиться, прежде чем скажу ещё что-то. Говорить с этих высот очень непросто. Пожалуйста, никаких прерываний...

Я узнал, Дэвагит, что сегодня утром ты был не в себе. Это хорошо для опыта, для разнообразия — это то, что называют "сад возможностей". Хотя я и не поддерживаю "выходы из себя". Зачем выходить из себя? — войди в себя! Тогда ты будешь в правильном смысле одержимым, Ошо-одержимым. Но выходить из себя, теряться в этом... Ты сейчас на пути к Ошо-одержимости, но тебе стоит двигаться осторожно; я бы сказал научно, рационально.

Я даже не позволяю тебе вести твои записи, я перебиваю. Вместо того, чтобы извиниться, я кричу на тебя, я говорю «Не перебивай!», даже когда ты не сказал ни слова. Я понимаю, что любой бы вышел из себя. Но вы знаете, я сумашедший — а когда вы имеете дело с сумашедшим, вы должны быть снисходительны; не просто терпеливы, а любящи.

Когда ты просто молчишь, а я говорю «Не перебивай!», должно быть, я что-то имею в виду... Должно быть, это какая-то идея в твоём уме. Наверно, ты не был осознан к самой своей идее перебивания. Перебивать — это так приятно. И, конечно, ты здесь главный. Хотя бы в этом ковчеге, ты Ной. А я лишь пассажир без билета. Но я могу видеть даже то, что происходит в твоём бессознательном — и, конечно, когда я говорю «Не перебивай!», это выглядит возмутительно. Никто не слышал, чтобы ты прерывал меня, даже ты... — но я слышал. Я слышал шёпот в твоём бессознательном.

Великие идеи приходят ко мне сегодня. Обычно я совсем беден, и у меня нет никаких великих идей. Прошу, не выходите из себя; лучше — войдите в себя.

R.P.S. продолжается; это было лишь небольшое замечание в скобках.

Первая книга на сегодня — «**Искусство жизни**» Лина Йутанга. Я вспоминаю одну из собственных моих книг — «Искусство умирания». Лин Йутанг ничего не знал о жизни, потому что он ничего не знал и о смерти. Хотя он и китаец, он испорченный китаец, христианин. Став христианином, он стал испорчен. Обращение портит^[19] — вот ты и христианин.

Книга Йутанга написана красиво во многих смыслах — помимо смерти. А это значит, что и жизнь не была включена. Жизнь может войти, только если вы позволяете случиться смерти в вас, никак без этого. Это две стороны монеты. Вы не можете оставить только одну сторону и отбросить другую. Но пишет он красиво, умело — но что бы он ни писал, это только воображение, чистое воображение. Просто мечты о красивых вещах. Иногда мечты бывают красивы. Не все ваши сны кошмарны.

«Искусство жизни» не имеет ничего общего с жизнью, так же и с искусством вообще, но всё же это великая книга. Она велика в том понимании, что вы можете быть совершенно поглощены ею. Вы теряетесь в ней, как теряются в густом лесу: в небе сияют звёзды, вокруг сплошные деревья и никакой тропы, никакого видимого направления, чтобы двигаться. Поэтому я нахожу её в числе величайших книг. Почему? — да потому, что, читая её, вы забываете о своём будущем, забываете о прошлом — и становитесь частью настоящего.

Я не знаю, знал ли Лин Йутанг что-либо о медитации. К большому сожалению, он был христианином, а значит никогда не заходил ни в даосский монастырь, ни в буддийский храм. Он не знал, что упускает. Вместо того, он просто читал Библию, одну из самых третьесортных книг в мире — исключая две маленькие её части: Песнь Соломона из Старого завета; и из Нового завета Нагорная проповедь. Если то и другое извлечь из Библии, останется один мусор. К сожалению, нашему герою не было известно о Будде, Чжуан Цзы, что-нибудь о Нагарджуне, Кабире, аль-Хилладж Мансуре... что-то об этих безумцах; только тогда его книга была бы подлинна. В данном случае она просто хорошо исполнена — но лишена сути.

Вторая — ещё одна книга Лин Йутанга «**Мудрость Китая**». Он владел этим искусством,

писать, и он писал о чём угодно — вот даже «Мудрость Китая», хотя он не знает ничего о Лао Цзы, который вмещает не только мудрость Китая, но мудрость всего мира. Конечно, Лин Йутанг поместил несколько предложений о Лао Цзы, но эти предложения пахнут его христианским воспитанием. В остальном тексте совсем нету Лао Цзы. Он цитирует Чжуан Цзы, но естественно его выборки очень рациональны, разумны, а Чжуан Цзы — это не рациональный человек; он самый абсурдный из всех живших когда-либо.

Чжуан цзы — один из моих самых любимых персонажей, и всегда, когда ты говоришь о ком-то, кого любишь, ты касаешься крайностей, используешь преувеличения, но для меня это так не звучит. Я бы отдал целый мир за одну-единственную причту Чжуана Цзы — а он написал их сотни. И каждая — Нагорная проповедь, Песнь Соломона, Бхагавадгита. Каждая причта представляет так много, так щедро — неизмеримо..

Лин Йутанг цитирует Чжуан Цзы, но цитирует как христианин, не как понимающий человек. Да, он хороший писатель, и его книга, «Мудрость Китая» стоит бо-о-бок со всего несколькими другими книгами, представляющими целую страну и нацию, Она похожа на «Историю западной философии» Бертрана Рассела и «Разум Индии» Радхакришнана. Это просто история, не мистерия, не тайна; хорошо написано, грамотно, с расстановкой — и всё.

Он не просто христианин, он был обучен в монастырской школе. Можете ли вы помыслить о большем несчастье, чем отдать ребёнка в монастырскую школу... Конечно, Лин Йутанг во всём соответствует христианскому пути, и во всём расходится с тем сумасбродным человеком, который сейчас говорит о нём. Но, даже не смотря на это, я люблю его. Он талантлив. Не спрашивайте о большем. Он не гений — и я не могу быть слишком вежлив, я должен быть правдив. Я могу быть абсолютно правдив.

Третья — книга, которой я хотел избежать, но кажется, это невозможно. Она всё заглядывает и тычет свой нос сюда... Разумеется, это еврейская книга — иначе откуда ей иметь такой длинный нос? Это **Талмуд**.

Почему я хотел избежать его? Если не говорю ничего против евреев — как я всегда делал и продолжаю делать... Но в данный момент я не собираюсь говорить ничего против евреев; только теперь, по случаю праздника. Вот почему я пытался избежать этой книги.

Там есть одно прекрасное предложение, только одно, — и я должен процитировать его. Оно гласит: **Бог ужасен. Он не твой дядя, он не хорош.** Только это предложение: Бог не твой дядя, он не кто-то, с кем приятно пообщаться, — это мне нравится. Это по-настоящему так, это великое утверждение. В остальном книга — мусор. Она довольно примитивна и может быть отброшена полностью — помимо этого предложения. Сохраните его, когда будете выбрасывать книгу прочь. Напишите это у себя в ванной: Бог не твой дядюшка, он не хорош — помни! Это вернёт вас к здравому рассудку, когда вы начнёте совершать различные глупости по отношению к своей жене, своему мужу, своим детям, своей прислуге... или даже по отношению к себе.

Я родился в семье, принадлежащей к очень малочисленной секте джайнизма. Она следует сумашедшему, который, может быть, лишь немногим менее сумашедший, чем я. Но я не могу сказать — "более сумашедший, чем я"!

Я собираюсь говорить о двух его книгах, которые не переведены на английский, даже на хинди — потому что они непереводаемы. Я не думаю, что он когда-нибудь будет иметь интернациональную аудиторию — это невозможно. Он верит, что нет языка, нет грамматики, ничего такого. Он говорит как настоящий безумец. Четвёртая — его книга «**Шунья Свабхава**» — «Природа Пустоты».

Это всего несколько предложений, но огромной значимости. Каждая строчка содержит священный текст, но не так легко понять. Вы, конечно, спросите, как я смог понять его. Во-первых, так же как Мартин Бубер был рождён в хассидской традиции, я был рождён в традиции

этого сумасброда. Его имя Таран Таран. Это не настоящее его имя, но никто не знает настоящего имени. Таран Таран просто означает "спаситель". Это стало его именем.

Он был самым моим дыханием с самого детства — я слушал его песни, удивляясь, не понимая, что имеется в виду... Но дети никогда особо не беспокоятся о смысле. Песня была красивая, ритм красив, красивый танец... этого достаточно. Только когда ты подрастёшь, появляется нужда в понимании таких людей; иначе если такие люди с самого детства являются неотъемлемой частью твоей обстановки, тебе не нужно ничего понимать; но всё же в глубине своего нутра ты понимаешь их.

Я понимаю Таран Тарана — не интеллектуально, но экзистенциально. Более того, мне известно о чём он говорит. Даже если бы я не родился в семье его последователей, я бы понял теперь его. Я могу понять так много различных традиций — и это не зависит от рождения, в большинстве из них я не рождался и не проводил детство в соответствующем окружении. Я могу понять так много сумасшедших, что другой сам сойдёт с ума, пытаюсь растолковать для себя хотя бы часть из них. Но посмотрите на меня: они не затрагивают меня ничуть. Они остаются где-то ниже меня. Я остаюсь трансцендентным^[20] в отношении их всех.

Я понимаю Таран Тарана. Может быть, я не могу войти в контакт с ним — что возможно, его последователей не так много, всего несколько тысяч, и все они находятся в одной части Индии. И они очень взволнованы, потому что из-за своей малочисленности они не могут называть себя последователями Таран Тарана, им приходится называть себя джайнами. Они хранят свою веру в секрете, — тогда как остальные джайны верят в Махавиру, они поклоняются Таран Тарану, основателю их секты.

Сам джайнизм — очень маленькая религия. Всего три миллиона верующих. Всего две основных ветви: Дигамбары и Светамбары. Дигамбары верят, что Махавира жил нагим, всегда оставался нагим — они зовут это "одетый в небо"; это просто метафора слова "голый". Это более старая секта.

Слово «светамбара» значит "белая одежда", и последователи этой ветви верят, что хотя Махавира и был обнажён, боги дали ему невидимую белую одежду, завернули его в неё. Это компромисс, только чтобы удовлетворить индусов.

Последователи Таран Тарана принадлежат к секте Дигамбаров, и они самые революционные из джайнов. Они даже не поклоняются статуям Махавиры; их храмы пусты, что символизирует внутреннюю пустоту... Было почти невозможно узнать о Таране — и это был, возможно, единственный и лучший шанс — родится в семье его последователей, которых так мало. Но слава Богу, это стоило беспокойства — родится именно в этой семье. Все трудности остаются позади, но это дало мне возможность познакомиться с неповторимым мистиком.

В своей книге «Шунья Свабхава» он говорит только одну вещь, снова и снова, как полоумный. Вы знаете меня, вы можете понять. Я говорил ту же вещь, снова и снова, на протяжении двадцати пяти лет. ПРОСНИТЕСЬ! Вот главное послание «Шунья Свабхавы»...

Пять: вторая книга Таран Тарана — «Сиддхи Свабхава», "Природа предельной реализации", очень красивое заглавие. Здесь он говорит снова и снова: "будь пуст". Но что бедняга может сделать? Никто не может сказать иначе. «Проснись... Будь пробуждён.»

Английское слово «остерегаться» состоит из двух слов: «будь», «пробуждён»^[21] — так что не беспокойся о слове "остерегаться", просто будь пробуждён. Миг, в который ты пробуждён, ты дома.

У Таран Тарана есть много книг, но эти две содержат всё послание. Одна показывает, кто вы есть — чистая пустота; вторая — как вы можете достичь этого: быть пробуждённым, осозанным. Хотя обе они очень маленькие книги — всего несколько страниц.

Шесть... Я всё хотел начать говорить об этой книге, но боялся, что не смогу из-за

времени... Я не планировал, как всегда всё происходило без плана. Я думал, что буду говорить всего о пятидесяти книгах — но потом пришёл постскрипtum, и это продолжается и продолжается. Снова набралось пятьдесят названий — но остаётся ещё столько красивых книг, что мне приходится начать пост-постскрипtum — P.P.S. Поэтому сейчас я могу сказать об этой книге. Это Достоевский «**Записки из подполья**».

Это очень странная книга, настолько, насколько может быть. Просто записи — как записи Дэвагита, фрагменты, на первый взгляд не имеющие отношения один к другому, но на самом деле относящиеся к подводному течению жизни. Над этим стоит медитировать... Не могу сказать больше, чем это. Это одно из наиболее игнорированных произведений искусства. Кажется никто не заметил её, и потому что это не роман, а просто записки, и для немедитативного человека они кажутся совсем не связанными. Но для моих учеников это может быть очень значимо; вы найдёте там спрятанные сокровища...

Продолжаем шёпотом... Я ничего не говорю. На самом деле, я не говорил и этого. Это ещё один вид перебиваний. Мне стоит быть более внимательным. Хотя и сложно быть более внимательным, чем я. Большой внимательности не существует в природе. Что я могу в таком случае поделаться? Самое большее, я могу игнорировать это. Я могу слышать даже ваше тихое хихиканье... Но пожалуйста, не выходите из себя, войдите в себя.

Седьмая книга пришла ко мне из-за пределов здесь-и-сейчас. Я не собирался говорить о ней, но она тут. Не беспокойтесь и не выходите из себя. Это книга Людвиг Витгенштейна — написанная не в виде книги, а снова в виде заметок. Она опубликована посмертно под заголовком «**Философские исследования**». Это по-настоящему глубокое исследование глубочайших проблем человека..^[22] Да, и женщины тоже; иначе откуда этот мужчина может иметь свои глубочайшие проблемы? Его настоящая проблема — это женщина. Сократ говорит: "Если вам удастся жениться на красивой и доброй женщине — что редкость, — вам очень повезёт".

Книга Витгенштейна «Философские исследования», я любил её, её ясность, прозрачность, непогрешимую рациональность. Я очень любил её, и мне хочется чтобы всякий прошёл через неё... не как проходят на терапевтических группах: "пройдите через это" — не через боль. Вот что думают многие санньясины — что пройти через страдание является необходимостью; это не так, это ваш выбор. Вы можете пройти через благословения, блаженство... это только от вас зависит.

Я не имею в виду «Пройдите через неё!» в том же смысле, который подразумевают так называемые терапевты, проводящие свои группы. Когда я говорю «Пройдите!..», я говорю — танцуйте через неё... любите через неё! Я, может быть ошибаюсь грамматически, но буквально я прав. Конечно, я ошибаюсь где-то — я слышу ваш тихий смех. Извини, Дэвагит, но всё же слышу... Но эти помехи касаются меня — я не хочу, чтобы кто-то выходил из себя, особенно люди, которые так близки ко мне, и люди, которые не знают, что сегодня я здесь, а завтра могу не быть здесь.

Однажды этот стул будет пуст, Дэвагит, и ты будешь плакать и жалеть, что выходил из себя. И я могу остановиться в любой момент; вы же будете жалеть об этом. Вы уже знаете об этом, но вы забыли. На протяжении семи лет я говорил непрерывно, но в один день — вы свидетели — я могу внезапно остановиться. Я могу остановиться когда угодно, возможно завтра, возможно послезавтра. Так что вам совершенно не надо беспокоиться, что бы я ни делал, даже если я цепляюсь к вам и раздражаю вас, это для вашей же пользы, у меня нет никакой другой выгоды, я не преследую никакой своей цели. У меня нет никакой цели во всём мире. Я уже имею столько, что в этом мире и за тысячу жизней невозможно достичь.

Восемь... Восьмая книга это... — я могу слышать твой плач, Дэвагит, и иногда это хорошо.

И, плача рядом с мастером... Мои глаза полны слёз, а вы плачете. Это некое со-общение... Как бы ни было, восьмой книгой я выбрал Ассаджиоли «**Психосинтез**».

Зигмунд Фрейд проделал большую работу, создав психоанализ, но это только половина. Другая половина — это «Психосинтез», созданная Ассаджиоли. Моя работа включает всё, это — психотезис.

Психоанализ и психосинтез, обе эти науки стоят того, чтобы быть изучеными. «Психосинтез» очень редко читают, потому что Ассаджиоли не такая видная фигура, как Фрейд; он был не способен достичь тех же высот, что и Фрейд. Но его стоит прочесть всем санньясинам. Это не то что он прав, а Фрейд ошибается, нет; оба неправы, взятые отдельно. Они правы только в одном случае — если их соединить вместе. И это вся моя работа: соединить все части вместе, как в мозаике.

Я всегда высоко ценил Калила Джебрана. Я хотел бы ещё раз сказать хорошо о нём, прежде чем осудить. Не беспокойтесь, я говорю — не осудить слегка, но по-настоящему осудить. Девятая книга — «**Белые стихи**» Калила Джебрана. Она прекрасна. Никто в современном мире, кроме Рабиндраната Тагора, не писал таких красивых белых стихов.

Это странно, потому что оба иностранцы по отношению к английскому языку. Может, именно поэтому они и могли писать таким поэтичным языком. Они пришли из разных языков: Калил Джебран — арабский язык, который очень поэтичен, подлинно поэтичен; Рабиндранат Тагор — язык бенгали, который ещё более поэтичен, чем арабский. Фактически, если вы увидите двух дерущихся бенгальцев, вы удивитесь — вы подумаете, что они просто обмениваются любезными словами, ничего другого. Даже в драке бенгали красив.

Я знаю это по собственному опыту. Я был в Бенгале и видел двух дерущихся людей — и это было бесспорно поэтично! Когда я был в Махаращтре, я видел людей просто разговаривающих между собой, и беспокоился: отчего они ссорятся? Известно ли об этом полиции? Маратхи такой язык, что вы не сможете сказать на нём ничего приятного. Он жёсткий, тяжёлый. Это язык драки.

Это необычно, что англичане оценили обоих, Калила Джебрана и Рабиндраната, — но они не узнали ничего о них. Они не поняли причину их успеха. Каков секрет их успеха? Это естественная поэтичность..

Десятая: это книга Калила Джебрана, которую я никогда не хотел публично осуждать, потому что я люблю автора. Но я должен сделать это, чтобы это было записано, — я не могу согласиться с человеком, когда его слова не выражает истину, даже если я люблю этого человека.

Книга «**Мысли и медитации**». Я не могу согласиться, потому что я знаю — Калил Джебран никогда не знал что есть медитация. В этой книге "медитации" значат ни что иное, как "размышления"; только тогда это может быть совмещено с мыслями. Ашу, ты не должна совмещать медитацию с мыслями, идти с ними — иди только с медитацией. Со мной, а не с Калилом Джебраном. Так ты будешь подниматься всё выше. Если вы не достигнете этого — я собираюсь прекратить говорить, как сейчас, очень скоро. Я хотел бы подтвердить свою трансцендентность любым способом. Ни один будда не делал этого прежде. Я хочу стать первым.

Я против этой десятой книги, потому что я против мысли. Я также против, потому что Калил Джебран употребляет слово "медитация" в западном смысле. На Западе медитация означает просто думать о чём-то сосредоточенно. Это не медитация. На Востоке медитация — не думать совсем. Ни о том и не об этом — это совершенное отсутствие объекта. Нет никакого объекта, только чистая субъективность. Серен Кьеркегор сказал: «Глубочайшее ядро человека — это субъективность». Вот что такое медитация.

О'кей. Первая книга, о которой я собираюсь говорить в этом п.п. с — та, о которой вы и не думали, что я когда-то буду говорить. Это биография Махатмы Ганди «**Мои эксперименты с истиной**». Говорить о его экспериментах с истиной — это по-настоящему замечательно. Это правильное время.

Ашу, ты продолжай и продолжай; иначе я стану осуждать Махатму Ганди. Продолжай, тогда я, может быть, буду помягче к бедняге. До этого времени я не был мягок к нему. Возможно, вы мне поможете отнестись к нему немного по-другому... хотя я знаю, что это почти невозможно.

Но конечно я скажу несколько хороших вещей. Первая: никто не писал свою биографию так искренне, с такой подлинностью... Это одна из самых детальных и правдивых автобиографий из всех написанных.

Вообще, автобиография очень странная вещь — пиши о самом себе. Ты либо начнёшь хвастаться, либо будешь слишком скромн. Я скажу об этом во второй книге по списку. Но Махатма Ганди не пошёл ни по одному из этих путей — он прост, он только констатирует факты, точно как учёный; совершенно, кажется, не обращая внимание на то, что это его автобиография. Он говорит обо всём, что другой захотел бы непременно спрятать, утаить от других. Но само заглавие книги ошибочно. Никто не может экспериментировать с истиной. Можно знать или не знать её, но никаких экспериментов быть не может.

Само слово "эксперимент" принадлежит миру объективной науки. Нельзя экспериментировать с субъективностью — а это и есть истина. Запишите это:

Субъективность не может быть сведена НИ К ОДНОМУ объекту для экспериментирования или наблюдения.

Субъективность — самый таинственный феномен в существовании, и её таинственность — то, что она всегда уходит и уходит, она всё время позади... Что бы вы ни наблюдали, это не "ТО" ... это не субъективность. Субъективность — это всегда наблюдающий и никогда наблюдаемое. Вы не можете экспериментировать с истиной, потому что эксперименты возможны только с вещами, объектами, но не с сознанием.

Махатма Ганди был искренним и хорошим человеком, но он не был медитатором. А если кто-то не является медитатором, всё хорошее, что может в нём быть, не имеет пользы. Он экспериментировал всю свою жизнь и ничего не достиг. Он умер таким же невежественным, как и родился. Очень жаль, потому что трудно найти человека такого цельного, искреннего и честного и с таким великим желанием знать истину. Но само это желание становится барьером.

Истина известна таким людям, как я, которые никогда не беспокоились о ней, которые были абсолютно беспечны в отношении всякой "истины". Даже если Бог стучит в мои двери, я не собираюсь открывать их. Ему придётся найти собственный путь, чтобы открыть их и войти. Истина приходит к таким ленивым людям. Отныне я буду называть себя Проводником Лентяев к Просветлению. И я должен добаить ещё одно, чтобы получилось завершённо: я проводник лентяев к просветлению и к не-просветлению также! Это продолжается и после просветления.

Я сочувствую Махатме Ганди, хотя я всегда критиковал его из-за его политики, из-за его социологии и за его дурацкую идею о том, что нужно повернуть колесо времени назад — можете назвать это вращением колеса. Он хочет, чтобы человек снова стал примитивным. Он был против всякой технологии, даже против железной дороги, против телеграфа, почты... Без науки человек превратится обратно в бабуина. Бабуин может быть очень силён — но бауин это бабуин. Человек должен двигаться вперёд.

Я возражаю даже против названия его книги, потому что это не просто название, это итог всей его жизни. Он человек мысли, так как он получил английское образование — он превосходный индийский англичанин! — настоящий викторианец. Это те люди, которые направляются в ад, викторианцы. Он был полон этикета, манер, полон всей этой английской чепухи. Четана сейчас, должно быть, уязвлена. Четана, прости меня. Это случайность, что ты здесь, и ты знаешь меня — я всегда ищу что-то, что поражает людей..

Но Четане повезло — она не английская леди, она ошовская чудачка! И она вышла из бедной английской семьи — это хорошо. Её отец был простым рыбаком. У неё нет снобизма. Другие английские леди, даже больше, чем джентельмены, всегда задирают носы, словно они всегда смотрят на звёзды. От них действительно несёт — несёт их снобизмом!

Махатма Ганди получил образование в Англии; возможно, это его и испортило. Возможно, было бы лучше, если бы он остался необразованным... и тогда бы он не экспериментировал с правдой, он смог пережить бы её на опыте. ^[23]

Экспериментировать с Истиной? Абсурд! Смешно! Если кто-то хочет узнать Истину, он должен пережить её..

Вторая книга — «**Исповедь**» святого Августина. Августин был первым, кто мог бы написать свою биографию без всякого страха, но он ушёл в другую крайность. Вот почему я ценю Ганди. В своей «Признаниях» Августин слишком много признаётся — даже в грехах, которых он никогда не совершал! — только ради удовольствия от признания. Что это за удовольствие! Взять и сказать миру, что «нету такого греха, которого бы я не совершал. Я совершил всякий грех, на который человек только способен».

Это не правда. Ни один человек не может совершить все грехи. Никто не способен, даже сам Бог. Что говорить о Боге — сам дьявол раздумывает о том, как насладиться всеми теми вещами, в которых этот Августин признаётся в своей книге!.. Но это преувеличение.

Преувеличение — одна из общих болезней для всех святых. Они всё преувеличивают, даже свои грехи; и, конечно, тогда они становятся способны преувеличить свои добродетели. Это просто вторая часть той же истории. Если ты слишком преувеличиваешь свои проступки, то на заднем плане заслуга, которая может быть и не слишком большой, становится намного более начительной, яркой — она сияет из-за туч! Эти чёрные тучи помогают выделить настоящую добродетель. Без грехов вы не сможете стать святым. Больше грехов — лучший святой; это простая арифметика.

Но я всё равно включаю книгу в свой список, потому что она написана красиво. Я такой человек — пожалуйста запишите, пусть это будет записано, — что даже если вы лжёте красиво, я непременно оценю: это было красиво. Ложь остаётся ложью — но какая разница ложь это или не ложь! Сама красота делает это достойным удовольствия и оценки.

«Исповедь» — это шедевр лжи. Она полна лжи. Но автор сделал свою работу почти совершенно. Я говорю почти, потому что всегда есть возможность, что кто-то сделает это лучше. Но он сделал на девяносто девять процентов совершенно; другим осталось не так много. Да, после него многие пробовали, даже такой великий человек, как Лев Толстой. Я говорил о его книгах «Воскресение» и «Война и мир». На протяжении всей своей жизни он пытался создать свои собственные исповеди; но в этом он не преуспел. Августин остался непревзойдённым даже таким человеком как Лев Толстой. Но, Толстой, прошу, не выходи из себя; я всё равно включаю тебя в свой список.

Третья — Лев Толстой «**Анна Каренина**», небольшой, но великолепный роман. Вы наверно удивлены, почему я включаю роман в мой список. Просто потому что я сумасшедший! Мне нравятся все возможные вещи. «Анна Каренина» — одна из моих самых любимых книг. Я не помню, сколько раз я читал её. Я не помню сколько именно раз — но помню, что книга

совершенно замечательная, и это касается всей книги.

Посмотрите на это! Ашу слегка вздохнула; она, должно быть, обеспокоилась: «Сейчас этот безумец начнёт пересказывать всю "Анну Каренину!"..» Нет, Ашу, не беспокойся — я не собираюсь делать этого. Мне нужно сделать много другого. Возможно, когда-то, но не сейчас.

Если я буду тонуть в океане и мне нужно будет выбрать один роман из миллионов романов со всего мира, я выберу «Анну Каренину». Это прекрасно — остаться с этой книгой. Нужно читать и перечитывать её, только тогда ты сможешь ощутить её душу, её вкус и запах. Это необычная книга.

Лев Толстой — неудавшийся святой, точно как и Махатма Ганди неудавшийся святой; но Лев Толстой — великий романист. Махатма Ганди же успешен в другом — он есть — и останется всегда — вершиной искренности. Я не знаю никакого другого человека в этом столетии, который был бы так искренен. Когда вы пишете в конце письма «искренне ваш», вы знаете и все знают, и тот человек, которому адресовано письмо знает, что всё это чепуха. Это очень сложно, почти невозможно — быть по-настоящему «искренне чьим-то». Вот что делает личность религиозной — искренность.

Лев Толстой хотел быть религиозным, но не мог. Он очень старался. Я очень ценю его усилие, но он не был религиозным человеком. Ему нужно подождать ещё, как минимум, несколько жизней. И это хорошо, что он не был таким же «религиозным человеком», как Муктананда; иначе он бы не написал «Воскресение», «Война и мир», «Анна Каренина» и десятки других красивых, чрезвычайно красивых книг. Иначе он стал бы другим Свами Идиотанандой, ничем другим.

Четвёртый — Аджит Сарвасв... Аджит Мухерджи. Он сделал большу услугу тантре. Я хочу включить две его книги.

Четвёртая — Аджит Мухерджи «**Искусство Тантры**» и пять — другая его книга «**Картины тантры**». Он всё ещё жив, и я всегда любил его за эти две книги. Это шедевры, в самом деле живопись, рисунок на полотне — а какие комментарии могут быть к живописной картине. Его введения к означенному предмету неизмеримо ценны.

Но сам он был лишь простым бенгальцем. Всего несколько дней назад он встретился с Лакшми в Дели. Он пришёл повидаться с ней и сказал, что хотел бы показать мне всё своё собрание тантр. Он, наверное, владеет одной из самых ценных и богатых коллекций тантрической живописи и тантрического искусства. Он сказал Лакшми: «Я хотел отдать всё это ему, потому что он единственный человек, кто может увидеть это и понять ценность этого... но я был очень испуган». Он сказал: «Я не хочу, чтобы меня хоть как-то ассоциировали с ним — это может стать для меня проблемой. В конце коноцв, я пожертвовал свою коллекцию, которую собирал всю свою жизнь, индийскому правительству».

Я любил эти две его книги, но что сказать о самом человеке — Аджит Мухерджи или Аджит Мышь? Какие опасения! И человек с таким страхом, с такими опасениями претендовал на знание тантры!.. Это невозможно. Написанное им было только интеллектуально. Это не было и не могло быть от сердца. У него нет сердца. Что касается физиологии, даже мышь имеет сердце — но это не сердце, это только внутренность. Только человек может иметь нечто большее, чем внутренность... — сердце; и великий рост возможен в климате храбрости, в любви, в вызове к приключениям. Бедный Аджит! Но всё же я ценю его книги. Мышь сделала выдающуюся работу. Эти две книги всегда будут иметь большое значение для тантры и для искателей истины. Но простите и забудьте про Аджита Мышь — я имел в виду Аджита Мухерджи.

Прошу помните, я не против вас, Аджит Мухерджи, как и не против кого-либо другого. Я не враг никому в мире — хотя миллионы людей в мире видят во мне врага. Это их дело; мне нечего

с этим делать. Аджит Мухерджи, я люблю тебя, потому что ты услужил тантре. Тантра нуждается во многих толкователях, философах, художниках и поэтах, чтобы древняя мудрость ожила опять; и ты сделал в это небольшой вклад.

Шесть. Это книга, о которой я всегда хотел говорить, она даже запланирована для моих утренних дискурсов на английском. Я уже говорил о ней на хинди, и это также может быть переведено. Книга шанкарачааи — не теперешнего идиота — но Ади Шанкарачарья, настоящего.

Книге уже тысяча лет, и это просто маленькая песня: «**Бхадж говиндам мудх мате**, О идиот...» А ты, Дэвагит, слушай внимательно, я не говорю к тебе, это название книги. "Бхадж говиндам" — пой песню Бога — "мудх мате, О идиот". О идиот, пой песню Бога.

Но идиоты не слушают. Они никогда никого не слушают, они глухи. Даже если они слушают, они не понимают. Это глупцы. Даже если могут понять, они не могут следовать своему пониманию; а если вы не следуете своему пониманию — само понимание бессмысленно. Понимание является пониманием, только если оно доказано вашим следованием.

Шанкарачарья написал много книг, но ни одна из них не прекрасна так, как «Бхадж говиндам мудх мате». Я столько говорил об этих трёх или четырёх словах, почти три сотни страниц. Но вы знаете, как я люблю петь песни; если у меня есть возможность, я продолжаю бесконечно. Но тут я хочу только упомянуть об этой книге.

Семь, ещё одна книга Людвиг Витгенштейна. Он также один из моих любимцев. Название книги — «**Философские бумаги**». Это не вполне книга, а скорее коллекция статей, вышедших в разное время. Каждая из статей прекрасна. Витгенштейн не мог бы по-другому. Он имел эту способность создать красивое, без того, чтобы быть нелогичным, а также мог создать поэзию в прозе. Не думаю, что он когда-нибудь думал о себе как о поэте, но я объявляю его одним из лучших поэтов. Он в той же категории, что и Калидас, Шекспир, Мильтон или Гёте.

Седьмая книга — Пол Репс «**Плоть и кости дзэна**». Это великая работа — не оригинальная, в том смысле, что этот человек не писал её, но более чем значительная, это больше, чем просто перевод. Она сама достойна отдельной категории. С одной стороны, это оригинально, с другой, это перевод. Это переводы старых дзэнских анекдотов и оригинальных текстов. Я знаю, потому что я читал все или почти все книги по дзэну или про дзэн — ничто не конкурирует с Полом Репсом. Он уловил проблеск. Он почувствовал тот же аромат, что и Башо или Ринзай.

Человек всё ещё жив, живёт где-то в Калифорнии. В своей маленькой книге он собрал не только анекдоты дзэна, но также сто двенадцать сутр Вигьяна Бхайрава Тантры, высказанных Шивой своей возлюбленной Парвати, в которых он раскрывает все возможные ключи. Я не могу придумать какие-нибудь принципиально новые медитационные техники, которых бы не было в Вигьяна Тантре. Сто двенадцать ключей — этого кажется вполне достаточно; сто тринадцать не будет выглядеть так хорошо. Сто двендцать кажется чем-то действительно эзотеричным, правильным.

Книга очень маленькая, вы можете носить её в кармане; это rocketbook.^[24] Но вы можете и Кохинор носить в кармане... хотя Кохинор и вставлен в Британскую корону, а вы не сможете положить её в карман. И самая прекрасная вещь, касающаяся Пола Репса, что он не добавил ни одного слова от себя — это выглядело бы неправдоподобно. Он только перевёл, просто перевёл — хотя не только перевёл, он принёс цветок дзэна в английский язык. Даже Судзуки не был способен на это, потому что он был японец. Будучи просветлённым, он не смог передать дух дзэна в своих английских книгах. Английский Судзуки хорош, но слишком непросветлён, возможно, электризует, но всё же не воспламеняет.

Пол Репс сделал почти невозможную задачу — живя в Америке, и не смотря на это, я

повторяю, не смотря на это получил полный аромат цветка дзэн. И не только получил его для себя, но передал в «Плоть и кости дзэна» всему миру. Мир должен остаться навсегда благодарен ему, хотя он и не просветлённая личность. Вот почему я говорю, что ему удалось сделать почти невозможную задачу.

Девять... Я жду пока вы немного подрастёте, потому что я собираюсь говорить о высотах, предельных высотах. Хорошо... но не останавливайтесь. Хорошо не означает "стоп", это просто означает "продолжайте, продолжай в том же духе" — "чараивети, чараивети".

Кстати — книга, которую я собираюсь упомянуть, это Кристмас Хамфрис «Дзэн буддизм». Сначала он хотел назвать её «Продолжай, продолжай» — как перевод «Чараивети, чараивети» — или «Иди, иди». Но всё-таки англичанин остаётся англичанином. Он отбросил первоначальное название и назвал книгу просто «Дзэн буддизм».

Книга красива, но название уродливо, потом что Дзэн не имеет ничего общего с какими бы ни было — измами, с буддизмом или чем-то ещё. "Дзэн буддизм" — это не подходит для названия. Просто "Дзэн" было бы достаточно. Хамфрис написал в своём дневнике, что он избрал «Чараивети, чараивети» первым предпочтением для титульного листа — но потом он подумал, что это будет слишком длинно. «Иди, иди»... «Продолжай, продолжай [\[25\]](#)». Он поменял название и получил что-то уродливое: «Дзэн буддизм». Но сама книга красива. Она является хорошим введением для миллионов людей Запада в мир Дзэн. Это большая услуга.

Этот Хэмфрис был учеником Т.Д. Судзуки, и он услужил мастеру, как никто, особенно на Западе. Он оставался преданным Судзуки всю жизнь.

Гудья поведала мне вчера свой разговор с Дэвагитом, она сказала ему: «Если ты живёшь с Ошо хотя бы один месяц, как я, ты должен знать, что это трудно». И я знаю — это представляет определённую трудность. Жить с просветлённым человеком трудно; а жить с тем, кто вышел за пределы этого — ещё трудней.

Но Хемфрис доказал, что он настоящий ученик; он оставался верен и честен и послушен Судзуки до самого конца его жизни и до самого конца своей. Он не колебался ни мгновения. Вы найдёте этот непоколебимый дух в его книге.

Десятая — и последняя книга для сегодняшнего собрания. Это очень маленькая книга, известная всего нескольким людям на земле, но её следует провозглашать с крыш всем и каждому. Это «**Песни Чандиды**» — бенгальского безумца, Баула. Слово "баул" означает "безумец". Шандида танцевал и пел — от деревни к деревне, и никто не знает, кто собрал его песни. Это должен был быть кто-то с великой и щедрой душой, такой щедрой, что он даже не упомянул своего имени.

Песни Чандиды... Я чувствую себя в таком благоговении. Одно имя Чандида — и моё сердце начинает биться в совсем другом ритме. Какой это был человек и какой поэт! Было тысячи поэтов, но Чандида в той же категории, что и Соломон, не ниже этого. Если Соломона можно сравнивать с кем-то, это с Чандидой.

Песни Чандиды воспевают странные вещи — Бога, которого не существует. Чандида знает, что бога нет, но он всё же поёт о Нём, просто потому что "Бог" представляет существование.

Чандида также поёт о медитации, хотя о ней и ничего нельзя сказать — но он всё что-то говорит, и это нельзя пропустить. Он говорит: «Медитация — эквивалент не-ума». Какая замечательная формула! Альберт Эйнштейн должен ревновать к Шандиде. Увы, Эйнштейн не знал ничего ни о Чандиде, ни о медитации. Один из величайших людей этого века, он был абсолютно не знаком с медитацией. Он был знаком со всем, кроме себя самого.

Чадида поёт песни о любви, об осознанности, о красоте и природе. И есть несколько песен, которые не связаны вообще ни с чем; только комфортность, удовольствие от пения — и совсем никакого смысла.

Это моя десятая и последняя на сегодня книга.

О скольких книгах я уже сказал в P.P.S., гммм?

"Сорок, Ошо".

Сорок?

"Да, Ошо".

Вы знаете, что я упрямый человек. Я собираюсь довести число до пятидесяти, что бы ни случилось. Иначе придётся начать P.P.P.S. Но моё упрямство окупается: это помогает бороться против всех видов глупостей, которыми полон мир. Это большая помощь для меня, чтобы сохранить свой интеллект среди всех этих посредственностей везде вокруг. И я совсем не чувствую сожаления, потому что я упрям; фактически я благодарю Бога, что он создал меня таким: крайне упрямым.

Первая книга принадлежит Беннету, англичанину, совершенному англичанину. Книга о совершенно неизвестном индийском мистике Шивпури Бабе. Мир узнал о нём только благодаря книге Беннета.

Шивпури Баба был несомненно одним из редчайших цветений, особенно в Индии, где столько идиотов, претендующих на звание махатм. В Индии найти такого человека это большая удача, нужно предпринять большое исследование. В этой стране пятсот тысяч махатм. Найти настоящего человека среди этой толпы почти невозможно.

Но Беннету повезло во многих смыслах и не один раз. Он был первым, кто обнаружил Гурджиева. Это был не Успенский, не Никкол, а не кто иной как Беннет. Беннет нашёл Гурджиева в эмигрантском лагере в Константинополе. Эо было время русской революции. Гурджиев покинул Россию — и по пути в него дважды стреляли, прежде чем он смог убежать. Наши с ним методы различны — но судьба может сыграть в одну и ту же игру дважды...

Гурджиев в лагере для эмигрантов! — только подумайте об этом, я не могу поверить, что человечество способно пасть так низко. Отправляя Гурджиева, Будду, Иисуса или Бодхидхарму в какой-то лагерь... Когда Беннет увидел Гурджиева, тот стоял в очереди за едой. Еду давали только раз в день, и очередь была длинной. Тысячи русских стояли в этой очереди — они бежали из России, потому что коммунисты расстреливали там людей без всяких причин, даже не спрашивая имени и ничего не выясняя. Вы будете удивлены — они убили почти десять миллионов русских.

Как Беннет мог опознать Гурджиева? Гурджиева, сидящего среди своих учеников, не трудно опознать, но Беннет разглядел его и в старой рваной одежде, не мывшегося много дней. Почему его взгляд остановился именно на нём в этой очереди? Эти глаза — вы не сможете спрятать их. Эти глаза — сидит ли человек на золотом троне или же стоит в очереди за порцией еды в лагере для беженцев — они одни и те же. Беннет забрал Гурджиева на Запад.

Никто не поблагодарил его за это, и этому есть причина. Он был неопределённым, колеблющимся человеком. Беннет никогда не предавал Гурджиева, пока тот был жив. Он не смел. Эти глаза, это было слишком; он дважды видел их непередаваемое воздействие. Он берёт интервью у Гурджиева в своей книге — которая не очень хороша, не велика, потому что я не посчитал её, а просто обращаюсь к ней — Беннет говорит: «Я пришёл к Гурджиеву усталый и истощённый после долгого путешествия. Я был болен, очень болен, мне казалось, что я собираюсь умереть. Я пришёл повидать его просто потому, что если я умру, то больше не увижу этих двух глаз опять... я пришёл за последним опытом».

Он вошёл в комнату к Гурджиеву. Гурджиев увидел его, встал, подошёл близко и обнял. Беннет не мог поверить — это не было системой Гурджиева. Если бы он стукнул его, это было

бы более ожидаемо, — но он обнял его! И это было больше, чем просто объятие. В те несколько мгновений, пока Гурджиев обнимал его, Беннет почувствовал огромный прилив энергии. И в то же время он видел, как Гурджиев начинает бледнеть. Гурджиев отошёл и сел, а потом с трудом поднялся опять и ушёл в ванную комнату, сказав Беннету: «Не беспокойся — просто подожди десять минут, и возвращусь, такой, как и всегда».

Беннет говорит: «Я никогда не чувствовал такой благодати, такого здоровья, такой силы. Казалось, что я могу сотворить что угодно!»

Это чувствовали многие люди, принимавшие наркотики — ЛСД, марихуану или другие, — под их воздействием они чувствовали, что способны сделать всё. Одна женщина думала, что она может летать — и она полетела, с тринадцатого этажа нью-йоркского небоскрёба. Можете представить окончание этого полёта. Даже частей этой женщины не нашли.

Беннет говорит: «Я чувствовал, что я могу сделать всё. В этот момент я понял знаменитое изречение Наполеона: "Ничто не невозможно". И я не только понял, я почувствовал, что я могу сделать всё, что захочу. Но я знал — это было сострадание Гурджиева. Я умирал, и он спас меня».

Это случилось дважды... снова несколько лет спустя. На Востоке это называется трансмиссия, передача; энергия пламени может перепрыгнуть с одной лампы на другую, которая тухнет, умирает. Но хотя эти великие опыты случались с ним, Беннет колебался. Он не колебался так же, как Успенский, и не предавал своего учителя, — но когда Гурджиева не стало, он предал. Он начал искать другого мастера. Какое несчастье! — я имею в виду, несчастье для Беннета. Это было благом для других, потому что именно так он нашёл Шивпури Бабу. Но Шивпури Баба, каким бы ни был великим человеком, не мог соперничать с Гурджиевым. Мне сложно поверить, что это случилось с Беннетом. Он был учёным, математиком... только это и даёт какое-то объяснение. Учёные и математики почти всегда ведут себя крайней глупо в том, что не касается их специфического поля деятельности.

Я всегда определял науку, как «всё больше и больше знания о всё меньшем и меньшем», а религию — «всё меньше и меньше знания о большем и большем». Кульминацией науки должно быть знание всего о ничто, а кульминацией религии — знание всего — не знание об этом, просто знание. Не об этом, а просто осознание. Наука заканчивается в невежестве; религия находит конец в просветлении.

Многие учёные, даже из тех, кого называют великими, показали себя настоящими дураками в том, что не касалось их профессии. Они ведут себя по-детски. Беннет был учёным и математиком и имел в этом определённый престиж... но он колебался и упустил. Он снова начал искать мастера. И он не был тем, кто остался с Шивпури... Шивпури был уже очень старым человеком, когда Беннет пришёл к нему. Ему было уже почти сто десять лет. Он был действительно стальным человеком. Он жил почти полтора века. Он был семи футов роста и ста пятидесяти лет возрастом — и ещё не было никакого признака того, что он собирается умирать. И наконец он подумал, что оставит тело — это было его решение.

Шивпури был молчаливым человеком, он ничему не учил. И тому, кто знал Гурджиева и его замечательное учение, было совсем обычно находится рядом с таким человеком. Беннет написал свою книгу и снова начал искать мастера. Шивпури Баба даже ещё не умер.

Позже, в Индонезии, Беннет нашёл Мухаммеда Сабуда, основавшего движение Сабуд. "Сабуд" — это сокращение от сушил-будда-дхарма; по одной букве от этих трёх слов. Какая глупость! Беннет начал приходить к Мухаммеду Сабуду — который был хорошим человеком, но не мастером... даже сравнить нельзя с Шивпури Бабой; и даже вопроса нет о сравнении с Гурджиевым. Беннет привёз Мухаммеда Сабуда на Запад и начал представлять его всем как преемника Гурджиева. И это уже крайняя степень идиотства!

Но Беннет пишет красиво... математично, систематично. Его лучшая книга «**Шивпури Баба**». Хотя Беннет и был дурак, но даже если вы посадите обезьяну за машинку, иногда она может выдать что прекрасное — даже те утверждения, которое мог бы сделать будда — просто стуча по разным клавишам машинки. Но она сама не поймёт, что она написала.

Беннет продолжал в том же духе. Вскоре он разочаровался в Мухаммеде Сабуде и начал искать другого мастера. Бедняга, всю свою жизнь он искал и искал, не переставая. Он уже нашёл правильного человека — это был Гурджиев. Он написал о нём, и это было красиво, эффектно — но в его сердце было темно, ни капли света не было там... Таким образом, я считаю его книгу одной из лучших. Можете считать это моей беспристрастностью.

Вторая: это очень странная книга, никто не читает её. Вы, возможно, и не слышали о ней — хотя она написана в Америке. Книга «**Слушай, маленький человек**» Вильгельма Райха. Это очень маленькая книга, но напоминает одну из таких, как Нагорная проповедь, Дао Дэ Цзин, «Пророк», «Так сказал Заратустра». На самом деле, Райх не был в том же статусе, чтобы писать такие книги, но видимо он обладал каким-то неизвестным духом.

«Слушай, маленький человек» вызвало большой антагонизм по отношению к Вильяму Райху, особенно из числа профессиональных психоаналитиков, его коллег, потому что он называл каждого «маленький человек» — и он считал, что сам он так велик? Но я хочу вам сказать: он был велик! Не так, как Будда, но так, как Зигмунд Фрейд, Карл Юнг, Ассаджиоли. Он принадлежал к той же категории. Он был великим человеком — не сверхчеловеком, но великим. И не только из-за его собственного эгоизма эта книга родилась; он просто обязан был помочь ей появиться, должен был написать её. Он был похож в этом на беременную женщину, которая должна помочь ребёнку появиться на свет. Он на протяжении многих лет вынашивал в себе эту маленькую книгу, сопротивляясь идее написания, потому что хорошо знал — это создаст для него ад. Но он сделал это. И, как только книга вышла, она была осуждена и оплёвана на каждом углу.

Создать что-то красивое в этом мире — это преступление. Человек совсем не изменился. Они убили Сократа, также они убили и Райха. Никакого измения. Они признали Райха сумасшедшим и заключили его под стражу. Он умер в тюрьме, осуждённый, превращённый в сумасшедшего. У него было это, способность вместить в себя всё небо, за пределами облаков... но он не позволил этому случиться. Америке ещё нужно учиться жить вместе с такими людьми, как Сократ, Иисус, Будда...

Над этими книгами следует медитировать всем моим санньясинам. Я рекомендую их без всяких условий, совершенно.

Третья — книга, написанная совместно Бертраном Расселом и Вайтехэдом. Никто не читает её. Она называется «**PRINCIPIA MATHEMATICA** ^[26]». Одного названия достаточно, чтобы испугать людей, и это, должно быть самая сложная книга на Земле. Я работал над ней как только это возможно. Трудности всегда завораживали меня. Книга очаровывает и стимулирует; но я не рекомендую её моим санньясинам. Избегайте её! Я перечитал эти тысячи страниц и не нашёл ничего, кроме математики. Разве что вы интересуетесь математикой, особенно высшей математикой... тогда другое дело. Я хочу включить её, потому что это шедевр — математический.

Четыре — это верный номер?

"Да, Ошо".

Вы удивитесь, узнав, что на четвёртом месте у меня аристотелевская «**Поэтика**». Я врождённый враг Аристотеля. Я называю его Аристоте-литис — наподобие болезни, неизлечимой. Ашиш, твоя мигрень ничто! Хвала Богу, что ты не страдаешь от Аристотелитиса! — это, как рак.

Аристотель рассчитывает быть отцом западной философии и логики. И он в самом деле является им, но только философии и логики, а не чего-то настоящего. Что-то настоящее идёт от Сократа, Платона, Плотина, Диогена и Дионисия, но не от Аристотеля. И это странно: он написал прекрасную книгу — и как раз именно эта книга не изучается его последователями, специалистами — «Поэтика». Я искал этого среди множества его книг. Я искал для того, чтобы увидеть, смогу ли я найти и в этом человеке что-то прекрасное... и, когда я нашёл «Поэтику», книгу всего на несколько страниц, это вызвало у меня трепет. У него тоже есть сердце. Всё остальное он написал от головы, но эта книга изошла из его сердца. Разумеется, она о сути поэзии — поэтике, — а суть поэзии не может быть ничем иным, кроме как сутью самой любви. Этот аромат не от интеллекта, но от интуиции. Я рекомендую эту книгу.

Пять. Столько книг стоят позади меня, и мне очень сложно выбрать... но я делаю этот выбор: Роси^[27] «Три столпа Дзэна». Много людей писало и дзэне — включая Судзуки, который знал предмет лучше других, — но «Три столпа дзэна» это самая красивая из книг о дзэн. Помните, я подчёркиваю: О дзэн — потому что Роси не имеет подлинного опыта этого. И от того книга становится ещё более особенной — написанная без малейшего опыта, просто от изучения книг, посещения монастырей в Японии... Это шедевр.

Только с одной вещью я хоу обратиться к автору: в дзэне нет трёх столпов или трёх столбов, в нём нет даже единого столба. В дзэне нет столбов. Это не храм и там нечего подпирает, это подлинная не-вещь-ественность. Нет нужды ни в каких столбах. Если Роси захочет переиздать книгу, ей нужно поменять название. «Три столпа дзэн» звучит хорошо, но это не отражает настоящего духа дзэна. Но книга написана очень научно. Тому, кто хочет понять дзэн интеллектуально, лучшей книги не найти.

Для шестого места я выбрал книгу очень странного человека. Он называл сам себя "М". Я знаю его настоящее имя, хотя он никогда не хотел, чтобы кто-то знал его. Его имя Махендранатх. Он был бенгальцем, учеником Рамакришны.

Махендранатх сидел у ног Рамакришны много лет и записывал всё, что происходило вокруг его мастера. Его книга известна как '**Евангелие Рамакришны**', но написанная этим М. Он не хотел открывать своего имени, он хотел остаться анонимом. Это путь настоящего ученика. Он сгладил себя совершенно.

В день, когда Рамакришна умер — вы будете удивлены — М умер тоже. Ему больше незачем было жить. Я могу понять... после Рамакришны куда труднее было остаться жить, чем умереть. Смерть казалась более блаженной, чем жизнь без мастера.

Было много мастеров, но вряд ли когда-то существовал ученик, подобный М, чтобы так рассказать о своём любимом мастере. Он нигде не вмешивается в, в книге его нет. Он просто передающий — не о себе и Рамакришне, а только о Рамакришне. Он больше не существовал возле мастера. Я люблю этого человека и его книгу и его стремление совершенно исключить себя. Удача найти такого ученика, Рамакришна был в этом более удачлив, чем Иисус. Я знаю имя этого человека, потому что я ездил в Бенгал, а Рамакришна был жив ещё в конце прошлого столетия, так что мне было не трудно узнать об этом человеке Махендранатхе.

Семь. Это был индийский мистик начало этого века. Я не думаю, что он был просветлённым, потому что он допустил три ошибки; в остальном его собранные работы красивы, поэтичны... Но эти три ошибки не нужно забывать. Даже такой человек как **Раматиртха** может совершать иногда глупые ошибки.

Он был в Америке. Он был человек с харизмой и ему поклонялись. Когда он приехал в Индию, он решил, что сперва ему нужно идти в Варанаси, цитадель индуистской религии, Ерусалим индуистов — их Мекка. Он думал, что если американцы так его уважают, то и индийские брамины... — они будут поклоняться ему как богу. Он ошибался. Когда он говорил в

Варанаси, один брамин поднялся и сказал: «Прежде чем ты продолжишь свою речь, ответь пожалуйста на мой вопрос. Знаешь ли ты санскрит?»

Раматиртха говорил о предельной реальности, а этот человек спрашивает его: «Ты знаешь санскрит? Если нет, у тебя нет никакого права говорить о том, о чём ты говоришь. Сперва пойти и выучи санскрит!»

Дело было не в брамине — все на свете брамины такие. То, что меня удивляет — Раматиртха стал изучать санскрит! Для меня это потрясающе. Ему нужно было сказать этому брамину: «Уйди прочь! — вместе со всеми твоими ведами и санскритом! Меня это не заботит. Я знаю истину, и почему я должен беспокоиться о санскрите?»

Раматиртха не знал санскрит, это правда — но в этом не было никакой надобности; он же почувствовал, что должен... Это первая вещь, которую я хочу чтобы вы помнили. Его книги поэтичны, они подбадривают, они полны экстаза — но он где-то упустил..

Второе: когда его жена прибыла повидать его из далёкого Пенджаба — он отказался увидеться с ней. Он никогда не отказывал ни одной другой женщине, но собственной жене он отказал. Он испуался. Он всё ещё был привязан. Мне так жаль его — отказывающегося от жены, испуганного.

Третье, он совершил самоубийство — хотя индуисты называют это «саморастворение в Ганге». Люди дают красивые имена уродливым вещам.

Если исключить эти три вещи, книги Раматиртхи очень ценны — но если вы забудете об этих трёх ошибках, вы можете начать думать о Раматиртхе как о просветлённом. Он говорил так, как если бы он был просветлённым, но он только «как если бы».

Восьмое, Дж. Е. Мур «**PRINCIPIA ETHICA**». Я любил эту книгу. Это великое упражнение в логике. На всех двухстах или больше страницах он рассматривает только один вопрос: «Что такое 'хорошо'?» — и, в конце концов, приходит к выводу, что "хорошо" неопределимо. Замечательно! Но он выполнил своё задание — по сути, он пришёл к тому же выводу, к которому приходят все мистики. Он был философом. Он шёл постепенно, шаг за шагом, но пришёл к тому же заключению, что и мистики.

Хорошо неопределимо, так же как красота, так же, как Бог. Всё, что имеет хоть какую-то настоящую ценность, нельзя определить. Запишите: если что-то может быть определено, значит оно не имеет цены. Если вы в своей жизни не придёте к неопределимому, вы не узнаете настоящего ценного, стоящего.

Девять... Я оставил вне списка «**Песни Рахима**», но я не могу больше. Он был мусульманин, но его песни написаны на хинди, и поэтому мусульмане не любят его, они совсем не вспоминают его. Индуисты не любят его потому что он был мусульманином. Возможно, я единственный, кто уважает его. Его полное имя Рахим Кхан Кхана. Его песни той же высоты и той же глубины, что и у Кабира, Мееры, Сахаджо или Чайтаньи. Почему он написал их на хинди? Будучи мусульманином он мог бы написать их на урду — а урду намного красивее, чем хинди. Но он сделал сознательный выбор; он захотел бросить вызов мусульманской ортодоксальности.

Десятая, Мирза Галиб, величайший поэт урду — и не только урду, возможно во всём мире, во всех языках нет тех, кто мог бы соперничать с ним. Его книга называется «**Диван**». "Диван" просто означат собрание стихов. Читать его сложно, но если вы захотите сделать небольшое усилие, это окупиться чрезвычайно. Кажется, что каждая строчка здесь содержит целую книгу. И в этом красота урду. Я говорю, что ни один язык не способен вместить столь многое в таком малом пространстве. Всего двух предложений хватит, чтобы составить книгу! Это волшебство. Мирза Галиб — волшебник этого языка.

Одинадцатая и последняя — Алан Уотс «**Книга**». Я спас её. Алан Уотс — не будда пока

ещё, но он может стать им; он уверенно движется к этому, и в один день... «Книга» сожержит важные вещи. Это его завет, весь его опыт с мастерами дзэн, классиками дзэн. И этот человек наделён огромным разумом. Но также он и пьяница. Разум плюс вино — вышла по-настоящему сочная книга. Я любил эту книгу — и я спас её, в конце концов.

---

notes

Der Übermensch (нем.)

Грех

Ph.D.

Fall in love — буквально "влюбиться"

Meera

taken by surprise

"garbage" — помойка, мусор

I don't mean bitch, I mean witch.

Wise — мудрый, знающий

being and becoming

Воеһте (переводчик и сам не знает — как оно переводиться точно...)

gossips than gospels

Buddha is the only man in history to call self 'no-self'

"I met nobody

Godot — God

What matters is the matter in it.

Не знаю — может, это ошибка: я нашёл только «Миф о Сизифе» Альбера Камю...

Феникс

Corruption corrupts

transcendental — за пределами

"beware" (остерегаться) — "be" и "aware"

problems of man (человек, мужчина).

he would not have experimented with truth, he would have experienced truth.

карманная книга (формат книг)

Go on, go on

«Основы математики»

Роси Филип Капло